71 6/32

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ

ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХЪ

КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

Сочиненіе

М. Платонова,

НАПИСАННОЕ ВЪ ЧЕСТЬ И ПОХВАЛУ БЛАЖЕННЫМЪ ИЗОБРѢТАТЕЛЯМЪ СЛАВЯНСКОЙ ГРАМОТЫ, ПО ПОВОДУ ИСТЕКАЮЩАГО, ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ 1862-МЪ ГОДУ, ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ СОВЕРШЕННАГО ИМИ ЕЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ, РАВНО И ПЕРЕВОДА КНИГЪ СВ. ПИСАНІЯ НА СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1862.

7/6/32

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ

ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХЪ

КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

Сочиненіе

М. Платонова,

НАПИСАННОЕ ВЪ ЧЕСТЬ И ПОХВАЛУ БЛАЖЕННЫМЪ ИЗОБРѢТАТЕЛЯМЪ СЛАВЯНСКОЙ ГРАМОТЫ, ПО ПОВОДУ ИСТЕКАЮЩАГО, ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ 1862-МЪ ГОДУ, ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ СОВЕРШЕННАГО ИМИ ЕЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ РАВНО И ПЕРЕВОДА КНИГЪ Св. ПИСАНІЯ НА СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

—

1862.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Харьковъ. 19 Іюля 1862 года.

Цензоръ Протоіерей *А. Мерхалевъ.*

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 378858
193

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Духовный Вѣстникъ» 1862 года.

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ

ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХЪ

КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

—

1862.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, что-бы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Харьковъ. 5 Іюня 1862 года.

Цензоръ Протоіерей *А. Мерхалевъ.*

(Отдѣльные оттиски изъ «Духовнаго Вѣстника». Іюнь. 1862).

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ

ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХЪ

КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

(Въ память тысячелѣтія славянской грамоты и перевода библіи на славянскій языкъ).

Поминайте наставники вашя, иже глаголаша вамъ слово Божіе. Евр. гл. 13, ст. 7. Имена ихъ живутъ въ роды: премудрость ихъ повѣдятъ людіе, и похвалу ихъ исповѣсть церковь. Сир. гл. 44, ст. 14.

Похвалами да вѣнчѣѧтся Куриилъ ѳилосѡфъ, новоизбранное множство приведъ Господеви словѣнскааго ꙗзыка съ братомъ Меѳодіемъ. Тріодь, рукоп. 12 стол., листъ 49.

Тогда какъ любезное отечество наше собирается праздновать въ этомъ году тысячелѣтіе своего политическаго существованія, въ то-же время наступаетъ и тысячелѣтіе нашей славянской грамоты и преложенія книгъ священнаго писанія на славянскій языкъ. Да! по изслѣдованію ученыхъ, 862-й годъ есть та замѣчательная эпоха, когда на сѣверѣ отечество наше начало слагаться въ государственный строй, а на югѣ два солунскихъ уроженца, Кириллъ и Меѳодій, изобрѣли славянскія письмена и вслѣдъ за тѣмъ начали переводить на славянскій языкъ божественное писаніе, если не для насъ непосредственно, сидѣв-

шихъ еще тогда въ глубокой тьмѣ язычества, то, по крайней мѣрѣ, для нашихъ соплеменниковъ, южныхъ славянъ, упредившихъ насъ въ дѣлѣ христіанскаго богопознанія по причинѣ близости къ центрамъ святой вѣры, — и въ свою очередь предавшихъ намъ готовыми сокровища духовной жизни. Если тысяча лѣтъ гражданскаго бытія нашего стоитъ того, чтобы торжественно праздновать исполненіе ея, какъ особенное благодѣяніе вышняго Промысла, проведшаго насъ цѣлыми и невредженными, длиннымъ рядомъ вѣковъ, сквозь тѣснины многоразличныхъ бѣдъ и страданій, на пространное раздоліе политическаго существованія и всесторонняго развитія; то и тысяча лѣтъ грамоты и божественнаго писанія — этихъ двухъ родниковъ духовной и нравственной нашей жизни, этихъ двухъ опоръ всякаго гражданскаго совершенства, — заслуживаютъ какого-нибудь вниманія со стороны правительства и народа. По крайней мѣрѣ, мы можемъ съ увѣренностію сказать, что если русскій народъ имѣетъ какія добродѣтели; если душа русскаго человѣка проникнута благочестіемъ, упованіемъ на Бога, смиреніемъ предъ его неисповѣдимыми судами, преданностію Промыслу, благоговѣніемъ къ Царю, въ которомъ зритъ помазанника Божія, покорностію и дивною способностію переносить разнаго рода невзгоды, лишенія и несчастія; если сердце его одушевляется какимъ чувствомъ прекраснаго, любовію къ своему отечеству до самопожертвованія, вниманіемъ къ ближнему, состраданіемъ къ бѣдствующему, гостепріимствомъ къ пришельцу; то всѣмъ этимъ онъ обязанъ тому благодатному письмени, которое назадъ тому тысяча лѣтъ подарено было всему славянскому роду Кирилломъ и Меѳодіемъ, и чрезъ которое сдѣлался намъ внятенъ и доступенъ глаголъ жизни и благодати, звучащій однимъ добрымъ, святымъ, возвышеннымъ, небеснымъ. Надобно только вообразить, что было бы съ

нами, еслибы мы, принявши христіанство изъ рукъ грековъ, не имѣли въ готовности собственныхъ письменъ и принуждены были бы слышать слово Божіе на невѣдомомъ для насъ языкѣ— греческомъ? Мы бы долго—долго оставались въ прежнемъ невѣжествѣ и были бы христіанами только по имени, а на дѣлѣ оставались бы язычниками. Слѣдовательно, какъ безцѣнно и неизмѣримо благодѣяніе, оказанное намъ, вмѣстѣ съ другими славянскими народами, блаженными и вѣчно-незабвенными изобрѣтателями нашей грамоты! Но Кириллъ и Меѳодій имѣютъ еще и другое важное значеніе для Россіи. — Обширный и многочисленный славянскій родъ, ходомъ историческихъ событій, разбитъ на многіе народы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою политическую судьбу, свои интересы, свои стремленія и не входитъ ни въ какое соотношеніе съ единоплеменными себѣ братьями; но всѣ эти разъединенные члены, всѣ эти разобщенные родичи легко соединяются въ имени Кирилла и Меѳодія, какъ общихъ ихъ наставниковъ и просвѣтителей, чему доказательствомъ служитъ даже готовимое западными славянами въ будущемъ году, въ честь первоучителей славянскихъ, торжество, въ которомъ принимаютъ участіе и поляки, и чехи, и моравы, и словаки, и лужичане, и кроаты, и далматы и другіе. Поэтому-то имена Кирилла и Меѳодія, какъ лозунгъ, братски соединяющій всѣ славянскіе народы, надобно блюсти съ особеннымъ уваженіемъ, и славянскій языкъ, какъ общій всѣмъ отраслямъ славянскаго племени, надобно не оставлять безъ вниманія и въ забвеніи, но развивать и воздѣлывать съ особеннымъ стараніемъ. Что ни говори, а единство происхожденія и языка есть великая нравственная сила въ природѣ человѣка, которую трудно одолѣть и которая рано или поздо найдетъ для себя исходъ. Поэтому-то западная хитрая политика, сознавая всю соединительную силу

именъ первоучителей славянскихъ, старается всячески распространить и утвердить въ подвластныхъ себѣ славянскихъ народахъ то убѣжденіе, что Кириллъ и Меѳодій, собственно для западныхъ славянскихъ народовъ, составили только „глаголицу“, а такъ называемая, якобы неправильно и по злоупотребленію, „кириллица“ есть позднѣйшее издѣліе напр. Климента, архіепископа булгарскаго, что священное писаніе переведено будто ими глаголитскими, а не кирилловскими письменами, и что они, хотя и греки, но дѣйствовали подъ властію папы и въ интересѣ западной церкви, вовсе не имѣя въ виду пользъ греческаго православія, дабы т. е. такимъ образомъ отнявъ общихъ учителей у народовъ славянскихъ, исповѣдающихъ греко-восточную вѣру, чрезъ то отдѣлить отъ нихъ западныхъ славянъ и крѣпче привязать ихъ къ камени — Петру, на которомъ незаконно высится, склоняющійся, правда, теперь къ паденію, престолъ папы. Нѣтъ! Г-да западные интриганты.... Мы не уступимъ вамъ Кирилла и Меѳодія, и какъ древле изъ-за родины Гомера спорили семь городовъ, такъ и мы будемъ спорить съ вами до послѣдней крайности, что Кириллъ и Меѳодій преимущественно принадлежатъ нашей отрасли славянскаго рода. Ваши славянскіе народы, по своему безсилію, не возмогли отстоять изобрѣтенной ими грамоты и замѣнили ее не сродными, по сознанію самыхъ изобрѣтателей, латинскими письменами, ихъ переводъ отбросили и самую, проповѣданную ими, вѣру промѣняли на католическую, совершенно не по духу славянскому; но за то, правда, и поплатились потерею своей самостоятельности, ослабленіемъ своей народности и всестороннимъ стѣсненіемъ, изъ котораго теперь стараются всѣми силами выбиться; а мы удержали и ихъ грамоту, которой народъ русскій и доселѣ учится — и ихъ переводъ

библіи, слышимый нами каждодневно во святой нашей церкви, и проповѣданную ими вѣру, содержимую нами во всей ея первоначальной чистотѣ, — и потому считаемъ ихъ трикраты своими, и на нашемъ вѣковѣчномъ памятникѣ тысячелѣтію Россіи поставили ихъ первыми въ ряду нашихъ просвѣтителей. Почему, во уваженіе изложенныхъ нами обстоятельствъ, мы, по видимому, хорошо бы поступили, еслибы съ народнымъ торжествомъ по поводу тысячелѣтія Россіи придумали какъ-нибудь соединить и празднованіе благословенной памяти первоучителей славянъ, — празднованіе, на которое они, такъ сказать, сами напрашиваются, стоя во главѣ тысячелѣтія. Отечественный клиръ, дѣйствующій и глаголющій намъ въ церкви токмо словами селунскихъ проповѣдниковъ библіи и всего церковнаго чина, воздалъ бы подобающую честь этимъ просвѣтителямъ нашимъ, признаннымъ уже всею Россіею достойными стоять во главѣ дѣятелей на тысячелѣтнемъ памятникѣ, если бы — помня апостольское слово, слышимое и нами изъ его устъ: *поминайте наставникы ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе* (Евр. XIII, 7), помня, что западные славяне сооружали во имя ихъ даже церкви и монастыри, — принялъ на себя трудъ сочинить, въ память ихъ, особенную службу, но не просто наполненную только хваленій ихъ жизни и подвиговъ, но косвенно направленную къ похвалѣ грамотности, ими заведенной, дабы такимъ образомъ народъ, слыша таковую похвалу въ св. церкви, тѣмъ охотнѣе и самъ учился и дѣтей отдавалъ въ наученіе грамотѣ; что въ особенности въ настоящее время, когда народъ, вышедъ изъ крѣпостнаго состоянія, и самъ влечется къ грамотѣ и правительство открываетъ къ тому всѣ возможные пути и средства — было бы весьма кстати и ко времени. Народъ же могъ бы почтить память первыхъ учителей славянскихъ и

изобрѣтателей славянской азбуки учрежденіемъ по селамъ и городамъ школъ грамотности, съ наименованіемъ ихъ Кирилло-Меѳодіевскими и съ поставленіями въ нихъ иконъ этихъ угодниковъ Божіихъ[1]. Мы же, съ своей стороны, почтимъ память этихъ первоначальниковъ нашего просвѣщенія изложеніемъ ихъ житія, по возможности, правильнымъ, безпристрастнымъ, подкрѣпленнымъ учеными розысканіями, и вслѣдствіе того, свободнымъ отъ тѣхъ сомнѣній и возраженій, какимъ оно безъ того могло бы подвергнуться, и подвергается. И надѣемся, что подобный трудъ не будетъ излишнимъ, потому что какъ наша, такъ въ особенности иностранная письменность, по преимуществу богата учеными изслѣдованіями и розысканіями о дѣятельности Кирилла и Меѳодія, ибо для этихъ изысканій жизнь ихъ служила только канвой, или основой, а собственно жизнеописанія, притомъ нерѣдко искаженныя переписчиками до непонятности, составляютъ достояніе древней письменности, хранящейся въ пыли архивовъ, и потому мало доступной и по мѣсту и по языку.

Источниками, откуда мы будемъ почерпать свѣдѣнія для нашего житія первоучителей славянскихъ, будутъ служить по преимуществу славянскія сказанія, дорогія для насъ въ настоящемъ случаѣ не по родству намъ языка, но по близости ихъ ко времени событій, и потому наиболѣе вѣрныя, первоначальныя и служащія источникомъ для большей части другихъ сказаній. Таковы по преимуществу суть: 1) два паннонскихъ житія, одно

[1] На иконахъ представлялись бы они или въ глубокой думѣ надъ письменами, или въ молитвенномъ обращеніи къ Подателю всѣхъ благъ и Отцу разумовъ, да подастъ имъ мысль изобрѣсть отвѣтствующія духу славянскаго языка письмена, или же сѣдящими среди отроковъ и поучающими ихъ изобрѣтенной ими грамотѣ и чтенію по ней.

Кирилла, а другое Меѳодія, обратившія на себя вниманіе ученыхъ по поводу сообщеннаго о нихъ профессоромъ моск. дух. академіи, А. В. Горскимъ, въ III книжкѣ „Москвитянина“ 1843 г. (стр. 406—434), извѣстія, и напечатанныя П. І. Шафарикомъ въ изданныхъ имъ въ 1851 г. въ Прагѣ Památky drewniho pisemnictwi Jihoslowanów; только житіе Кирилла — по сербскому изводу. По всѣмъ признакамъ сочиненіе ихъ принадлежитъ лицу весьма близкому, по времени, къ описываемымъ имъ произшествіямъ и притомъ такому, которое хотя и держалось православнаго исповѣданія, но тѣмъ не менѣе предано было папѣ; но кому именно, — съ достовѣрностію сказать не можно. 2) Житіе Кирилла и Меѳодія, находящееся подъ 11-мъ мая въ печатной Четіи-Минеи и представляющее собою сокращеніе помянутыхъ двухъ житій. Протестантъ Шлёцеръ, прочитавши его, былъ въ восторгѣ отъ его историческаго достоинства, предпочиталъ его католическимъ Acta sanctorum и помѣстилъ изъ него полную выписку въ своемъ „Несторѣ“ (въ русск. пер. III, 567—578). 3) Несторово сказаніе, находящееся въ его „Повѣсти временьныхъ лѣтъ, откуду есть пошла руськая земля“, помѣщенное подъ 988-мъ годомъ послѣ извѣстія о приходѣ угровъ въ предѣлы славянскіе, о покореніи ими славянъ и волоховъ и воеваніи ихъ съ греками, моравами и чехами, — по объясненію Шлецера, который, по собственному сознанію, „X главу о Кириллѣ и Меѳодіѣ“ отдѣлалъ съ особеннымъ тщаніемъ, какъ того требовало достоинство предмета. Изъ греческихъ источниковъ, которыхъ и весьма мало, для дополненія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣдѣній, пользовались мы житіемъ св. Климента, епископа булгарскаго. Въ первый разъ отрывокъ изъ него помѣщенъ былъ, на греческомъ и латинскомъ языкахъ, по списку ватиканской библіотеки, извѣстнымъ

Львомъ Аллаціемъ: in Roberti Cricygtoni apparatum, versionem et notas ad historiam concilii Florentini scriptum a Sylvestro Syropulo exercitationes, Romæ, 1665; отсюда въ одномъ латинскомъ переводѣ перенесено Assemani въ его „Kalendaria ecclesiæ universæ", Romæ, 1755, 4, III, 147 — 149; въ полномъ же видѣ издано было въ первый разъ въ 1741-мъ году и во второй разъ въ Вѣнѣ, въ 1802-мъ году, подъ заглавіемъ. «Νικηφόρου Καλλίστου τοῦ Ξανθοπούλου περὶ συστάσεως τοῦ σεβασμίου οἴκου τῆς ἐν Κωνσταντίνου πόλει ζωοδόχου πηγῆς καὶ ὁ βίος τοῦ ἐν ἁγίοις Κλήμεντος ἀρχιεπισκόπου Βουλγάρων, συγγραφεὶς παρὰ τοῦ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς Κυρίου Θεοφυλάκτου νῦν πρῶτον ἐκδοθέντα ἐπιστασίᾳ Ἀμβροσίου ἱερομονάχε τοῦ Παμπερέως». Въ 1805-мъ году издалъ кто-то это-же житіе въ Лейпцигѣ на новогреческомъ подъ заглавіемъ многословнымъ, котораго начало: «Οὐρανοῦ κρίσις» и пр. Въ 1847-мъ году издано оно Фр. Миклошичемъ, въ Вѣнѣ, подъ заглавіемъ: «Βίος καὶ πολιτεία, ὁμολογία» и пр. съ сокращеннымъ латинскимъ переводомъ и нѣкоторыми критическими замѣчаніями. Наконецъ съ русскимъ переводомъ, сдѣланнымъ профессоромъ греч. слов. въ моск. университетѣ А. И. Менщиковымъ—въ „Матеріалахъ для исторіи письменъ, восточныхъ—греческихъ, римскихъ и славянскихъ", изготовленныхъ къ столѣтнему юбилею моск. университета, 1855, in folio magnifico. Это житіе важно потому, что писано однимъ изъ учениковъ Климента, хотя по наименованію относится къ Θеофилакту, епископу болгарскому, который только перевелъ его съ славянскаго на греческій и, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополнилъ; а Климентъ, въ свою очередь, былъ ученикомъ Кирилла и Меѳодія, въ связи съ которыми излагается и его (Климента) жизнь.—Изъ западныхъ же источниковъ важны въ нашемъ дѣлѣ сохранившіяся до насъ письма папы Іоанна VIII

къ Святополку и Меѳодію, какъ свидѣтельства современныя. — Пособіемъ для критики, необходимой при встрѣчаемой не рѣдко запутанности и противорѣчивости извѣстій, были для насъ: Dobrowsky, Cyrill und Method, der Slaven Apostel. Ein historisch-kritischer Versuch. Prag. 1823 г. — переведено на русскій языкъ г. Погодинымъ, подъ заглавіемъ: „Кириллъ и Меѳодій, славенскіе первоучители“, Москва, 1825, in-4-to; — архимандрита (нынѣ архіепископа харьковскаго) Макарія „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“. С. П. Б. 1846, стр. 189; — Филарета, архіепископа черниговскаго, „Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители“, въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ при моск. университетѣ“, 1846 г. № 4, стр. 1—28, и № 5, стр. 29—30; Шевырева „Исторія русской словесности“, Москва, 1846, ст. 133 и сл.; П. І. Шафарика „Разцвѣтъ славянской письменности въ Булгаріи“, переводъ съ чешскаго Бодянскаго, Москва, 1848 г.; и наконецъ его-же, г. Бодянскаго, „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“, Москва, 1855 г., сочиненіе, представляющее полное указаніе и критическій разборъ свѣдѣній о просвѣтителяхъ славянъ, хотя преимущественно, какъ и слѣдовало по цѣли, относительно изобрѣтенія ими славянскихъ письменъ. При употребленіи такихъ вѣрныхъ источниковъ и при пособіи такихъ критиковъ, надѣемся представить жизнь первоучителей нашихъ въ самомъ вѣрномъ очеркѣ, въ которомъ православный читатель увидитъ ихъ дѣянія въ настоящемъ свѣтѣ и оцѣнитъ ихъ безсмертные подвиги для просвѣщенія славянъ, съ признательностію къ нимъ въ сердцѣ и благословеніемъ ихъ имени на устахъ.

I.

Премудрый Господь, устрояя спасеніе рода человѣческаго, послалъ въ міръ единороднаго Сына Своего тогда, когда Римъ сдѣлался повелителемъ наибольшей части міра, и когда, такимъ образомъ, единство власти и царства могло наилучше споспѣшествовать быстрому распространенію и проникновенію новаго духа жизни на растлѣнной землѣ. Но такъ-какъ Римъ, не смотря на гордое наименованіе всемірнаго обладателя, далеко не совмѣщалъ въ предѣлахъ своей власти всѣ народы и племена, населявшія Европу и прочія части свѣта, то божественный Промыслъ, желая и этихъ дальныхъ сочленовъ обширной семьи человѣчества содѣлать причастниками новой и обновляющей благодати, подвигнулъ ихъ съ мѣстъ вѣковой осѣдлости, и, какъ нѣкіимъ дыханіемъ бурнымъ, устремилъ ихъ къ предѣламъ римской имперіи, приблизилъ ихъ къ царству новой вѣры и тѣмъ облегчилъ для нихъ принятіе ея. Это движеніе началось съ третьяго вѣка по Рождествѣ Христовомъ и увлекло собою отъ сѣвера и востока многіе неслыханные дотолѣ народы, которые и поселились между двумя отдѣлами римской имперіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ между двумя патріархатами — восточнымъ и западнымъ. Таковые народы были: гунны, славяне, готы, авары, болгаре и другіе. Естественно, властители римскаго царства, видя и испытывая на себѣ воинственный и неукротимый духъ этихъ, такъ называемыхъ, варварскихъ народовъ, и не находя въ самихъ себѣ и въ своихъ подданныхъ той силы и мужества, которыя привели Римъ къ обладанію вселенной,— кромѣ физическихъ мѣръ противоборства напору ихъ дикой силѣ, должны были испытывать и кроткія мѣры обращенія ихъ въ христіанство, дабы такимъ образомъ, приблизивъ ихъ къ себѣ единеніемъ вѣры, смягчать жестокіе

ихъ нравы и изъ страшныхъ сосѣдей дѣлать ихъ преданными союзниками и подручниками. Для этого-то великаго дѣла обращенія языческихъ народовъ, преимущественно славянскихъ, угодно было Промыслу употребить благопотребнымъ орудіемъ двухъ богопросвѣщенныхъ мужей, Кирилла и Меѳодія, житіе которыхъ мы предположили здѣсь изложить на основаніи вышеуказанныхъ свидѣтельствъ и при руководствѣ просвѣщенныхъ изыскателей истины.

Въ то время, когда въ Греціи свирѣпствовала иконоборная брань, возставшая, впрочемъ, также съ цѣлію удобнѣйшаго обращенія невѣрующихъ народовъ, и въ особенности еврейскаго и магометанскаго исповѣданій, соблазнявшихся иконопоклоненіемъ, и потому непринимавшихъ христіанства[1],—именно въ лѣта царствованія Льва армянина (813—820), преемника его, Михаила II-го, прозваннаго косноязычнымъ (у Грековъ — Травлъ, а у Латинянъ — Бальбусъ) (820—829), и сына сего послѣдняго, Ѳеофила, которые всѣ были заражены ересію иконоборства,— въ Солунѣ, городѣ, принадлежащемъ Македоніи и населенномъ а болѣе окруженномъ тогда, по преимуществу, славянами, водворившимися тамъ при великомъ движеніи народовъ къ византійской имперіи, жилъ знаменитый по роду и богатству мужъ, именемъ Левъ, знаемый прежде всего Богомъ, и потомъ — царемъ и всею селунскою страною. По званію онъ былъ воинъ, а по чину друнгарій (второе лице послѣ главнаго военачальника)[2]. Въ супружествѣ имѣлъ нѣкоторую благочестивую жену, именемъ Марію. Отъ этой-то благословенной четы, въ числѣ семи сыновей, произошли два знаменитые свѣтильника славянскихъ странъ: Меѳодій и самый младшій, Константинъ, впослѣдствіи, въ иночествѣ, Кириллъ, родившійся въ 827, въ царствованіе Михаила[3]. (Годъ рожденія Меѳодія неизвѣстенъ). Меѳодій, какъ

старшій по рожденію и, слѣдовательно, ранѣе пришедшій въ возрастъ, первый является на поприщѣ общественной дѣятельности. Военная служба была его начальнымъ призваніемъ, и онъ такъ умѣлъ себя отличить на ней, что сдѣлался лично извѣстнымъ императору, и былъ поставленъ отъ него воеводою или правителемъ одной славянской области[4], вѣроятно Струмской, зависѣвшей отъ грековъ. Пробывъ на этой должности лѣтъ около десяти и убѣдившись въ суетѣ молвы житейской, онъ не хотѣлъ болѣе дѣлать насилія душѣ своей занятіями, не имѣющими значенія для вѣчности (не хотяше бо честныя доушя оропьптити непребывающими въ вѣкы), но обратилъ мысли свои отъ земныхъ тревогъ къ небу и, оставивъ воеводство вмѣстѣ со всѣми благами міра сего, отправился въ олимпійскую гору, мирный тогда пріютъ святыхъ отшельниковъ, постригся въ иноческій чинъ, и сталъ служить Царю небесному, ратуя противу невидимыхъ враговъ, какъ дотолѣ ратовалъ противу видимыхъ, и держа себя въ послушаніи и покорности, но вмѣстѣ съ тѣмъ не забывая „прилѣжать и къ книгамъ“.

Блаженный же Константинъ, юнѣйшій изъ всего своего семейства, съ самаго дѣтства показывалъ въ себѣ нѣчто особенное. Такъ, когда мать отдала его для воздоенія кормилицѣ, то онъ не хотѣлъ касаться чужихъ сосцевъ, но непреодолимо влекся къ груди матерней, дабы такимъ образомъ, по замѣчанію жизнеописателя, въ отрасли могла быть соблюдена чистота происхожденія отъ добраго корня. А когда достигъ семилѣтняго возраста (834 г.) и сталъ уже учиться грамотѣ, то видѣлъ, какъ разсказывалъ самъ отцу съ матерью, слѣдующій замѣчательный сонъ: что „будто бы ихъ мѣстный воевода собралъ всѣхъ городскихъ дѣвицъ въ одно мѣсто и говоритъ ему: выбирай изъ нихъ, какую хочешь, въ подруги жизни, чтобы она была тебѣ

помощницею и поспѣшницею во всѣ дни житія твоего, и что онъ, будтобы, разсмотрѣвъ всѣхъ ихъ внимательно, остановилъ выборъ свой ни одной изъ нихъ, которая и дѣйствительно блистала красотой лица паче всѣхъ и осыпана была всякими драгоцѣнными украшеніями, — и имя ей было — Софія“.[5] Разумные родители видѣли въ этомъ снѣ предъуказаніе пути, которымъ они должны были вести своего сына, — видѣли, что онъ долженъ быть посвященъ наукѣ, или, по выраженію Соломона, *премудрость нарещи сестру себѣ, взыскать ее невѣсту привести себѣ, и любителемъ быть красоты ея* (Притч. VII, 4 и Прем. Солом. VIII, 2). Почему родители начали учить его съ нарочитымъ прилежаніемъ не только ученію книжному, но и добронравію, наставляя его въ премудрости духовной и обращая къ нему слова того-же Соломона: *чти Господа, и укрѣпишися, храни заповѣди, и поживеши, и словеса Божія напиши на скрижали сердца своего* (Притч. VII, 1—3).

Когда же по смерти отца, на 14-мъ году возраста (841 г.), надобно было отдать его въ ученіе на сторону, то онъ отличался такою счастливою памятію и до того преуспѣвалъ въ разумѣніи книжномъ, что возбуждалъ удивленіе и наставниковъ и учениковъ. Въ одинъ день, по обычаю, существовавшему между дѣтьми богатыхъ родителей, вышелъ онъ вмѣстѣ съ товарищами въ поле позабавиться охотою и взялъ съ собою любимаго своего кречета. Но когда пустилъ его, то вѣтеръ подхватилъ птицу и увлекъ ее совершенно изъ виду. Константинъ пришелъ отъ того въ такое уныніе и печаль, что два дни не ѣлъ и не пилъ. Но человѣколюбію своему, милосердный Господь не хотѣлъ дать привыкнуть ему къ житейскимъ вещамъ, но, какъ древле Плакиду оленемъ на охотѣ, такъ и его кречетомъ хотѣлъ уловить

на служеніе Себѣ. Помышляя въ душѣ о суетѣ житія сего, онъ съ горестію говорилъ себѣ: „что это за жизнь, что вмѣсто радости испытываемъ только печаль? Съ сего же дня избираю другой, лучшій путь, а въ тревогахъ житейскихъ не хочу губить своихъ дней“. И предаваясь такимъ размышленіямъ, пребывалъ въ домѣ своемъ, уча на-изустъ творенія Григорія Богослова, въ честь котораго, изобразивъ на стѣнѣ знаменіе креста, написалъ подъ нимъ слѣдующую похвалу: „о Григорій! ты тѣломъ человѣкъ, а душею и житіемъ ангелъ явился; ибо уста твои, какъ уста серафима, прославляютъ Бога хваленіями и вселенную просвѣщаютъ правыя вѣры ученіемъ; почему и меня, припадающаго къ тебѣ съ вѣрою и любовію, пріими и будь мнѣ наставникомъ и просвѣтителемъ“. Такъ молилъ отрокъ высокаго богослова! Но, стараясь проникнуть мыслію въ смыслъ его бесѣдъ, онъ видѣлъ въ нихъ глубину для его ума недосягаемую, и вновь впалъ въ отчаяніе. Между тѣмъ по близости находился въ городѣ пришлецъ, знавшій грамматику. Константинъ обратился къ нему съ умильною просьбою, такъ-что падалъ ему въ ноги, чтобы онъ научилъ его грамматикѣ. Но тотъ, скрывая свой талантъ, сказалъ ему: „молодой человѣкъ! не усиливайся просить; я зарекся учить кого-нибудь этой наукѣ во всю мою жизнь“. Отрокъ вновь со слезами начинаетъ молить его, говоря: „возьми всю принадлежащую мнѣ часть изъ дому отца моего, только научи меня“. Но когда и этотъ разъ просьба осталась напрасною, то Константинъ, воротившись домой, предался весь молитвѣ, чтобы Богъ далъ ему обрѣсти желаніе сердца своего. И дѣйствительно, Богъ не укоснилъ исполнить волю боящагося Его. Императоръ Михаилъ въ 842-мъ году умеръ, и оставилъ послѣ себя малолѣтняго сына Михаила III-го, который долженъ былъ оставаться до совершеннолѣтія подъ опекою матери своей

Θеодоры. Логоθетъ (распорядитель) бѣга, по имени Θеоктистъ, одинъ изъ двухъ приставленныхъ къ царственному отроку воспитателей [6], по всей вѣроятности, бывшій въ родственныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Константина, вызвалъ его въ Константинополь, чтобы пріобщить его къ воспитанію наслѣдника престола и его любовь къ наукѣ употребить на развитіе юнаго питомца. Смиренный отрокъ, получивъ такое приглашеніе, съ радостію отправился въ путь, творя въ дорогѣ молитву Соломона: Боже отецъ нашихъ и Господи милости, сотворивый всяческая словомъ своимъ и премудростію создавый человѣка, даждь мнѣ присѣдящую престоломъ Твоимъ премудрость и не отрини мене отъ отрокъ твоихъ, яко азъ рабъ твой и сынъ рабыни твоея; даждь, да разумѣю что есть угодно тебѣ, и поработаю тебѣ, Господу моему, во вся дни живота моего (Прем. IX). По приходѣ въ Константинополь, счастливый Константинъ отданъ былъ въ ученіе наилучшимъ наставникамъ, и въ короткое время изучилъ всю внѣшнюю премудрость, — и грамматику, столько тревожившую его дома, и Гомеровы творенія, и геометрію, и — у Льва и Фотія [7] — діалектику и прочія философскія науки, и сверхъ сего, — риторику, ариѳметику, астрономію, музыку и другія „еллинскія хитрости“. И во всѣхъ этихъ наукахъ столько успѣлъ, что для иного довольно было бы настолько успѣть и въ одной, ибо быстроту понятія соединялъ съ прилѣжаніемъ и, успѣвая въ одной наукѣ, умѣлъ успѣвать и въ другой, такъ что и здѣсь для самыхъ учителей служилъ предметомъ удивленія по причинѣ быстроты своихъ умственныхъ способностей; отчего, за успѣхи въ наукахъ, въ послѣдствіи и прозванъ былъ философомъ. Кромѣ наукъ, Константинъ былъ еще знакомъ и со многими языками. Не говоря о греческомъ и славянскомъ, которые были для него природные,

онъ хорошо зналъ латинскій, нарѣчіе ѳирское и другія. Обладая такою ученостію, онъ при этомъ являлъ въ себѣ образецъ смиренія и кротости, имѣя общеніе съ тѣми, съ которыми связь была полезнѣе, и уклоняясь отъ тѣхъ, которые увлекались на пути стропотные. Главная дума его была, какъ-бы вмѣсто земныхъ благъ пріобрѣсти небесныя и, отрѣшившись отъ рабства тѣлу, жить съ Богомъ. Покровитель его Логоѳетъ, видя въ немъ такое высоко-нравственное направленіе, далъ ему власть надъ всѣмъ домомъ своимъ и дозволилъ свободный входъ во дворецъ императора. Находя удовольствіе бесѣдовать съ нимъ, высокій сановникъ спросилъ его однажды: „философъ! желалъ бы я знать, что такое философія?“ Константинъ, быстрый умомъ, отвѣчалъ: „познаніе вещей божескихъ и человѣческихъ, насколько человѣкъ можетъ разумѣніемъ приблизиться къ Богу и дѣятельностію уподобиться Сотворшему его по образу своему“. Послѣ такого отвѣта, въ немногихъ словахъ заключавшаго столько мыслей, почтенный мужъ полюбилъ его еще болѣе, и оказывалъ къ нему уваженіе превыше его возраста; не рѣдко предлагалъ ему и золото, но тотъ не принималъ его. Впрочемъ, онъ не только пользовался любовію своего покровителя, но, живя въ чистотѣ сердечной и угождая Богу, тѣмъ любезнѣе былъ для всѣхъ безъ исключенія. Однажды Логоѳетъ, желая увѣнчать свою любовь къ нему, сказалъ ему: „добродѣтель твоя и мудрость твоя внушаютъ мнѣ любовь къ тебѣ необыкновенную и заставляютъ меня изыскивать всѣ способы, чтобы осчастливить тебя; у меня есть духовная дочь, воспринятая мною отъ купѣли крещенія, дѣвица прекрасная, богатая и отличнаго рода, которая, по смерти родителей, находится подъ моею опекою. Не хочешь ли, чтобы я тебя женилъ на ней? Отъ императора немедленно получишь великую честь и можешь ожидать даже большаго; будешь воево-

дой". Но нарекшій себѣ еще въ отрочествѣ мудрость подружіемъ, Константинъ отвѣчалъ: „конечно, предлагаемое тобою — великій даръ для того, кто въ томъ имѣетъ нужду, а для меня нѣтъ ничего выше науки, которою, собравши разумъ, желаю пріобрѣсти нѣчто высшее и почестей, и богатствъ. Логоѳетъ, услышавъ подобный отвѣтъ, пошелъ къ императору и сказалъ, что ихъ молодой философъ не любитъ свѣта, и что его общими силами надобно постричь во священники и опредѣлить на службу къ патріарху библіотекаремъ св. софіи, чтобы такимъ образомъ удержать его при себѣ. Константинъ дѣйствительно рукоположенъ былъ во священники[8]. Это было на 24-мъ году его жизни (851 г.). Но, побывъ нѣсколько времени въ Константинополѣ въ новомъ званіи, онъ тайно удалился на „узкое море" (Босфоръ) и скрылся тамъ въ одномъ монастырѣ. Шесть мѣсяцевъ его искали и наконецъ съ трудомъ нашли. Но ко вступленію на службу принудить не могли, а убѣдили только принять каѳедру учительскую, чтобы училъ философіи какъ туземцевъ, такъ и иностранцевъ, — предоставивъ ему всякія льготы и обѣщая всякую помощь.

Хотя иконоборческая ересь была уже въ это время подавлена православною Ѳеодорою, тѣмъ не менѣе все-таки по мѣстамъ слышались ея отголоски. Такъ, патріархъ Анній, за вражду противу иконъ осужденный на изгнаніе, въ поддержаніе своей чести разглашалъ, что онъ побѣжденъ только насиліемъ, а не силою доказательствъ и что „препрѣть" его никто не можетъ. Императоръ, чтобы заградить уста дерзновенному и на пути состязанія, назначилъ для пренія молодаго учителя; и, посылая его, приказалъ сказать объюродѣвшему старику, что если онъ можетъ побѣдить въ спорѣ этого юношу, то опять получитъ патріаршескій престолъ. Упорный патріархъ и молодой фило-

софъ состязались, и первый принужденъ былъ замолчать и со стыдомъ удалиться [9].

Другое поприще для состязанія юному философу открылось въ 851 году у сарацинъ. Надобно замѣтить, что въ это время поклонники Магомета, называемые у византійцевъ и у насъ сарацинами, агарянами и иногда исмаильтянами, сильно распространяли владычество свое въ христіанскомъ мірѣ, и успѣли уже отторгнуть отъ византійской имперіи многія христіанскія области, и въ царствованіе Ѳеофила, къ крайнему его уничиженію и огорченію, разрушили и городъ его родины, Амморію. При этомъ гордые увѣренностію въ превосходствѣ Магомета и его ученія, прежде нежели приступили къ рѣшительнымъ мѣрамъ изувѣрной жестокости, старались на-передъ мѣрами льстиваго убѣжденія склонить въ свою вѣру, какъ напр., въ началѣ царствованія Михаила III, поступили съ 42-мя аморрейскими мучениками. Въ особенности же эта самоувѣренная любопрительность развилась въ нихъ со времени велемудраго Гарунъ-Альрашида, который поселилъ въ нихъ вкусъ къ наукамъ и къ философическимъ изслѣдованіямъ. Вслѣдствіе такого убѣжденія въ превосходствѣ ислама и стремленія къ его распространенію, изъ города Мелитены, находившагося на лѣвомъ берегу Тигра, въ нижнихъ частяхъ его, въ прежней Сузіанѣ, отъ тамошняго эмира [10] отправлено было въ Константинополь посольство съ вызовомъ для пренія о божественности Св. Тройцы, и требованіемъ присылки человѣка, который бы могъ состязаться съ ними о семъ догматѣ, недопускаемомъ магометанскою вѣрой. Выборъ опять палъ на Константина, не смотря на его молодость, съ присоединеніемъ къ нему въ помощь еще одного просвѣщеннаго мужа, Асинкрита Георгія. Константинъ вышелъ съ побѣдою и здѣсь, и сарацины, досадуя, что не могутъ одолѣть хри-

стіанскаго философа своими лжеумствованіями и возраженіями, рѣшились погубить его ядомъ. Но тотъ, который сказалъ о вѣрующихъ — *аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ* (Марк. XVI, 18), сохранилъ и сего поборника вѣры и возвратилъ его въ свою страну не только здрава и невредима, но еще съ честію и съ дарами отъ мусульманскаго князя[11].

Возвратившись въ Константинополь и удостоившись также и отъ своего царя и патріарха похвалы за богоугодный трудъ свой, чрезъ нѣсколько времени, Константинъ заключился въ одномъ уединенномъ безмолвномъ мѣстѣ и занимался только своимъ спасеніемъ, возлагая въ пропитаніи себя всю надежду на Бога, дающаго пищу всякой плоти, и не оставляя ничего на утренній день изъ скудныхъ приношеній, дѣлавшихся ему отъ христолюбивыхъ людей, но, по обычномъ вкушеніи пищи, раздѣляя остатки между нищею братіею. Однажды, подъ праздникъ, случилось такъ, что на слѣдующій день не было никакой пищи, и когда слуга тужилъ о томъ, то святой человѣкъ сказалъ ему: „Кто пропиталъ нѣкогда израильтянъ въ пустынѣ, Тотъ не можетъ ли и намъ подать здѣсь пищу? Ты все-таки ступай и призови къ намъ на трапезу, по крайней мѣрѣ, пятерыхъ нищихъ; я непремѣнно ожидаю помощи Божіей“. И когда приспѣлъ часъ обѣда, является неизвѣстный человѣкъ, неся „бремя всякой яди“, и кромѣ того, пять золотыхъ монетъ. Благочестивый пустынникъ, принявъ это приношеніе, воздалъ хвалу Богу, такъ какъ искушемуся объ уповающихъ на Него.

Но отшельническій покой Константина и на этотъ разъ не былъ продолжителенъ. Въ 857—58 году, въ Константинополь, какъ центръ тогдашняго просвѣщенія и образованности, къ тому-же царю Михаилу, явилось новое посольство отъ козаръ, издревле обитавшихъ на западной сторонѣ Каспійскаго моря,

(которое въ восточныхъ географіяхъ оттого и называется Хозарскимъ) и впослѣдствіи занимавшихъ все пространство отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго, Фанагорію, Воспоръ и большую часть Тавриды, которая также отъ нихъ нѣсколько вѣковъ называлась Козаріею. Ханы ихъ, по восточнымъ извѣстіямъ, имѣли столицу на берегу Каспійскаго моря, недалеко отъ нынѣшняго Дербента, но жили также и въ Балангіарѣ или Ателѣ, богатомъ и многолюдномъ городѣ, основанномъ близь волжскаго устья Хозроемъ, царемъ персидскимъ, а потомъ въ знаменитой купечествомъ Тавридѣ [12]. Извѣстна также построенная ими на берегу Дона, въ нынѣшней землѣ козаковъ, для защиты владѣній своихъ отъ набѣга кочующихъ народовъ, крѣпость Саркелъ, или Бѣлая Вежа, для сооруженія которой они требовали отъ греческаго императора Ѳеофила искусныхъ зодчихъ. Сами козары были вначалѣ идолопоклонники, но терпѣли въ средѣ своей и магометанъ и іудеевъ [13]. Почему посланные, пришедъ въ Константинополь, и объясняли императору, что хотя народъ ихъ и вѣдаетъ единаго вышняго Бога и поклоняется Ему, обращаясь лицемъ на востокъ, но держится нѣкоторыхъ постыдныхъ обычаевъ, и потому, съ одной стороны, евреи убѣждаютъ ихъ принять ихъ вѣру и правила, а съ другой стороны, сарацины, обѣщая имѣть съ ними вѣчный миръ и даже, дѣлая имъ значительные подарки, неотступно твердятъ, что ихъ вѣра лучше всѣхъ и что вслѣдствіе того каганъ ихъ, держась существовавшей доселѣ между греками и ихъ народомъ дружбы и уважая истекающую отъ Бога власть греческаго императора, испрашиваетъ у него въ этомъ дѣлѣ совѣта и проситъ прислать къ нему какого-нибудь книжнаго человѣка, для пренія съ евреями и сарацинами, обѣщаясь въ случаѣ пораженія ихъ принять вѣру греческую. Императоръ и патріархъ не могли не уважить подобнаго про-

шенія пословъ козарскихъ. Независимо отъ надежды пріобрѣсти цѣлый народъ для христіанства[14] и чрезъ то подчинить его своему вліянію, цари слабой тогда Греціи сами по себѣ дорожили его дружбою, на которую ссылаются въ рѣчи своей и посланные, нерѣдко вступали съ ханами его въ родство[15] и, въ знакъ своего къ нимъ уваженія, въ нѣкоторые торжественные дни, украшались козарскою одеждою. Довольно было даже и того, если этотъ воинственный и сильный народъ, свирѣпствовавшій въ Арменіи, Иверіи и Мидіи, ведшій кровопролитныя войны съ аравитянами и нерѣдко ихъ побѣждавшій, оставлялъ въ покоѣ Константинополь. Вслѣдствіе сего, царь, вызвавъ немедленно скромнаго мудреца изъ его уединенія и передавъ ему рѣчи козаръ, повелѣлъ ему, взявъ на помощь брата, идти къ нимъ для объясненія существа христіанской вѣры и для защищенія славы Пресвятыя Троицы, на которую дерзко посягали и іудеи, и сарацины. Братья выразили совершеннѣйшую готовность на такой апостольскій подвигъ, хотя бы даже пришлось умереть за вѣру Христову. Царь, довольный ихъ усердіемъ, отправилъ ихъ въ Тавриду (нынѣшній Крымъ) со всею подобающею честію, снабдивъ всѣмъ потребнымъ для пути.

Прибывъ въ Херсонъ,—такъ-какъ тамъ было много евреевъ,—Константинъ научился тамъ еврейскому языку, ознакомился съ еврейскими книгами, и, „преложивъ восемь частей грамматики“, достигнулъ чрезъ то совершеннаго разумѣнія языка. Жилъ тамъ и одинъ самарянинъ, который приходилъ къ нему для спора и приносилъ съ собою самарянскія книги для доказательства своего вѣрованія. Любоученый философъ выпросилъ ихъ у него, затворилъ себя въ храминѣ, и, обратившись къ молитвѣ, получилъ отъ Бога такое разумѣніе, что въ состояніи былъ взятыя книги читать безъ ошибки. Самарянинъ, пораженный

этимъ быстрымъ понятіемъ, воскликнулъ отъ изумленія: „по истинѣ, вѣрующіе во Христа немедленно исполняются благодатію свыше“. Вслѣдствіе чего крестился сперва его сынъ, а за нимъ и самъ отецъ.

Въ югозападной части Крыма, въ приморской области Дори, жило до 3,000 независимыхъ готѳовъ, исповѣдывавшихъ христіанскую вѣру, но въ аріанскомъ духѣ,—остатокъ тѣхъ, которые въ IV-мъ вѣкѣ при Эрманарихѣ господствовали надъ всею восточною Европою. Еще съ четвертаго вѣка имѣли они на своемъ языкѣ всѣ книги Св. Писанія, переведеннаго знаменитымъ ихъ епископомъ, Улфилою, который рукоположенъ былъ цареградскимъ патріархомъ Евсевіемъ и послѣ, силою обстоятельствъ политическихъ, въ угодность императору Валенту, вовлекся и вмѣстѣ съ собой вовлекъ весь народъ въ аріанство. А такъ какъ готѳы были нѣмецкаго происхожденія и говорили нѣмецкимъ языкомъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, если, по связи одноплеменности и сходству языка, заходило къ нимъ много удалой собратіи — варяго-руссовъ или при отправленіи въ Константинополь, или на обратномъ пути оттолѣ, и по сближеніи съ своими соплеменниками принимали ихъ вѣру, уже заключенную въ видимомъ и доступномъ для разумѣнія письмени. У одного изъ такихъ руссовъ, жившихъ вмѣстѣ съ готѳами, не далеко отъ Херсона, довелось увидѣть Константину евангеліе и псалтирь на готѳскомъ языкѣ, принятомъ на тотъ разъ, по характеру владѣльца, за русскій[16]. Константинъ, побуждаемый не праздною и безцѣльною любознательностію, но, конечно, святымъ желаніемъ дѣйствовать къ обращенію готѳовъ въ православіе, а въ Константинополѣ самыхъ варяговъ, поклонниковъ Одина, въ христіанство,—вошелъ въ особенныя сношенія съ этимъ человѣкомъ и, ознакомившись нѣсколько съ свойствомъ языка,

по испрошенія у Бога помощи, сталъ примѣнять ново-обрѣтенный языкъ къ своему, по гласнымъ и согласнымъ, и вскорѣ достигнулъ того, что началъ на немъ свободно читать и говорить.

Но главное вниманіе Константина направлено было на изученіе языка козаръ, проповѣданіе которымъ составляло главную цѣль его путешествія; къ чему Херсонъ, сопредѣльный козарской области и слѣдов. наполненный козарами, представлялъ особенное удобство и былъ, такъ сказать, предварительнымъ училищемъ языка, на которомъ должна была совершаться проповѣдь.

Между тѣмъ и другое благочестивое дѣло, задуманное братьями-проповѣдниками, должно было удержать ихъ въ городѣ. Еще въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, именно въ 94 г., Климентъ, папа римскій, заточенъ былъ изъ Рима въ Херсонъ; а такъ-какъ онъ и на мѣстѣ заточенія многихъ обращалъ ко Христу, то, по повелѣнію Траяна, потопленъ былъ въ морѣ, съ навязаннымъ на выю якоремъ, чтобы христіане не могли отыскать его тѣла. Тѣмъ не менѣе у вѣрующихъ было постоянное убѣжденіе въ нетлѣнномъ существованіи подъ водою его святыхъ останковъ, и восемь протекшихъ столѣтій не могли привести въ забвеніе мѣсто, гдѣ иная стихія приняла для храненія драгоцѣнный сосудъ вѣры и благодати. Когда благочестивые братья-проповѣдники пришли въ Херсонъ, то чтя также память этого подвижника Христова и одушевляемые особенною вѣрою въ Бога, *хранящаго вся кости праведныхъ* (Пс. XXXIII, 21), рѣшились отыскать святые останки и изнести ихъ изъ моря. Для сего обратились они къ мѣстному епископу, блаженному Георгію, который, предварительно совершенія дѣла, нашелъ нужнымъ снестись съ Константинополемъ для испрошенія на то высшаго благословенія, для чего и отправился самъ. Царь и патріархъ разрѣшили подобное богоугодное дѣло. Тогда

епископъ, взявъ изъ Константинополя весь клиръ св. Софіи, по возвращеніи на мѣсто, вмѣстѣ съ Константиномъ и Меѳодіемъ, равно со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ и благочестивыми людьми, сѣлъ на корабль и, дошедши до предполагавшагося мѣста, при тишинѣ морской, обрѣлъ честныя мощи, которыя, положивъ благоговѣйно на корабль и внесши въ городъ съ честію, положилъ тамъ въ апостольской церкви. Часть нѣкоторую изъ нихъ взяли себѣ Константинъ и Меѳодій, и имѣли ее при себѣ постоянно, пока наконецъ не отнесли ее въ Римъ [16*]. Между тѣмъ, въ это время козарскій воевода напалъ на одинъ христіанскій городъ въ Крыму, и обложилъ его. Константинъ, узнавъ объ этомъ, немедленно отправился на мѣсто осады и, вступивъ въ личное объясненіе съ военачальникомъ, умѣлъ укротить его силою учительныхъ словъ, такъ-что тотъ обѣщался наконецъ креститься. Когда же отправился въ обратный путь, то, во время молитвы, напали на него угры [17], помогавшіе въ это время кагану въ войнѣ, и хотѣли умертвить его; но онъ силою молитвы и убѣжденія укротилъ ихъ свирѣпость, — и они отпустили его, не тронувъ ни его, ни сопровождавшихъ его людей.

Этими частными встрѣчами съ непріязнью приготовленный, такъ сказать, къ великой и всенародной борьбѣ съ козарами, Константинъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, сѣлъ на корабль и отправился по азовскому морю къ такъ называемымъ каспійскимъ вратамъ кавказскихъ горъ, гдѣ въ то время, конечно, была резиденція кагана [18]. Братья приняты были съ подобающею честію, ибо имѣли съ собою и вѣрительную грамоту отъ византійскаго императора. Константину довелось ратовать и съ козарами, и съ іудеями и съ сарацинами, и почти одному выдерживать натискъ ослѣпленнаго лжевѣрія, ибо онъ имѣлъ наибольшій запасъ учености, а Меѳодій, какъ проведшій молодыя

лѣта въ военной службѣ и на воеводствѣ, слѣд. менѣе занимавшійся книжнымъ дѣломъ, долженъ былъ, большею частію, оставаться въ бездѣйствіи, помогая только брату своему богоугодною молитвою. Преніе продолжалось нѣсколько дней, и всякій разъ въ присутствіи кагана. Нападенія были самыя открытыя и нещадныя; зловѣріе напрягало всѣ усилія къ опроверженію христіанства, и благодатію Господа, обѣщавшаго исповѣдникамъ своимъ дать уста и премудрость, которой не въ состояніи будутъ противиться или отвѣщавать всѣ противящіеся (Лук. XXI, 15), Константинъ побѣдоносно одолѣлъ и сарацинъ, и іудеевъ, и козаръ [19], такъ что каганъ, вмѣстѣ съ своею дружиною и со многими изъ народа (но отнюдь не всѣми) — увѣровали во Христа и приняли крещеніе, отвергши языческія непотребства и беззаконные браки; и блаженные учители, насадивъ такимъ образомъ въ странѣ Христову вѣру, для поддержанія и продолженія начатаго дѣла, должны были оставить тамъ нѣсколько священниковъ изъ Херсона. Каганъ, отпуская проповѣдниковъ, написалъ къ императору и благодарную грамату, въ которой похвалялъ способность присланныхъ имъ двухъ мужей, умѣвшихъ хорошо объяснить сущность христіанской вѣры и ея главнѣйшихъ догматовъ, и извѣщалъ, что, просвѣтившись самъ святымъ крещеніемъ, онъ дозволилъ креститься и всѣмъ желающимъ, и надѣется, что и вся его земля не умедлитъ придти въ христіанское совершенство [20], но что онъ теперь еще болѣе входитъ въ пріязненныя отношенія къ греческому царю, готовый на служеніе ему всюду, куда онъ потребуетъ. Причемъ отходящимъ братьямъ предлагалъ и многіе дары; но они не приняли, а изъявили желаніе, чтобы, вмѣсто всякихъ даровъ, отпущены имъ были всѣ плѣнные изъ грековъ. И собрано было такихъ до двухъ сотъ, которые всѣ имъ и были отданы и съ

которыми они отправились въ путь радуясь и благодаря Бога. Дорогою, проходя пустыми и безводными мѣстами, изнемогли всѣ отъ жажды, за неимѣніемъ воды; хотя и нашли въ одномъ мѣстѣ соленое озеро, изъ котораго добывалась соль, но не могли воспользоваться его водою, потому что горька была какъ желчь. Когда, вслѣдствіе сего, разошлись всѣ по степи искать прѣсной воды, Константинъ сказалъ брату своему, Меѳодію: „не могу болѣе терпѣть жажды; поди, почерпни этой воды: ибо вѣрую, что Тотъ, Кто нѣкогда израильтянамъ преложилъ горькую воду въ сладкую, можетъ и намъ жаждущимъ усладить горечь этой воды“. И когда — почерпнувши, попробовали, нашли ее сладкою, какъ медъ, и студеною, какъ зимой; и пили всѣ и прохладились, и прославили Бога. — Когда были уже въ Херсонѣ, то, вечерявши съ мѣстнымъ епископомъ, Константинъ обратился къ нему съ просьбою, чтобы онъ сотворилъ ему молитву и благословилъ его, какъ отецъ благословляетъ своего сына послѣднимъ благословеніемъ. Тѣ, которые слышали это, думали, что Константинъ намѣренъ на слѣдующій день рано отправиться въ свой путь. Но Константинъ тайно нѣкоторымъ сказалъ, что епископъ скоро оставитъ ихъ; ибо завтра-же отойдетъ къ Богу. И дѣйствительно, такъ и было, ибо на слѣдующій день епископъ скончался.

Не далеко отъ Херсона находился городъ Фулла (мѣстонахожденіе котораго въ настоящее время съ точностію неизвѣстно [21]), и жители его, хотя уже христіане, воздавали особую честь одному большому дубу, сплетшемуся корнями и вѣтвями съ черешнею и названному отъ нихъ Александромъ, творя подъ нимъ различныя требы и удаляя отъ нихъ весь женскій полъ. Константинъ услышавъ объ этомъ, не отяготился отправиться на мѣсто и, ставъ посреди толпы, громко сказалъ: „язычники, по-

клоняясь небу и земли, какъ богамъ, такимъ великимъ и совершеннымъ созданіямъ, — пошли однакоже въ вѣчную муку; какъ же вы можете избѣгнуть вѣчнаго огня, покланяясь такой ничтожной вещи, которая годится только въ огонь"? Древопоклонники отвѣчали: „мы стали это дѣлать не съ нынѣшняго и не со вчерашняго дня, но научились такъ отъ отцевъ, а отъ того получаемъ все потребное, въ особенности же дождь и другія блага: и какъ мы можемъ посягнуть на дерево, когда этого доселѣ никто изъ нихъ не смѣлъ сдѣлать? И мы увѣрены, что если кто осмѣлится это сдѣлать, то на мѣстѣ же умретъ, а мы никогда уже не увидимъ дождя". Философъ, обративъ вниманіе суевѣровъ на нѣкоторыя мѣста пророка Исаіи, въ которыхъ отъ имени Господа говорится и о Фуллѣ и предрекается уловленіе людей отъ холмовъ и скалъ каменныхъ, показалъ имъ евангеліе и, напомнивъ, что въ него они крестились, убѣждалъ ихъ истребить дерево. Старѣйшина поклонился евангелію и поцѣловалъ его, а вслѣдъ за нимъ и всѣ. Потомъ взяли отъ святаго учителя по бѣлой свѣчѣ и чинно отправились къ дереву. Константинъ, чтобы показать примѣръ, первый приступилъ къ посѣченію дерева, а вслѣдъ его начали рубить всѣ, покуда до корня не вырубили и не сожгли. И въ ту-же ночь упалъ сильный дождь и упоилъ землю. Суевѣріе не смѣло заговорить и умолкло навсегда.

Послѣ сего братья возвратились въ Царьградъ, и приняты были отъ царя и патріарха и отъ всего собора съ особенною честію и радостію, какъ апостолы, проповѣдывавшіе Христа среди язычниковъ, и хотѣли возвести ихъ на степени святительскія; но они отреклись отъ такого высокаго сана. Меѳодія еще убѣдили кое-какъ быть настоятелемъ въ монастырѣ, называемомъ Полихронъ [22]; но Константинъ остался въ Константино-

полѣ при церкви св. Апостолъ, занимаясь молитвою и книгами.

Въ это время довелось ему разобрать и нѣкоторыя загадочныя надписанія. Именно, въ софійской церкви находился потиръ, украшенный драгоцѣнными камнями, по преданію, Соломонова издѣлія, и имѣвшій на себѣ письмена еврейскія и самарянскія, написанныя по гранямъ, которыхъ дотолѣ никто не могъ прочитать и объяснить. Константинъ прочиталъ и объяснилъ слѣдующимъ образомъ: на первой грани, по его объясненію, стояли слѣдующія слова: прорицай, покуда такимъ образомъ звѣзда. Питіемъ будь, Господи, первенцу бдящему ночью! Во второй грани: на вкушеніе Господня вина, сотвореннаго отъ инаго дерева; пей, упивайся съ веселіемъ и взывай: аллилуія! — Въ третьей грани: се князь и весь сонмъ узрятъ славу его, и Давидъ посредѣ его. А на четвертой написано: 909. Философъ, разсчитавъ со вниманіемъ, нашелъ, что отъ 12-го года царствованія Соломона до рождества Христова прошло ровно 909 лѣтъ, и такимъ образомъ это принято за пророчество о Христѣ [23].

II.

Но главное призваніе двухъ солунскихъ братьевъ заключалось не въ этихъ путешествіяхъ къ народамъ магометанскаго и іудейскаго исповѣданій, въ которыхъ доселѣ видѣли мы ихъ совершающими свое проповѣдническое дѣло. Ихъ ждала новая жатва — жатва обильная, какую представляли тогда, на обширномъ полѣ христіанскаго міра, славянскіе народы, на югѣ и западѣ Европы расположенные. Прежде чѣмъ поведемъ нашу повѣсть о второй половинѣ дѣятельности нашихъ проповѣдниковъ, посмотримъ, въ какомъ положеніи находились тогда эти народы и

по отношенію къ вѣрѣ, и по отношенію къ государственному быту.

Въ Болгаріи, въ началѣ IX столѣтія, къ которому относится нашъ разсказъ, занимается заря христіанскаго просвѣщенія, и именно, вслѣдствіе кровавыхъ войнъ, которыя она ведетъ съ греческою имперіею, и которыя подъ смиреннымъ образомъ плѣнныхъ нерѣдко проводятъ въ воинственную страну благодатныхъ ловцевъ, плѣняющихъ язычествующій народъ во власть Христову. Такъ, когда въ 813 году, во время владѣнія Крума, болгаре овладѣли Адріанополемъ, то привели съ собою въ свою страну много плѣнныхъ, и въ числѣ ихъ самаго адріанопольскаго епископа, Еммануила, то эти плѣнные, руководимые самимъ епископомъ, успѣваютъ бросить между народомъ первыя сѣмена евангельскаго ученія, хотя справедливо и то, что при преемникѣ Крума, Муртогонѣ, они всѣ потерпѣли мученическую смерть. Впослѣдствіи это дѣло продолжено было другимъ плѣннымъ монахомъ, Константиномъ Кифарою, и наконецъ поддержано вымѣненною на него (въ 861 г.), бывшею также въ плѣну въ Византіи съ юныхъ лѣтъ, благовѣрною сестрою новаго болгарскаго князя Богориса. Правда, грубый и воинственный болгаринъ не очень охотно внималъ кроткому евангельскому слову, боясь, какъ говорилъ, принятіемъ новой вѣры, возставить противу себя народъ. Но сила страха человѣческаго должна была уступить и замолчать предъ силою страха Божескаго. Болгарію постигло народное бѣдствіе — произошелъ голодъ, и невѣрующій, не зналъ, что дѣлать, а сестра, замѣтивъ, что сердце брата, при видѣ всеобщаго страданія, располагается къ лучшимъ чувствамъ, повелѣла одному монаху живописцу, по имени Меѳодію, начертать картину страшнаго суда Христова[24]. Потрясенный поразительнымъ дѣйствіемъ образа и не зная, гдѣ

искать помощи при всеобщемъ страданіи народа, князь сталъ просить избавленія у Бога, о которомъ такъ часто напоминали ему и Кіеара и княжна. Когда, дѣйствительно, напасть миновалась, князь обратился къ истинной вѣрѣ и крестился отъ присланнаго изъ Царяграда епископа и нарекся, по имени царствовавшаго тогда въ Византіи императора, Михаиломъ. Это было въ 863 — 864 году. Надобно думать, что новокрещенный, по своей грубой натурѣ, дѣйствовалъ на обращеніе народа въ христіанство слишкомъ крутыми мѣрами, ибо народъ возмутился. Но Богорисъ подавилъ возстаніе, приказавъ избить не только всѣхъ главныхъ зачинщиковъ мятежа, но и дѣтей ихъ и женъ,— и въ слѣдъ за тѣмъ, въ 865 году, отправилъ посольство къ нѣмецкому императору, Людвигу, и къ папѣ римскому, Николаю, съ немалыми какъ святымъ мѣстамъ, такъ и самому святителю, приношеніями, испрашивая у него, какъ поступить ему относительно остальнаго болгарскаго народа, еще не просвѣщеннаго святымъ крещеніемъ. Что было причиною такого внезапнаго поворота Богориса отъ Византіи къ Риму и отъ константинопольскаго патріарха къ римскому священноначальнику, съ достовѣрностію судить трудно[25]... Только папа принялъ посольство съ честію, удержалъ посланныхъ у себя и, въ слѣдующемъ 866 году, отправилъ двухъ извѣстныхъ ему по достоинствамъ епископовъ, Павла популинскаго и Формоза портуенскаго, изъ которыхъ послѣдняго Богорисъ и хотѣлъ было поставить у себя архіепископомъ. Снаряжено было вторичное посольство съ просьбою объ оставленіи Формоза архіепископомъ и о присылкѣ новыхъ пресвитеровъ для наставленія всего народа. Папа отправилъ новую партію священниковъ, а вмѣсто Формоза, который, по разсчету, не долженъ былъ оставлять ввѣренной ему паствы, повелѣлъ избрать въ архіепископы кого-

нибудь изъ вновь посланныхъ пресвитеровъ, — и такимъ образомъ латинское духовенство наводнило Болгарію и начало хозяйничать въ духовныхъ дѣлахъ страны. Фотій молчалъ, ибо не въ характерѣ его было стремленіе къ распространенію внѣшняго обладанія. Но когда дѣло дошло до того, что латинскіе духовные стали отвергать муропомазаніе, совершенное надъ болгарами греческими священниками, и утверждать, что право совершенія этого таинства исключительно принадлежитъ епископамъ, и когда услышалъ, что они и въ самомъ символѣ вѣры дѣлаютъ самопроизвольную прибавку—filioque, тогда-то онъ написалъ свое громоносное окружное посланіе ко всѣмъ вселенскимъ патріархамъ, въ которомъ приглашалъ ихъ составить вселенскій соборъ, для осужденія отступничества папы и для отлученія его отъ вселенской церкви. Дѣйствительно, соборъ составился, и на немъ явились не только уполномоченные восточныхъ патріарховъ и всѣ высшіе греческіе духовные, но и присутствовали императоръ Михаилъ, кесарь Василій, сенаторы, патриціи и другія свѣтскія власти. Папа Николай признанъ былъ недостойнымъ святительскаго сана, положено было прекратить съ нимъ всякое общеніе и предать его анаѳемѣ, а нововведенія западныхъ въ ученіи церкви отвергнуть, какъ противорѣчащія истинѣ евангельской и ученію апостольскому. Фотій торжествовалъ, и ревность его къ православію вѣнчалась полнымъ успѣхомъ, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство даетъ совершенно иной оборотъ всему дѣлу. Императоръ Михаилъ падаетъ жертвою, составленнаго противъ него, придворнаго заговора; воцаряется Василій Македонянинъ. Теперь все дѣло пришло въ зависимость отъ того, будетъ ли новый императоръ держаться стороны Фотія. . . . Василій удалилъ Фотія и возвратилъ заточеннаго Игнатія; не только старался о возстановленіи согла-

сія съ Римомъ, но вступилъ еще въ весьма тѣсныя отношенія съ папою. Папа спѣшилъ воспользоваться новымъ оборотомъ дѣла, и въ 869 году, по его желанію, въ Константинополѣ, составленъ новый соборъ, извѣстный на западѣ подъ громкимъ именемъ „осьмаго вселенскаго“. На немъ прежде всего постарались сжечь прежнее соборное опредѣленіе противу папы Николая, Фотія предали анаѳемѣ и заточенію съ тѣмъ, чтобы отобраны были у него даже и книги. Но — новый замѣчательный оборотъ со стороны болгарскаго князя! — не успѣли еще разъѣхаться всѣ присутствовавшіе на соборѣ, какъ прибыли послы изъ Болгаріи съ порученіемъ отъ князя настоятельно требовать рѣшенія: кому должна быть подчинена Болгарія въ духовномъ отношеніи, папѣ, или цареградскому патріарху? По всей вѣроятности, огласившійся раздоръ между первосвятителями двухъ церквей былъ виною такого запроса со стороны болгарскаго властителя. Послѣ продолжительнаго спора, такъ ли, иначе ли, дѣло кончилось рѣшеніемъ въ пользу константинопольскаго престола. Латинскіе духовные были изгнаны, и греческая церковь утвердила тамъ власть свою и донынѣ, не безъ скорби, однако, видя, какъ западная по временамъ разными приманками овецъ восточной паствы привлекаетъ въ свои нечистые дворы[26]. — Въ такомъ-то видѣ является исторія Болгаріи во время дѣйствованія у славянъ Кирилла и Меѳодія. Страна находится въ какомъ-то шаткомъ и колеблющемся положеніи вслѣдствіе борьбы между самими церквами — восточною и западною.

Моравія въ IX столѣтіи, къ которому относится нашъ разсказъ, занимала большую часть нынѣшней Венгріи и древней Панноніи, и расположена была по рѣкѣ Дунаю и притоку его, Марху. Въ началѣ столѣтія являются только частные случаи обращенія жителей въ христіанство, а въ половинѣ столѣтія

оно уже является достаточно распространеннымъ въ народѣ западными проповѣдниками, такъ-что существуетъ уже нѣсколько епархій, подчиненныхъ главному вѣдѣнію пассавскаго архіепископа. Въ политическомъ отношеніи Моравія находилась въ зависимости отъ каролингской имперіи по договору, заключенному на регенсбургскомъ сеймѣ въ 803, а въ послѣдствіи—отъ королей германскихъ. Во второй четверти IX столѣтія является повелителемъ Моравіи Моймиръ, человѣкъ духа необыкновеннаго. Онъ первый изъ князей принялъ христіанство. Вся цѣль его дѣйствій была обеспечить неприкосновенность своихъ владѣній противу императора Людовика благочестиваго, и, укрѣпляясь внутри, положить основаніе сильному государству, каковымъ впослѣдствіи и дѣйствительно явилась Моравія. — Другой моравскій князь, современный Моймиру, властвовавшій въ нитрійской области, былъ Привинна, язычникъ. Моймиръ, недовольный за что-то на необращеннаго (въ 830 г.), изгналъ его изъ области и заставилъ убѣжать за Дунай. Императоръ Людовикъ принялъ его дружественно, крестилъ его въ Трейсмауерѣ и далъ ему большую область въ нижней Панноніи при озерѣ Балатонѣ. За нимъ слѣдуютъ три моравскіе князя въ одно время: Ростиславъ, Святополкъ и Коцелъ, и съ ними-то входили въ общеніе Кириллъ и Меѳодій. Главное стремленіе князей было то, чтобы сдѣлать страну независимою отъ франкскаго владычества. Само собою разумѣется, что трудно было осуществить эти замыслы при единствѣ Карловой монархіи; но когда она, по вердюнскому договору, раздѣлилась на три естественныя части: Францію, Италію и Германію, тогда борьба съ однимъ нѣмцами сдѣлалась легче. Первый нѣмецкій король, Людвигъ, понималъ всю опасность возрастающаго могущества Моймира, отставилъ его и (въ 846 г.) поставилъ на его мѣсто Ростислава. Но и

у Ростислава высочайшею задачею жизни было сдѣлать Моравію независимою. Съ этою цѣлію онъ вступилъ въ дружественныя сношенія съ болгарами (853 г.), заключилъ союзъ съ византійскимъ дворомъ и снабдилъ свою страну многими, для того времени, весьма сильными крѣпостями. Людовикъ, хорошо постигавшій планы Ростислава, не упускалъ случая по временамъ ихъ уничтожать. Но въ 855-мъ году вдругъ двинулся на Моравію съ сильнымъ войскомъ; но, не осмѣлившись напасть на твердые окопы непріятеля, принужденъ былъ воротиться безъ славы и безъ побѣды; и на возвратномъ пути, преслѣдуемый моравами, долженъ былъ понести значительный вредъ. Послѣ сего Людовикъ чрезъ многіе годы ничего не могъ предпринять противъ Ростислава, и послѣдній, въ сущности дѣла, былъ свободенъ и независимъ. Въ такомъ положеніи силы, сдѣлался онъ прибѣжищемъ для всѣхъ гонимыхъ и тѣснимыхъ Людовикомъ, — точкой опоры, на которую разсчитывая, даже въ собственномъ домѣ короля недовольные строили свои планы. Такъ, въ 861 — 863 г., старшій сынъ королевскій, герцогъ каринтійскій, Карломанъ, когда думалъ обеспечить себя противу гнѣва и власти отца, вступилъ въ союзъ съ Ростиславомъ; и второй сынъ, Людвигъ младшій, послѣдовалъ примѣру брата, когда вздумалъ (въ 866 г.) возмутиться противу своего отца [27].

Подручными совладѣтелями Ростислава были племянникъ его, Святополкъ, князь нитранскій, имѣвшій пребываніе въ городѣ Нитрѣ, къ сѣверу отъ Дуная, и Коцелъ, сынъ недавно убитаго моравцами, князя Привинны, которому Людовикъ отдалъ во владѣніе Блатенское княжество, съ принадлежащимъ ему городомъ Салаваромъ, или, по теперешнему, Мозбургомъ, находившемся на югозападномъ берегу озера.

Въ Богеміи, въ первой половинѣ IX столѣтія, также свѣтъ

христіанства является разсѣянно или по мѣстамъ. Такъ, на пр. въ 844-мъ году 14 чешскихъ леховъ (землевладѣльцевъ) рѣшились принять христіанство, и для того въ концѣ года отправились къ королю Людовику нѣмецкому, который и принялъ ихъ дружественно и вмѣстѣ съ ихъ свитами крестилъ въ день новаго 845-го года. Это событіе есть первый и древнѣйшій фактъ распространенія христіанства между чехами, о которомъ записано въ исторіи, хотя несомнѣнно, что и прежде были случаи обращенія въ христіанство. Послѣдствіемъ сего было то, что вся Богемія, до учрежденія пражскаго архіепископства, была отведена къ регенсбургскому епархіальному округу.

Вотъ краткій очеркъ политическаго и вѣроисповѣднаго состоянія тѣхъ славянскихъ странъ, въ которыхъ братья должны будутъ явиться, какъ христіанскіе наставники и проповѣдники. И нѣсколько набросанныхъ нами свѣдѣній, какія впрочемъ доставляетъ исторія, достаточны для того, чтобы освѣтить сцену будущихъ ихъ дѣйствій и чтобы читатель могъ оріентировать себя при разсказѣ о ихъ разномѣстныхъ трудахъ, путешествіяхъ и встрѣчахъ.

И такъ, одна изъ этихъ странъ, о которыхъ мы говорили, именно—Моравія, была наиболѣе просвѣщена христіанствомъ со стороны запада, но только, какъ обыкновенно тогда бывало и нынѣ отчасти есть, внѣшнимъ образомъ. Сила новой вѣры, проповѣданной на безвѣстномъ латинскомъ языкѣ, оставалась разумѣнію народа недоступною; обратившіеся ознакомлены было только съ одной обрядовой стороной новой религіи. А между тѣмъ сами пастыри считали себя успокоенными;—приходы разведены, доходы обеспечены, десятина идетъ и на нихъ, и на епископа и на папу. Чего еще болѣе нужно? Но бѣднымъ овцамъ духовнымъ, дававшимъ такое обеспечительное руно, отъ того было не легче; онѣ должны были или блуждать по прежнимъ дебрямъ

язычества, или питаться одною сухою плевою, не касаясь питательной сущности христіанскаго вѣроученія. Что удивительнаго, если народъ и князь оставались недовольны такимъ пасеніемъ, и если обратились въ иную страну, ища лучшихъ пастырей, которые могли бы съ ними говорить на ихъ языкѣ о сладкихъ истинахъ религіи,— которые могли бы преподать спасительное ученіе евангелія, не въ трудносокрушаемой оболочкѣ непонятнаго языка, но роднымъ, непосредственно дѣйствующимъ словомъ,— которые бы съумѣли понятнымъ образомъ объяснить обряды и учрежденія христіанскіе, не понятные для не разумѣющаго ихъ основаній. Весьма легко могли присоединиться къ этому и разсчеты политическіе. Ростиславъ, какъ мы видѣли, стремился достигнуть независимости отъ германской власти. Не естественно ли было обратиться къ византійскому двору съ прошеніемъ о наставленіи въ вѣрѣ, дабы вѣроисповѣднымъ союзомъ вызвать и утвердить союзъ политическій? По крайней мѣрѣ, видѣли мы Ростислава и прежде заключающимъ союзы и съ Булгаріею и Византіею, дабы обеспечить себя отъ утѣсненія со стороны Людовика нѣмецкаго.

Такимъ образомъ, когда Константинъ и Меѳодій, по возвращеніи отъ козаръ, въ тишинѣ занимались молитвою и богомысліемъ, Ростиславъ вмѣстѣ съ прочими моравскими князьями, въ 862 г., отправили къ византійскому императору Михаилу посольство, объясняя, что хотя они и народъ ихъ и приняли христіанскую вѣру отъ западныхъ латинскихъ священниковъ, но не разумѣя ихъ языка и слыша разные толки отъ вошедшихъ къ нимъ разныхъ учителей и изъ волохъ, и изъ грековъ, и изъ нѣмцевъ, по простотѣ своей (мы словени проста чадь) не знаютъ, чего держаться, и не вѣдаютъ существа вѣры, ограничиваясь только исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ, и потому про-

сятъ прислать имъ такого учителя, который истолковалъ бы имъ дѣломъ новопринятую ими вѣру на ихъ родномъ языкѣ и наставилъ бы ихъ на истинный разумъ и правду. Царь собралъ совѣтъ, и если для проповѣдыванія иноязычнымъ племенамъ избирались доселѣ Солунскіе братья, то кого приличнѣе было послать теперь въ единоязычныя страны, какъ не ихъ же? Почему царь призвавъ Константина положительно сказалъ, что другой никто не можетъ исполнить такъ хорошо этого дѣла, какъ онъ самъ, и чтобы онъ, взявъ съ собою брата своего игумена Меѳодія, немедленно отправился въ путь, получивши многіе дары отъ царя. „Вы бо еста селунянина, прибавлялъ царь, да селуняне все чисто словенскы бесѣдуютъ“. Хотя Константинъ и былъ тогда разстроенъ здоровьемъ, — тѣмъ не менѣе съ радостію принималъ на себя новое посланничество, подъ условіемъ, если моравы имѣютъ письмена. Но царь сказалъ, что и отецъ и дѣдъ его и другіе многіе давно развѣдывали о томъ и не могли узнать ничего положительнаго; тѣмъ менѣе онъ можетъ сказать что-нибудь вѣрное. Тогда философъ замѣтилъ, что просвѣщать народъ безъ письменъ значитъ то-же, что писать бесѣду на воду, и легко такимъ образомъ заслужить имя еретика. Михаилъ вмѣстѣ съ Вардою дядею своимъ обратили его къ упованію на Бога, дающаго всѣмъ несумнѣнно просящимъ и отверзающаго всѣмъ усильно толкущимъ. Константинъ, приступая къ такому великому дѣлу, каково изобрѣтеніе буквъ, долженствовавшее послужить началомъ просвѣщенію нѣсколькихъ одноплеменныхъ народовъ, обратился, какъ то и прежде всегда дѣлалъ, вмѣстѣ съ сотрудниками своими на молитву, да отверзетъ имъ Господь умъ на такое благопотребное изобрѣтеніе. Константинъ, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, ничего лучшаго найдти не могъ, какъ греческія же буквы примѣнить къ новому языку, а для особен-

ныхъ несвойственныхъ греческому звуковъ примѣнить новыя начертанія, заимствовавъ ихъ изъ другихъ алфавитовъ. И такимъ образомъ явилась славянская азбука съ 24 начертаніями греческими, и съ 14, заимствованными изъ еврейскаго, коптскаго и армянскаго алфавитовъ для особенныхъ звуковъ, свойственныхъ славянскому языку. Первое приложеніе новаго изобрѣтенія было на переводѣ высокихъ словъ наперсника Христова и проповѣдника любви, евангелиста Іоанна: „испрьва бѣ слово, и слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ слово“, и проч. Ибо прежде всего, надлежало имъ перевести евангеліе въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ оно употребляется для дневныхъ чтеній; а въ этомъ порядкѣ 1-я глава евангелія отъ Іоанна занимаетъ первое и начальное мѣсто. За симъ переведены были апостолъ, псалтырь, часословъ, избранныя службы и октоихъ, какъ такія книги, которыя составляютъ необходимую потребность первоначальнаго христіанскаго наученія и церковнаго богослуженія. Эти первоначальные труды показаны были царю, патріарху и всему освященному собору, и всѣ радовались явленію въ новомъ языкѣ слова Божія. Съ такими духовными сокровищами братья весело отправились къ славянскимъ странамъ, снабженные въ изобиліи и разными потребностями жизни отъ щедротъ царскихъ. Славянскія страны, черезъ которыя имъ доводилось проходить, и гдѣ они говорили о имѣющихся у нихъ сокровищахъ, принимали ихъ съ особенною любовію и честію, начиная отъ князей до простаго народа. Въ это время, конечно, они содѣйствовало распространенію и утвержденію Христовой вѣры между болгарами, — изъ которыхъ многіе были уже обращены, — сообщивъ имъ въ спискахъ переведенныя ими книги и совершая, можетъ быть, и самое богослуженіе на родномъ языкѣ. А когда достигли Моравіи, то восторгъ народа не имѣлъ предѣловъ.

Ростиславъ, прочитавъ посланіе, въ которомъ византійскій императоръ, похваляя посылаемыхъ имъ двухъ высокопросвѣщенныхъ мужей, изобрѣтшихъ новыя буквы для славянскаго языка, и выражая желаніе, чтобы они успѣшно употреблены были на дѣло общаго спасенія, а онъ, нелѣностно трудясь надъ утвержденіемъ и распространеніемъ святой вѣры, оставилъ будущимъ родамъ память о себѣ великаго Константина,—Ростиславъ принялъ братьевъ съ особенною почестію,—и собравъ множество учениковъ, повелѣлъ ихъ учить новоизобрѣтенной грамотѣ. И они вскорѣ узнали весь церковный порядокъ, изучивъ и утреню, и часы, и вечерню, и павечерницу, и тайную службу, т. е. обѣдню. Тогда, по замѣчанію жизнеописателя, согласно пророческому слову, отверзлись уши глухихъ и услышали словеса книжныя, и языкъ гугнивыхъ сдѣлался ясенъ. Впервые услышалось богослуженіе на родномъ языкѣ,—и впервые умиленныя сердца на крыліяхъ радости и молитвы вознеслись къ веселившемуся небу. Четыре года съ половиною подвизались проповѣдники надъ утвержденіемъ правой вѣры въ странѣ и переходили изъ мѣста въ мѣсто съ словомъ жизни и спасенія. Вѣроятно, въ это-же время они путешествовали и въ Булгарію, постепенно принимавшую христіанство, для распространенія и утвержденія въ ней здраваго ученія, сколько то ея смутное и колеблющееся положеніе дозволяло. „Ради были славене, замѣчаетъ нашъ Несторъ, слышаще величія Божія на своемъ языцѣ“. Но не радъ былъ этому духъ зависти, дѣйствовавшій въ сынахъ властолюбиваго и любостяжательнаго Рима,—въ латинскихъ епископахъ, священникахъ и ученикахъ. Многіе возстали противу введенія славянскаго языка въ дѣло богослуженія, говоря, что этимъ отнюдъ не славится и не благоугождается Богъ (ибо де, если-бы Богу угодно было это, то не могъ ли бы онъ сдѣлать такъ, чтобы

и эти народы, измысливъ съ самаго начала для себя письмена, славили Бога на своемъ нарѣчій?), и что избраны имъ только три языка для воздаянія ему подобающей хвалы: еврейскій, греческій и римскій. И боролся съ ними Константинъ, по выраженію жизнеописателя, какъ Давидъ съ иноплеменниками, побѣждая ихъ „книжными словесы“ и называя ихъ треязычниками и пилатниками, такъ-какъ они принимаютъ себѣ за основаніе треязычную надпись, сдѣланную Пилатомъ, на крестѣ. И не только такое убѣжденіе распространяли въ народѣ, но и другимъ глупымъ суевѣріямъ учили, какъ на пр., что подъ землею живутъ какіе-то особенные, съ огромными головами, люди, что всѣ гады и пресмыкающіяся суть созданіе діавола, что если кто убьетъ змію, тому отпустится девять грѣховъ, а если кто убьетъ человѣка, тотъ долженъ пить три мѣсяца изъ деревянной чаши, а къ стеклянному сосуду не прикасаться, и тому подобнымъ глупостямъ. Между тѣмъ приносить языческія жертвы по прежнему обычаю и заключать безчестные браки не возбраняли. Всю эту неурядицу восточные проповѣдники разумнымъ ученіемъ истребили и водворили истинное благочестіе.

Слухъ о таковыхъ подвигахъ византійскихъ учителей не могъ не возбудить вниманія сидѣвшаго тогда на папскомъ престолѣ Николая I, который увѣковѣчилъ свое имя тѣмъ, что первый открытыми и дерзкими притязаніями на первенство римскаго престола и подчиненіе себѣ греческой церкви положилъ дѣйствительное начало раздѣленію церквей, столько бѣдъ причинившему и доселѣ причиняющему Европѣ. Папа пожелалъ видѣть новыхъ проповѣдниковъ, и пригласилъ ихъ къ себѣ письмомъ, уважительнымъ и дружелюбнымъ. На пути братья приняты были съ любовію княземъ паннонскимъ Коцеломъ, который, ознакомившись ближе съ словенскими книгами и получивъ къ нимъ

(книгамъ) особенную любовь, и самъ захотѣлъ учиться имъ, и до пятидесяти учениковъ отдалъ имъ въ ученіе. Оказавъ братьямъ великую честь, выпроводилъ ихъ на дальнѣйшій путь, и хотя въ награжденіе предлагалъ имъ много золота и серебра, но безкорыстные проповѣдники не приняли этихъ даровъ, а только испросили у него и у Ростислава до девятисотъ плѣнныхъ, которыхъ и отпустили на волю.

Когда братья пришли въ Венецію, то собрались противу нихъ, „яко врани на соколовъ“, епископы, священники и черноризцы и начали опять корить трезычною ересью, и, обращаясь преимущественно къ Константину, говорили: „скажи намъ, человѣче, какъ это ты выдумалъ для славянъ письмена и учишь по нимъ, когда прежде этого никто не заблагоразсудилъ изобрѣсти ихъ — ни апостолы, ни папа римскій, ни Григорій Богословъ, ни Іеронимъ, ни Августинъ? Мы знаемъ только три языка, которыми прилично славить Бога въ книгахъ: еврейскій, греческій и римскій“. Просвѣщенный учитель отвѣчалъ: „вѣдь идетъ же дождь отъ Бога на всѣхъ, и солнце сіяетъ же на всѣхъ? Равно и не всѣ ли мы однимъ воздухомъ дышемъ? Какъ же вы не стыдитесь допускать только три языка, а всѣмъ народамъ и племенамъ велите быть слѣпыми и глухими? Что, вы хотите сдѣлать Бога или немощнымъ, какъ не могущаго, или завистливымъ, какъ не желающаго дать этого людямъ? Мы, напротивъ, много знаемъ народовъ, которые имѣютъ свою грамоту и воздаютъ хвалу Богу каждый на своемъ языкѣ; таковы: армяне, персы, абазы, иверы (грузины), согдіане, готѳы, авары, турки, ⱪозары, аравитяне, египтяне и другіе многіе. Но если вы не хотите изъ этого понять, что я утверждаю, то, по крайней мѣрѣ, убѣдитесь изъ св. писанія. Что Давидъ взываетъ? *Пойте Господеви вся земля, воспойте Господеви пѣснь нову* (Псал. XCV, 1)

и въ другомъ мѣстѣ: *воскликните Богови вся земля, воспойте, и радуйтеся, и пойте* (Псал. XCVII, 4); и опять: *хвалите Господа вси языцы, похвалите его вси людіе* (Псал. CXVI, 1) и: *всякое дыханіе да хвалитъ Господа* (Псал. CVIII, 6). Обращаясь же къ новому завѣту, что мы видимъ? Евангелистъ Іоаннъ въ гл. 1 (ст. 12) говоритъ, что: *всѣмъ вѣрующимъ дана область чадомъ Божіимъ быти* и слѣдовательно всѣмъ предоставлено право взывать къ Нему, какъ къ общему Отцу, на какомъ языкѣ кто можетъ. А Спаситель предъ страданіемъ молилъ, *да вси вѣрующіе въ Него будутъ едино въ Немъ* (Іоан. XVII, II, 20—23): по воскресеніи посылалъ апостоловъ учить и крестить *вся языки* безразлично; повелѣвалъ *идти во весь міръ и проповѣдовать евангеліе всей твари* и между *знаменіями вѣры* поставилъ *глаголаніе языки новы* (Матѳ. XXVIII, 19; Марк. XVI, 15—17). Но всего мѣтче къ недобросовѣстности порицателей новаго языка приложены были слова Спасителя, обращенныя имъ къ книжникамъ и фарисеямъ: *горе вамъ, книжницы и фарисее лицемѣри, яко затворяете царствіе небесное предъ человѣки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити* (Матѳ. XXIII, 13), и въ другомъ мѣстѣ: *горе вамъ законникомъ, яко взясте ключъ разумѣнія; сами не внидосте, и входящимъ возбранисте* (Лук. XI, 52). (Какъ это идетъ къ католическому духовенству, владѣющему исключительно ключемъ разумѣнія св. писанія и недозволяющему употреблять его на иномъ языкѣ, кромѣ латинскаго!). Наконецъ славянскіе учители нашли другое обоюдуострое оружіе въ XIV главѣ 1 посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ, на основаніи которой они, съ одной стороны, объяснили умѣстность употребленія разныхъ языковъ, и, съ другой, неразумность употребленія одного безвѣст-

наго языка въ дѣлѣ богослуженія: *глаголяй языки, не человѣкомъ глаголетъ, но Богу... Хощу же всѣхъ васъ глаголати языки; паче же да пророцаете; болій бо пророчествуяй, нежели глаголяй языки, развѣ аще кто сказуетъ, да церковь созиданіе пріемлетъ.... Бездушная, глась дающая, аще сопѣль, аще гусли, аще разностія писканіемъ не дадятъ, како будетъ разумно писканіе или гуденіе? Ибо аще безвѣстенъ глась труба дастъ, кто уготовится на брань? Тако и вы аще не благоразумно (понятно) слово дадите языкомъ, како уразумѣется глаголемое? Будете бо на воздухъ глаголюще. Толики убо, аще ключится, роди гласовъ суть въ мірѣ, и ниединъ ихъ безгласенъ. Аще убо не увѣмъ силы гласа, буду глаголющему иноязычникъ, и глаголющій, мнѣ иноязычникъ.* Такими доказательствами разумные проповѣдники заградили уста неразумнымъ треязычникамъ, и, оставивъ ихъ постыженными, отправились въ дальнѣйшій путь.

Когда папа, уже Адріанъ II (Николай I ум. 867 г. ноября 13), услышалъ о приближеніи къ Риму византійскихъ проповѣдниковъ, то послалъ къ нимъ на встрѣчу нѣсколько почетныхъ лицъ; потомъ, когда пришли уже въ Римъ, то вышелъ самъ на встрѣчу со всѣми гражданами, неся свѣщи, такъ-какъ братья несли съ собою и часть святыхъ мощей Климента мученика и папы Римскаго. По сказанію жизнеописателя, принесеніе этой святыни ознаменовалось нѣкоторыми чудесами: и именно одинъ разслабленный исцѣлѣлъ, получали исцѣленіе и другіе многіе одержимые разными недугами; плѣнные, находившіеся въ непріятельской сторонѣ, призвавъ имя Христа и угодника Его, святаго Климента, избавлялись отъ узъ плѣна.

Встрѣтясь теперь лицемъ къ лицу съ первосвященникомъ

римскимъ, греческіе проповѣдники, конечно, не преминули разсказать объ усердіи моравскихъ князей къ вѣрѣ, и о заботахъ ихъ на счетъ распространенія между народомъ истиннаго христіанскаго просвѣщенія и упомянуть о тѣхъ сомнѣніяхъ и прерѣканіяхъ, которыя они повсюду встрѣчаютъ противу употребленія въ дѣлахъ вѣры языка славянскаго, якобы не освященнаго Богомъ. Конечно, при семъ объясненіи дѣло не могло обойтись и безъ того, чтобы, при неблагопріятныхъ тогдашихъ отношеніяхъ къ Византіи, папа не вывѣдалъ у братьевъ и образъ ихъ вѣрованія, согласенъ ли онъ съ римскою церковію, или нѣтъ. И удостовѣрившись въ согласіи ихъ съ ученіемъ римской церкви, которая тогда еще, дѣйствительно, только начинала отдѣляться и, слѣдовательно, въ большей части вѣрованія согласна была съ восточною, успокоенъ былъ на счетъ проповѣдническихъ условій со стороны двухъ братьевъ-грековъ. Вслѣдствіе сего, желая освятить, для вѣроисповѣднаго употребленія, славянскій языкъ и ново-изобрѣтенныя письмена, равно и самую личность славянскихъ вѣроучителей представить въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ и приобрѣсти къ нимъ всеобщее довѣріе, папа употребилъ всѣ возможные обряды для сообщенія святости славянскому письмени и оказывалъ всѣ знаки вниманія и уваженія къ новопришедшимъ проповѣдникамъ. Любезно принявъ переведенныя братьями на славянскій языкъ книги священнаго писанія, положилъ ихъ въ церкви св. Маріи, нарицаемой Фатанъ [1], и совершилъ на нихъ литургію. Послѣ сего, папа повелѣлъ двумъ епископамъ, Фор-

[1] Отъ греческаго слова: *Φάτνη*, означающаго «ясли», потому что, по преданію, яко бы въ ней хранятся ясли Іисуса Христа, и нынѣ извѣстной подъ именемъ S. Mariae ad praesepe (у яслей), а болѣе подъ именемъ Santa Maria Maggiore.

мозу и Гендриху посвятить пришедшихъ съ братьями учениковъ, которые, по засвидѣтельствованію учителей, были довольно свѣдущи въ славянской грамотѣ и отличались благочестивою жизнію, трехъ въ пресвитеры, нѣсколькихъ въ діаконы и двухъ въ чтецы, и для посвященія ихъ литургія пѣта была на славянскомъ языкѣ въ церкви апостола Петра. На другой день, совершали литургію въ церкви св. Петронилы, на слѣдующій въ церкви св. Андрея Первозваннаго, и послѣ того, въ церкви другаго учителя вселенной, апостола Павла, и всю ночь славословили на славянскомъ языкѣ, и наутріе совершали еще литургію надъ святымъ гробомъ апостола, имѣя въ помощь Арсенія, одного изъ мѣстныхъ епископовъ, и Анастасія библіотекаря. Константинъ же и Меѳодій, видя, съ какою особенною честію приняты было ихъ труды, и слыша, какъ звуки славянскаго языка торжественно раздавались подъ сводами храмовъ стараго Рима, не переставали благодарить Бога, благословившаго ихъ трудъ и, вмѣстѣ съ учениками своими, воздавать ему достойную хвалу. Сами римляне стекались къ нимъ толпами, желая видѣть ихъ образъ и предлагая безчисленные вопросы на счетъ славянской, недавно изобрѣтенной ими, грамоты и переведенныхъ ими святыхъ книгъ, и братья охотно давали имъ всѣ возможныя объясненія, не отягощаясь на одинъ и тотъ-же вопросъ отвѣчать по два и по три раза. Но однакожъ, при такомъ общемъ уваженіи и удивленіи къ личности славянскихъ учителей, оказалось и здѣсь много такой „чади“, которая твердила, что недостоитъ ни одному языку имѣть письмена для священнаго писанія, кромѣ еврейскаго, греческаго и латинскаго, по Пилатовой надписи на крестѣ Господнемъ. Но папа, нарекши самъ таковыхъ хульниковъ „пилатниками“ и „треязычниками“, предалъ таковое мнѣніе проклятію, и одного епископа, который

былъ зараженъ подобнымъ заблужденіемъ, лишилъ сана. Но, кромѣ сего, еще и здѣсь довелось Константину имѣть споръ съ однимъ евреемъ, возражавшимъ, что, по исчисленію лѣтъ, еще рано придти Христу, о которомъ пророки говорятъ, что долженъ родиться отъ дѣвы. Константинъ разсчиталъ ему съ точностію всѣ лѣта отъ Адама по порядку родовъ, и показалъ, сколько уже прошло лѣтъ со времени Христова пришествія.

Въ это-же время и самъ Меѳодій, несмотря на то, что долго отказывался и уклонялся, рукоположенъ былъ во епископа Моравіи Паннонской; ибо несправедливо было не почтить именемъ того, кто удостоенъ самаго дѣла, и не прилично было, по слову Спасителя, горящій свѣтильникъ оставлять подъ спудомъ. Кириллъ же, изнемогшій подъ тяжестію трудовъ, путешествій, прѣній и проповѣданій, призываемъ былъ великимъ архіереемъ во Святая Святыхъ, чтобы тамъ, внутри скиніи истинной, совершать служеніе, духовнѣе и божественнѣе пріобщаться таинъ и чаши новой причащаться. Кириллъ впалъ въ болѣзнь и болѣзнь тяжкую. Однажды, когда недугъ не отпускалъ нѣсколько дней сряду, удостоился онъ видѣть явленіе Господа, въ которомъ, конечно, предречено ему было о скоромъ переселеніи въ горнія вѣчныя обители, и началъ пѣть слова псалма Давидова: *о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ, возвеселися духъ мой и возрадовася сердце мое* (Псал. CXXI ст. 1), и облекшись въ честныя ризы, пробылъ такъ цѣлый день, весело бесѣдуя и говоря: „нѣтъ, я не слуга болѣе ни царю, ни другому кому на земли, но принадлежу одному только Вседержителю Богу. Не былъ (sic! разумѣется, прежде нежели родился) — былъ — и буду въ вѣки, аминь. На другой день, облекся въ иноческій образъ, и, пріобщивъ свѣтъ ко свѣту принялъ имя Кирилла, и пребывъ въ этомъ образѣ дней пятдесятъ,

когда наступилъ часъ преставленія въ вѣчныя жилища, простеръ руки свои къ Богу, и, сотворивъ молитву, растворенную слезами, такъ говорилъ: „Господи Боже мой, создавый всѣ безплотныя силы и чины ангельскіе, распростершій небо и основавшій землю, и все существующее приведшій отъ небытія въ бытіе, Ты, который всегда внемлешь творящимъ волю Твою, вонми и моей недостойной молитвѣ—сохрани вѣрное Тебѣ стадо, къ пасенію котораго Ты приставилъ меня неключимаго и недостойнаго раба Твоего, избави его отъ нечестивой, языческой злобы глаголющихъ на Тебя хулу, погуби треязычную ересь и возрасти церковь Твою множествомъ исповѣдающихъ Тебя и всѣхъ ихъ въ единодушіи соедини, сотвори ихъ людьми „изрядными“, единомыслящими въ истинной вѣрѣ Твоей и правомъ исповѣданіи и вдохни въ сердца ихъ слово Твоего усыновленія; Твой даръ они, и если Ты насъ недостойныхъ принялъ на проповѣданіе евангелія Христа Твоего, то мы старались всячески оправдать это призваніе благими дѣлами, и творя угодное Тебѣ; что Ты мнѣ далъ, то я передаю Тебѣ, какъ Твое. Устрой ихъ сильною Твоею десницею, и покрый ихъ кровомъ крилъ Твоихъ, да вси восхваляютъ и славятъ имя Твое, Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. А Меѳодія, брата своего, убѣждалъ не оставлять начатаго ими съобща дѣла для славянъ и говорилъ ему; „мы, братъ, съ тобою тянули одну борозду, и я, падая на грядѣ, кончаю дни свои. А ты любишь сильно гору; то ради своего Олимпа, пожалуй-ста не бросай ученія нашего; ты этимъ еще лучше спастися можешь“. (о златыя, высокія слова!). Послѣ сего, лобызавъ всѣхъ святымъ цѣлованіемъ, проговорилъ еще: „благословенъ Богъ, иже не даде въ ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, но сѣть ихъ сокруши и избавилъ ны отъ истлѣнія ихъ!“. И съ этими словами предалъ Богу

святую душу свою. Скончался же сорока двухъ лѣтъ отъ роду, въ 869 году февраля 14[28],—скончался вмалѣ, но исполни лѣта долга, и можно сказать безконечна, ибо, доколѣ славянскій родъ на землѣ существуетъ, до тѣхъ поръ будетъ имя почившаго жить во устахъ милліоновъ вѣрующихъ[29].

Папа, узнавъ о кончинѣ блаженнаго, повелѣлъ всѣмъ какъ грекамъ, бывшимъ на ту пору въ Римѣ, такъ и римлянамъ, сошедшись, со свѣщами отправить надъ усопшимъ погребальную службу, и обрядъ погребенія былъ совершенъ съ такою торжественностію, какая могла бы быть только при похоронахъ папы. Между тѣмъ, Меѳодій обратился съ просьбою къ папѣ, чтобы дозволено ему было перенести тѣло брата своего въ свой монастырь, ссылаясь въ томъ на завѣтъ своей матери, которая, говорилъ онъ, взяла съ нихъ клятву, чтобы тотъ, кто изъ нихъ переживетъ другаго, взялъ тѣло умершаго въ свой монастырь и тамъ похоронилъ. Папа позволилъ тѣло почившаго вложить въ великолѣпную раку, повелѣлъ забить ее жедѣзными гвоздями, и такимъ образомъ держать святые останки въ готовности къ пути въ продолженіе семи дней. Однако, римское духовенство — епископы и кардиналы — представили папѣ, что, такъ-какъ Богъ его, странствовавшаго по различнымъ землямъ, привелъ наконецъ сюда и здѣсь принялъ его душу, то здѣсь и надобно быть ему погребену, какъ мужу достойному всякой чести. Такой совѣтъ угоденъ былъ папѣ, и онъ, за святость его и принесеніе мощей Климента, изъявилъ волю свою погребсти его самому въ церкви св. Петра. Но Меѳодій, видя, что первая просьба его не уважена, предсталъ вторично предъ папу, и просилъ, чтобы, если тѣлу брата его надобно покоиться въ Римѣ, положили его въ церкви св. Климента, съ останками котораго онъ самъ явился въ Римѣ[30]. Папа согласился на это,

и тогда епископы, собравшись вторично со всѣмъ народомъ, для того, чтобы съ честію проводить тѣло усопшаго, хотѣли открыть раку, дабы видѣть, не взято ли что отъ него, то, сколько ни трудились, не могли открыть — тако Богу изволившу — и потому раку съ тѣломъ положили въ мраморномъ гробѣ въ церкви св. Климента, по правую сторону алтаря, гдѣ и доселѣ почиваетъ [31]. Жизнеописатель прибавляетъ, что при гробѣ угодника Божія начали совершаться многія чудеса, и жители Рима, видя это, стали воздавать еще большую честь памяти преподобнаго, написавши его икону, поставили ее надъ гробомъ съ неугасаемою лампадой, ко славѣ Бога, прославляющаго такъ чтущихъ имя Его. — Такая-то честь воздана была Римомъ первоначальнику нашего просвѣщенія, блаженному Константину, насажденія котораго самъ-же впослѣдствіи старался искоренить. Промыслу Божію, конечно, угодно было положить подвижника восточнаго православія въ столицѣ римскаго неправовѣрія для того, чтобы западная церковь, отступившая отъ единства вѣры, носила въ собственныхъ нѣдрахъ постояннаго обличителя ея неправомыслія и неумолкающаго увѣщателя къ возстановленію единства церквей.

Но если римская церковь умѣла погребеніемъ воздать должную честь просвѣтителю славянъ, то и восточная славянская не оставила себя въ долгу различными похвалами его святой памяти, и мы повторимъ здѣсь одну изъ нихъ, приписываемую ученику Кирилла, Клименту епископу булгарскому, и вмѣстѣ представляющую краткій заключительный обзоръ благословенной дѣятельности нашего просвѣтителя.

„Блаженный Кириллъ! ты былъ новымъ апостоломъ и учителемъ многихъ странъ, для которыхъ и возсіялъ ты солнцемъ благовѣрія, разгоняющимъ мракъ язычества и лесть магометанства. Сердце твое было храмомъ премудрости и на языкѣ тво-

емъ, какъ на херувимѣ, почивалъ Духъ Святый постоянно. Ища чести общенія съ Богомъ, ты пренебрегъ всѣми прелестями жизни сей и оставилъ и богатство, и отца, и мать, и братьевъ и сестеръ. Уклоняясь отъ всѣхъ сладостей жизни, ты измлада былъ чистъ какъ ангелъ, и упражняясь во псалмѣхъ и въ пѣніяхъ и въ поученіи духовномъ, ты слѣдовалъ неуклонно по одному пути — пути ведущему къ небу. Почему и уста твои исполнены были особенною благодатію, которая останавливала всѣ злохуленія еретиковъ. Такъ, когда при благовѣрномъ царѣ Михаилѣ иконная святыня была гонима, ты ересеначальника Аннія силою слова своего постыдилъ и заставилъ его молчать. Какъ только слышалъ гдѣ хулу на святыя иконы, то, окрыленный ревностію къ вѣрѣ, ты перелеталъ изъ страны въ страну, уничтожая заблужденія ясными притчами и наставляя въ правовѣріи. Шествуя по стопамъ Павла и довершая имъ неконченное, ты, какъ орелъ, переносился изъ мѣста въ мѣсто, отъ востока къ западу и отъ сѣвера до юга. Ты имѣлъ пренія о св. вѣрѣ и съ козарами и съ сарацинами и, освѣщая ихъ тресвѣтлыми зарями своего ученія о св. Троицѣ, разсѣялъ все ихъ заблужденіе. Въ Фуллѣ искоренилъ нечестивый обычай воздавать поклоненіе и приносить требы какому-то дереву, носившему имя „Александръ“ и заблудшихъ овецъ стада Христова вразумивъ, направилъ ихъ на путь правовѣрія. Ты славянскому роду, сидѣвшему во тьмѣ неразумія и мракѣ грѣховномъ, человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, явился истиннымъ пастыремъ и учителемъ. Ты заградилъ львиныя уста треязычнымъ еретикамъ, которые, омраченные завистію, безумно говорили, что ни на какомъ языкѣ нельзя болѣе славить Бога, какъ только на еврейскомъ, греческомъ и римскомъ, дѣлая чрезъ то себя участниками въ злобѣ Пилата. Ты преложилъ намъ весь

церковный уставъ съ греческаго на славянскій языкъ и, ведя на совершеніе избранное тобою стадо, отправился въ Римъ, и здѣсь радостно совершивъ теченіе свое, тако изволившу Богу, почилъ честнымъ тѣломъ своимъ. Хвала и благодареніе тебѣ, блаженному отцу и учителю рода нашего! Ты, паче солнца сіяя, троичными зарями просвѣтилъ многіе народы во тьмѣ невѣдѣнія сидѣвшіе. Какое мѣсто укрылось, котораго бы ты не освятилъ стопами твоими? Какое ухищреніе противу св. вѣры утаилось отъ блаженной души твоей? Ты разумно изъяснилъ цѣлымъ народамъ сокровенныя тайны ученія Христова, однимъ чрезъ письмена, другимъ чрезъ изустныя наставленія, при содѣйствіи благодати, излившейся обильно на уста твои. Почему блаженны твои уста, о преблаженный отче Кирилле, изъ которыхъ цѣлымъ странамъ истекла духовная сладость. Блажу многогласный твой языкъ, которымъ ты возгремѣлъ подобно грому, сіяя зарею требезначальнаго Божества и разгоняя мракъ грѣховный. Блажу пречестныя руцѣ твои, которыми написана была утаенная отъ многобожія премудрость и открыты богоразумныя тайны“. Цѣлую * и ту часть руки твоей, которая хранится, какъ святыня, въ первоначальномъ святилищѣ народнаго русскаго образованія въ всеучилищѣ московскомъ [32]. „Лобызаю богодвижные персты Твои, которыми сложены и начертаны были славянскія письмена, послужившія началомъ просвѣщенія цѣлыхъ странъ. Блажу и ту церковь, въ которой покоится такой многоразумный и благоглаголивый органъ. Ты былъ со ангелами какъ ангелъ, съ апостолами какъ апостолъ, съ пророками какъ пророкъ, и со всѣми святыми соучастникъ въ славѣ Божіей, съ которыми и молись за насъ, преподобный учителю, чтущихъ глубоко святую память твою“.

* Прибавленіе отъ сочинителя.

Но въ то время, когда въ Римѣ освящается изобрѣтенная блаженнымъ Кирилломъ славянская грамота, и послѣ изобрѣтатель ея торжественно предается землѣ, а братъ его печально готовится къ возвратному пути,— въ Моравіи совершаются великіе перевороты. Какъ извѣстно, Ростиславъ, тогдашній повелитель Моравіи, постоянно стремился къ самостоятельности, а нѣмецкіе государи постоянно требовали отъ него покорности, и дѣло всегда рѣшалось успѣхомъ оружія той или другой стороны. Наконецъ, въ 868-мъ году открылась послѣдняя великая война между Ростиславомъ и королемъ Людвигомъ. Долго шла борьба безъ рѣшительныхъ послѣдствій. Въ 869-мъ году театръ войны распространяется. Чехи и Сербы, безъ сомнѣнія, подстрекнутые Ростиславомъ, взялись также за оружіе, и первые устремились на Баварію, а послѣдніе на Турингію. Въ этотъ разъ впервые Карломанъ, сынъ Людвига, нападаетъ на Ростислава и разбиваетъ его. А Святополкъ, племянникъ Ростислава, властвовавшій въ нитрійской области подъ рукою дяди, передаетъ себя вмѣстѣ съ своею областію Карломану. Раздраженный этимъ, Ростиславъ разставляетъ ему сѣти, но самъ попадаетъ въ нихъ, и подвергается совершенно волѣ своего племянника. Въ 880-мъ году, Святополкъ выдаетъ дядю своего Карломану. Несчастный отводится въ Регенсбургъ, и возвратившійся туда король Людвигъ составляетъ надъ нимъ смѣшанный судъ, состоявшій изъ франковъ, баварцевъ и случайно находившихся тамъ славянъ. Судъ приговариваетъ его къ смерти; но король даруетъ ему жизнь, повелѣвъ только выколоть ему глаза и заключить его въ одинъ нѣмецкій монастырь, гдѣ онъ и кончаетъ жизнь свою, неизвѣстно, когда. Между тѣмъ и Святополкъ дѣлается подозрительнымъ у нѣмцевъ, и потому, въ 871 году, самъ взятъ ими подъ стражу. Моравы же принуждаютъ ближайшаго его родственника, Славо-

мира, принять на себя правленіе, и сей послѣдній старается, хотя и тщетно, изгнать нѣмцевъ изъ занятыхъ ими мѣстъ. Святополка отпустили, потому что не могли уличить его въ измѣнѣ. Однакожъ Святополкъ не могъ забыть сдѣланнаго ему посрамленія и кипѣлъ мщеніемъ. Онъ выпросилъ себѣ, какъ будто бы для охраненія, отрядъ баварцевъ, который бы препроводилъ его въ его владѣніе; но едва вступилъ туда, какъ нападаетъ на него самъ и истребляетъ его совершенно [33]. Такія то смуты происходили въ Моравіи въ то время, когда Меѳодій оставался одинъ въ Римѣ. Само собою разумѣется, что Ростиславу, племяннику его, было не до Меѳодія, когда три арміи, собранныя королемъ Людвигомъ, готовы были вторгнуться въ Моравію, и разнести ее по частямъ. По этому-то одинъ Коцелъ, князь блатенскій, воспоминаетъ объ отшедшихъ братьяхъ, и проситъ папу, чтобы отпустилъ ему Меѳодія, конечно, оставляя Константина для своего совладѣльца Святополка. Но папа отправилъ Меѳодія, съ общимъ на имя всѣхъ трехъ посланіемъ, конечно, не зная еще о томъ, что Ростиславъ уже не царствуетъ, а находится въ заточеніи. Посланіе это, сохраненное въ паннонскомъ житіи Константина, по львовскому списку, написано было такъ: „Адріанъ епископъ, рабъ всѣмъ рабомъ Божіимъ. Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе. Какъ мы объ васъ слышали, вы исполнились духовныя радости, что получили на своемъ языкѣ священныя книги для спасенія. Но при семъ извѣщаю ваше благородіе, что отецъ, учитель и просвѣтитель вашего народа Кириллъ философъ, который столько трудился въ вашихъ странахъ, — преставился; но преподаетъ вамъ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ послѣднее цѣлованіе, миръ и благословеніе. Вы же, возлюбленная чада, не ослабѣвайте въ своемъ наученіи, но паче преуспѣ-

вайте, да и иныхъ привлечете своимъ подвигомъ; пользуйтесь достойно тѣми средствами, которыя далъ вамъ Богъ въ послѣдняя лѣта, ради вашего спасенія, да принесете плоды соотвѣтственные тѣмъ средствамъ, и пріимете хвалу въ семъ, и вѣнецъ нетлѣнный въ будущемъ вѣкѣ со всѣми святыми, аминь“ [35]. Снабженный такою грамотою, Меѳодій пошелъ напередъ ко гробу брата своего проститься, и испросивъ его молитвъ у Бога, отправился съ учениками своими въ Моравію. Когда онъ дошелъ до страны моравской, то во всѣхъ городахъ и селахъ, чрезъ которые проходилъ онъ, народъ встрѣчалъ его съ необыкновенною любовію и радостію, какъ ангела Божія. А онъ вновь началъ учить ихъ и утверждать въ вѣрѣ. Когда же дошелъ до князей и далъ имъ прочитать посланіе Адріана и сдѣлалось извѣстнымъ, что Константина нѣтъ болѣе въ живыхъ, то произошелъ всеобщій плачъ по невозвратившемся просвѣтителѣ. И хотя оба князя приняли Меѳодія съ одинаковою честію и любовію, тѣмъ не менѣе, уклоняясь отъ политическихъ смутъ, въ какихъ поставленъ былъ Святополкъ, онъ отправился къ Коцелу, и утвердилъ свое пребываніе въ его городѣ, Мосбургѣ [35]. Но едва вступилъ онъ на поприще своей апостольской дѣятельности, Коцелъ, недовольный въ немъ званіемъ простаго епископа, послалъ его въ Римъ для посвященія въ архіепископа Панноніи, на престолъ св. Андроника, одного изъ 70 учениковъ Спасителя, бывшаго спутникомъ и родственникомъ ап. Павла. Папа исполнилъ желаніе князя. Но это возвышеніе въ званіи и вслѣдствіе того — распространеніе правъ духовныхъ вызвало только вражду и возбудило зависть со стороны нѣмецкаго духовенства. Нѣтъ сомнѣнія, что тамошніе славяне причислены были къ епархіи баварскихъ епископовъ, именно пассавскаго и зальцбургскаго. Такъ мы знаемъ, что еще въ 798 году

зальцбургскій архіепископъ Арно, по повелѣнію имп. Карла, сдѣлалъ первое посѣщеніе словенамъ въ Панноніи, освятилъ церкви, и поставилъ священниковъ. Неизвѣстный, но современный Меѳодію сочинитель записки о обращеніи баварцевъ и каринтійцевъ упоминаетъ о посѣщеніяхъ Ліутпрама при князѣ Привиннѣ, отца Коцела, въ 840, 848 гг. По извѣстію этой же записки, другой зальцбургскій архіепископъ, Адальвинъ, уже въ 865 году торжествовалъ праздникъ Рождества Христова въ Коцеловомъ городѣ, Мосбургѣ; освятилъ тамъ церковь, и впослѣдствіи на мѣсто умершаго протопресвитера Ланфрида, поставилъ нѣкоего Рихбальда, впослѣдствіи поднявшаго такую бурю, какъ увидимъ, противъ Меѳодія. Все это доказываетъ, что приходомъ Меѳодія, въ званіи епископа, сильно стѣснялись права мѣстнаго духовенства, въ особенности же при введеніи литургіи на славянскомъ языкѣ, которая, безъ сомнѣнія, привлекала къ себѣ многихъ изъ другихъ приходовъ. А нѣмецкіе епископы ничто съ такою ревностію не охраняли, какъ предѣлы своего духовнаго владычества, такъ что большая часть церковной исторіи тогдашнихъ временъ состоитъ въ спорахъ объ этомъ владычествѣ. Епископы возстали на Меѳодія со всѣмъ ожесточеніемъ, и возбудили противу него самаго Людвига нѣмецкаго и сына его Карломана. Ты училъ на нашей, непринадлежащей тебѣ области, говорили ревнивые охранители своихъ діоцезовъ. „Если бы я зналъ, отвѣчалъ Меѳодій, что это ваша область, то я и не ходилъ бы къ вамъ; но она принадлежитъ тому, кто имѣетъ высшее право разспоряжаться назначеніемъ епископовъ и распредѣленіемъ епархій. А по правдѣ, если вы, ради корыстныхъ цѣлей, защищаете старые предѣлы, — въ нарушеніе каноническихъ правилъ, возбраняя ученіе Божіе: то смотрите, чтобы, такъ дѣйствуя, вы не навлекли на себя кары Божіей“ [36].

Но нѣмцы на однихъ преніяхъ не успокоились, довели дѣло до того, что Меѳодій отправленъ былъ въ заточеніе, гдѣ и пробылъ два года съ половиной. Папа Іоаннъ VIII (вступившій на мѣсто умершаго Адріана, въ 872 г.), узнавши объ этомъ, увидѣлъ въ такомъ своеволіи нѣмецкихъ епископовъ, не только пренебреженіе къ распоряженіямъ его предмѣстника, но и посягательство на древнѣйшія права папскаго престола, и потому изрекъ анаѳему на нѣмецкихъ епископовъ и запретилъ имъ совершать службу, покуда будутъ держать Меѳодія въ заключеніи. Епископы смирились, и выпустили невиннаго страдальца изъ заточенія, только Коцелу пригрозили, что если онъ будетъ его имѣть у себя, то ему, Коцелу, не отдѣлаться отъ нихъ добромъ. Но, замѣчаетъ паннонскій жизнеописатель, они сами не отдѣлались отъ святаго суда Божія; ибо четверо изъ нихъ въ скоромъ времени умерли [37]. Королю Людвигу и сыну его Карломану (около 874 г.) папа писалъ посланія. Въ первомъ папа, между прочимъ, пишетъ, что „благоразуміе его можетъ изъ многоразличныхъ и ясныхъ доказательствъ усмотрѣть, что паннонская область издревле составляла достояніе апостольскаго престола“. Во второмъ же — къ Карломану, господствовавшему надъ Панноніей, папа требуетъ, чтобы „возстановивъ и возвративъ паннонскую епископію ему, брату нашему Меѳодію, поставленному туда отъ апостольскаго престола, не возбраняли отправлять епископскія дѣла свободно и безпрепятственно, по прежнему обычаю“. И кромѣ того, князя славонскаго, Монтемира, папа увѣщавалъ, чтобы „онъ по возможности, слѣдуя обычаю своихъ прародителей, употребилъ стараніе возвратиться къ паннонской епархіи, и такъ-какъ тамъ уже, милостію Божіею, поставленъ епископъ отъ св. Петра, то, чтобы обратился паки къ его пастырскому попеченію“ [38]. Такимъ образомъ изъ этихъ

посланій мы видимъ, что самъ папа находилъ въ томъ выгоду, чтобы покровительствовать отправленному туда изъ Рима епископу, Меѳодію, который съ великимъ усердіемъ и превосходнымъ успѣхомъ продолжалъ вѣрообращеніе между славянами, дабы чрезъ него удержать паннонскую епархію въ своей зависимости.

Но и сами моравы, находившіеся подъ властію Святополка, почувствовали всю тягость дѣйствія нѣмецкихъ епископовъ, увидѣли ихъ непріязненное расположеніе къ нимъ и тѣ ковы, которые строили они, для удержанія ихъ подъ своею властію. Почему, изгнавъ ихъ отъ себя, обратились къ папѣ съ просьбою, чтобы, такъ какъ отцы ихъ получили первоначальное крещеніе отъ св. Петра, онъ далъ имъ въ учители Меѳодія, сдѣлавъ его архіепископомъ всего моравскаго государства. Папа согласился на просьбу—и Святополкъ со всѣми моравлянами принялъ Меѳодія съ высокою честью и поручилъ его управленію всѣ церкви и все духовенство во всѣхъ городахъ. Съ того времени, замѣчаетъ жизнеописатель, чувствительно начало расти ученіе Божіе, духовенство размножаться по городамъ, и остававшіеся еще язычники стали вѣровать въ истиннаго Бога, оставляя прежнія свои заблужденія. Само государство стало распространяться во всѣ стороны и торжествовать надъ своими врагами [89].

Кромѣ другихъ благодатныхъ даровъ, Меѳодій обладалъ еще и даромъ пророчества. Жизнеописатель, въ подтвержденіе сего, приводитъ три случая. Первый: — одинъ языческій князь, сидѣвшій въ Вислѣхъ (надвислянскій?), ругался надъ христіанами и творилъ имъ разныя обиды. Меѳодій послалъ ему сказать, что хорошо бы ему было креститься волею на своей землѣ, чтобы, попавшись въ плѣнъ, не довелось креститься по

нуждѣ на чужой, и вспомянуть его. Такъ дѣйствительно и случилось.—Въ другой разъ, когда Святополкъ воевалъ съ язычниками и не имѣлъ успѣха, а между тѣмъ приближался праздникъ Петра, то Меѳодій послалъ сказать ему, что, если онъ обѣщается на Петра съ своими воинами провести цѣлый день у него, то онъ увѣренъ, что Богъ предастъ ему супостатъ его вскорѣ. Такъ и случилось.—Третій случай:—одинъ богатый совѣтникъ женатъ былъ на сестрѣ жены своего брата, и Меѳодій, сколько ни убѣждалъ, не могъ расторгнуть бракъ ихъ. Но нѣмецкіе священники, представляясь Божіими рабами, на самомъ дѣлѣ развращали ихъ, ласкательствуя имъ, ради имѣнія, вмѣсто того, чтобы отлучить ихъ отъ церкви. Меѳодій предрекъ незаконной четѣ: „прійдетъ время, когда они (нѣмецкіе священники) не въ состояніи будутъ помочь вамъ, а мои слова будете вспоминать, да нельзя будетъ ничего сдѣлать“. И по Божію отступленію, постигла ихъ вдругъ великая напасть, и не оказалось даже мѣста ихъ, но какъ будто вихрь прахомъ все взялъ и разсѣялъ.. Много было сдѣлано и другихъ предреченій, которыя хотя сказаны были притчами, но довольно ясно, чтобы понять ихъ.

Но таково свойство зависти, что чѣмъ болѣе видитъ она совершенствъ и преимуществъ другаго, тѣмъ болѣе раздражается и озлобляется. Меѳодій, распространяя просвѣщеніе и добродѣтель и содѣйствуя благосостоянію страны, еще болѣе вооружилъ противу себя ненависть нѣмецкаго духовенства, не могшаго простить ему ограниченія своей власти и уменьшенія доходовъ. Теперь начали выдумывать на него, что онъ учитъ народъ противно истинно-православному ученію, искажаетъ символъ вѣры, отметая filioque, и, служа по славянски литургію, имѣетъ въ виду не духовное назиданіе паствы, но отторженіе ея отъ пре-

стола св. Петра. Таковыя смуты поколебали нѣкоторыхъ даже и въ вѣрѣ, такъ-что не знали, какое ученіе принимать и какое отвергать. А неизвѣстный сочинитель записки „о обращеніи баварцевъ и каринтійцевъ“ разсказываетъ, что протопресвитеръ Рихбальдъ, поставленный зальцбургскимъ архіепископомъ Адальвиномъ, видя, какъ нѣкій грекъ, именемъ Меѳодій, изобрѣтши славянскія письмена, лжемудро унизилъ латинскій языкъ, римское ученіе и всю достопочтенную римскую письменность, и привелъ въ презрѣніе у всего народа, по крайней мѣрѣ, частію, и обѣдни и евангелія и всю церковную службу, совершавшуюся на латинскомъ языкѣ,—видя все это, не могъ наконецъ стерпѣть подобнаго посрамленія и возвратился въ Зальцбургъ [40]. По всѣмъ этимъ статьямъ понеслись ѣдкія жалобы на Меѳодія въ Римъ, и между прочимъ отъ одного неизвѣстнаго моравскаго князя, Тувентара (котораго Шлецеръ ошибочно принялъ за самого Святополка), былъ отправленъ нарочно одинъ пресвитеръ, по имени Іоаннъ (котораго нѣкоторые тоже напрасно приняли за Іоанна, Экзарха болгарскаго), для объясненія сомнѣній, которыя онъ, князь, питалъ на счетъ правоты вѣры,—сомнѣній, по всей вѣроятности, возникшихъ отъ тѣхъ отличій въ вѣроисповѣданіи и богослуженіи, какія явились подъ духовнымъ управленіемъ Меѳодія противу прежнихъ порядковъ западной церкви,—и папа Іоаннъ VIII не столько встревоженный доносомъ о несогласіи Меѳодія съ нѣмцами въ догматѣ о св. Духѣ, потому что и самъ исповѣдывалъ его согласно съ патріархомъ Фотіемъ и св. Меѳодіемъ, сколько опасеніемъ за власть свою въ Моравіи, которую непремѣнно хотѣлось удержать,—не смотря на данное прежде разрѣшеніе, теперь, въ 879 г., запретилъ совершеніе службы на славянскомъ языкѣ, а самому Меѳодію повелѣвалъ немедленно явиться въ Римъ для отвѣта [41]. Нѣмец-

кіе священники и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые заражены были, такъ называемою у жизнеописателя, ѵопаторскою ересью, т. е. вѣрованіемъ въ исхожденіе святаго Духа отъ Отца и Сына (*υἱοῦ καὶ πατρός*), торжествовали, и, во всеуслышаніе, съ радостію провозглашали, что папа, наконецъ, даетъ власть имъ, а Меѳодія и его ученіе велитъ изгнать вонъ. Но народъ, слыша такія вѣсти, печалился и жалѣлъ о своемъ несравненномъ пастырѣ, хотя были и такіе слабодушные, которые, руководясь лестью и угодливостію къ нѣмцамъ, не хотѣли раздѣлять общей скорби. Благоразумный Меѳодій не хотѣлъ ослушаться требованія папы, хотя и могъ то сдѣлать, только удалившись изъ Моравіи, по слову Спасителя, повелѣвающаго апостоламъ отрясти прахъ ногъ своихъ тамъ, гдѣ ихъ не будутъ принимать; но онъ повиновался, дабы не повредить своему святому дѣлу — дѣлу просвѣщенія христіанскаго, такъ настойчиво завѣщанному для него сподвижникомъ и братомъ его, Кирилломъ, такъ успѣшно шедшему теперь и обѣщавшему еще лучшія послѣдствія, тѣмъ болѣе, что и папа былъ тогда въ благопріятныхъ отношеніяхъ съ Византіею и съ Фотіемъ. Меѳодій отправился въ Римъ. Святополкъ послалъ вмѣстѣ съ нимъ одно довѣренное у себя лице, по имени Земисисна[42], и священника Викинга: перваго, можетъ быть, для наблюденія за объясненіями, какія будетъ дѣлать Меѳодій, потерявшій нѣсколько въ ѵовѣріи князя; а втораго, какъ извѣстно, для посвященія въ епископы, съ цѣлію замѣстить имъ Меѳодія, когда бы сей послѣдній былъ удаленъ отъ своей должности. Меѳодій — какъ видно изъ послѣдовавшаго за тѣмъ къ Святополку посланія отъ папы — явившись вмѣстѣ съ Земисисномъ *ко прагу* св. Петра и Павла (ad limina Sancti Petri Pauliqne), свидѣтельствовалъ объ искренности благочестія Святополка и о преданности всего

народа къ апостольскому престолу, и увѣрялъ, что онъ (князь), пренебрегши другими князьями вѣка сего, со всѣми знаменитыми его мужами и со всѣмъ народомъ его земли, избралъ себѣ единственнымъ покровителемъ главу апостоловъ, св. Петра, за что папа и благодаритъ Святополка въ отеческихъ выраженіяхъ. Потомъ, вопрошали Меѳодія въ присутствіи прочихъ епископовъ: такъ ли онъ вѣруетъ въ символъ православной вѣры и поетъ его на литургіи, какъ исповѣдуетъ его римская церковь и какъ утверждено на шести вселенскихъ соборахъ и предано святыми отцами, по евангельскимъ словамъ І. Христа? Меѳодій объявилъ, что исповѣдуетъ и поетъ по евангельскому и апостольскому ученію, какъ учитъ римская церковь, и по преданію св. отецъ. То есть, Меѳодій сказалъ, что онъ читаетъ символъ вѣры безъ прибавленія filioque, ибо такъ слѣдуетъ по евангельскому и апостольскому ученію, котораго тогда держался еще и папа [43]. Нашедши Меѳодія во всѣхъ догматахъ и правилахъ церкви православнымъ и благопотребнымъ, папа послалъ его обратно, съ правомъ управлять ввѣренною ему церковью Божіею, повелѣвая князю и подданнымъ его принять его, какъ истиннаго пастыря съ достодолжною честью и радостнымъ сердцемъ; ибо, прибавлялъ папа, мы подтвердили ему апостольскою нашею властію преимущество архіепископства и постановили навсегда быть твердымъ при помощи Божіей, какъ установлены и утверждены пребываютъ властію нашихъ предшественниковъ права и преимущества всѣхъ церквей, но при томъ такъ, чтобы онъ самъ, по каноническому преданію, имѣлъ попеченіе о всѣхъ дѣлахъ церковныхъ и располагалъ ими, какъ предъ очами Божіими. Присланнаго же отъ Святополка пресвитера Викинга посвятилъ въ епископы, повелѣвъ ему, при томъ, быть во всемъ послушнымъ своему архіепископу, какъ повелѣваютъ церковныя пра-

вила. Равно папа выражалъ желаніе, чтобы къ нему въ удобное время, съ согласія и избранія самого архіепископа, прислали другаго способнаго пресвитера или діакона, котораго онъ также готовъ посвятить къ другой церкви, въ которой нужно будетъ учредить епископскій престолъ, дабы Меѳодій вмѣстѣ съ этими двумя епископами могъ опредѣлять самъ другихъ по тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ должны и могли бы быть епископы съ честію. Пресвитерамъ же, діаконамъ и всякаго чина церковно-служителямъ, славянамъ или какого бы рода они ни были, въ предѣлахъ области моравской находившимся, повелѣвалъ быть подчиненными и во всемъ послушными архіепископу Меѳодію и безъ его вѣдома ничего не дѣлать. Если же, сдѣлавшись упорны и непослушны, дерзнули бы учинить какой-либо соблазнъ или расколъ, и послѣ перваго и втораго увѣщанія не исправились: то повелѣвалъ ихъ, какъ сѣятелей плевелъ, его властію отлучать отъ церкви и изгонять изъ предѣловъ государства, сообразуясь съ правилами, которыя даны были отъ него Меѳодію и въ спискѣ отправлены къ Святополку.

Что касается до другаго предмета жалобы — до совершенія богослуженія на славянскомъ языкѣ, то и этотъ пунктъ разрѣшенъ папою совершенно къ удовольствію Меѳодія и всего славянскаго народа. Въ концѣ посланія, папа говоритъ, что онъ славянскія писмена, изобрѣтенныя *нѣкіимъ*[44] философомъ Константиномъ, которыми воспѣваются должныя хвалы Богу, по справедливости похваляетъ и повелѣваетъ: чтобы на этомъ языкѣ говорились проповѣди и возвѣщались дѣла Христа Бога нашего; ибо священное писаніе, продолжаетъ онъ, не тремя токмо языками, но всѣми повелѣваетъ хвалить Господа, глаголя: *хвалите Господа вси языци* и: *восхвалите его вси людіе* и небесная труба, Павелъ, гремитъ, вѣщая, *всякъ языкъ да испо-*

вѣсть, яко Господь нашъ І. Христосъ въ славу Бога Отца (Филип. II, 11); а въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ довольно ясно увѣщаваетъ насъ, да, *глаголя языцы, созидаемъ церковь Божію* (XIV, 5). И потому папа не находитъ никакого противорѣчія здравой вѣрѣ и ученію въ томъ, чтобы пѣть литургію на славянскомъ языкѣ, или читать на немъ святое евангеліе или божественныя чтенія изъ ветхаго и новаго завѣта, хорошо переведенныя или истолкованныя, и вообще совершать всякія службы; ибо кто создалъ три главные языка, т. е. еврейскій, греческій и римскій, Тотъ самъ сотворилъ и всѣ прочіе ко славѣ и хвалѣ Своей. Что могло расположить папу къ такой уступчивости въ пользу славянскаго языка? — Многое. Во 1-хъ, Меѳодій могъ выставить папѣ тѣ умныя разсужденія, которыя братъ его, Кириллъ, противупоставлялъ „треязычникамъ“, и указать на тѣ мѣста священнаго писанія, которыми блаженный доказывалъ несогласность съ волею и намѣреніемъ Божіимъ употребленія только трехъ языковъ для прославленія имени Божія, и которыми, вѣроятно, и самъ папа, по указанію Меѳодія, хотя съ осторожностью, воспользовался въ своемъ посланіи къ Святополку; во 2-хъ, Меѳодій могъ объяснить и особенную пользу употребленія природнаго языка въ преподаваніи вѣры и въ совершеніи богослуженія для народа, которому черезъ то все становится понятнымъ и непосредственно ложится на душу; въ 3-хъ, могъ указать и на примѣръ греческой церкви, которая для богослуженія, кромѣ греческаго, дозволяла употребленіе и другихъ языковъ, какъ напр. сирскаго, коптскаго, армянскаго, грузинскаго, славянскаго; а въ 4-хъ, такъ-какъ римскіе папы издавна не совсѣмъ любили руководствоваться прямыми и чистыми видами въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ, то папа, по произшедшему уже колебанію умовъ въ Моравіи, могъ

опасаться, въ случаѣ воспрещенія природнаго языка,—отпаденія цѣлаго народа отъ римской церкви, подобно тому, какъ отступила Болгарія, вслѣдствіе римскаго насильственнаго вмѣшательства и неуваженія со стороны папы къ желаніямъ царя Богориса.

Но дозволяя употребленіе природнаго языка въ Моравіи, папа все-таки не забываетъ и своего латинскаго и хочетъ сохранить употребленіе его въ церкви, хотя отчасти, — дабы тѣмъ, конечно, напоминать паствѣ о зависимости ея отъ латинской метрополіи. Подъ конецъ посланія своего, онъ повелѣваетъ, чтобы во всѣхъ церквахъ земли моравской, ради большей важности, евангеліе читано было напередъ по латыни, а потомъ чтобы возвѣщаемо было, во услышаніе народа, въ переводѣ на славянскій, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ церквей. И еще прибавляетъ, что если Святополку и судіямъ его нравится болѣе слушать обѣдню на латинскомъ языкѣ, то предписываетъ совершать ее на немъ[45].—Тувентару, просившему разрѣшенія нѣкоторыхъ недоумѣній въ вѣрѣ, совѣтуетъ держаться и вѣрить тому, чему римская церковь научилась отъ главы апостоловъ Петра и чему предшественники его научали родителей его съ самаго начала. А если-бы кто, епископъ мѣстный, или какой священникъ дерзнулъ возвѣщать или проповѣдывать имъ иначе, то повелѣваетъ, воспламенившись ревностію Божіею, всѣмъ единою душею и единымъ сердцемъ возстать противу ложнаго ученія, въ охрану и защиту преданій апостольскаго престола.

Послѣ такого почетнаго и вполнѣ обезпечивающаго посланія, по видимому, надобно было бы Меѳодію успокоиться совершенно отъ преслѣдованій своихъ враговъ и мирно предаться занятію своимъ дѣломъ — просвѣщенія. Но злоба неистощима въ своихъ ухищреніяхъ. Теперь, когда увидѣли, что со стороны папы дѣйствовать уже нельзя, обратили свои выдумки на другую сто-

рону. Стали теперь смущать духъ Меѳодія распространеніемъ слуха, что византійскій императоръ, видя дѣйствія его направленными исключительно къ пользѣ западной церкви, весьма недоволенъ имъ, такъ что, если его какимъ образомъ будетъ имѣть въ своей власти, то не быть ему въ живыхъ. Но милосердый Богъ не хотя, да тяготѣетъ напрасно хула на рабѣ его, — вложилъ въ сердце императора мысль написать къ Меѳодію письмо, въ которомъ, нарицая его честнымъ отцемъ, изъявлялъ желаніе видѣть его, и просилъ потрудиться придти къ нему, да пріиметъ онъ, императоръ, святую молитву его. Меѳодій отправился немедленно, и царь принялъ его съ великою честію и радостію, и похвалилъ ученіе его; даже изъ учениковъ его удержалъ въ Константинополѣ двоихъ съ книгами: одного священника, а другаго діакона; исполнилъ все, чего онъ только хотѣлъ, не оставилъ безъ вниманія ни одной его просьбы, осыпалъ его ласками любви и, одаривъ богато, отправилъ его съ честію къ мѣсту прежней его дѣятельности. Точно также поступилъ и патріархъ.

Между тѣмъ Викингъ въ его отсутствіе постарался еще болѣе овладѣть малопросвѣщеннымъ Святополкомъ, и западные духоборцы успѣли еще болѣе развратить его паству. Жизнеописатель Климента говоритъ, что Святополкъ былъ человѣкъ грубый и добра непонимавшій (*βάρβαρον ἄνδρα καὶ τοῦ καλοῦ ἀνόητον*), рабъ чувственныхъ удовольствій, валявшійся въ грязи нечистыхъ дѣлъ. Поэтому латинскіе священники, дабы пріобрѣсти расположеніе чувственнаго повелителя, льстили его страстямъ и угождали его предосудительнымъ вкусамъ. Они приняли себѣ за правило: прощать грѣшникамъ все такъ, безъ всякаго со стороны ихъ сокрушенія и раскаянія, за одно согласіе съ ихъ догматами, и дозволять имъ провождать жизнь въ нечистотѣ

изъ-за того только, чтобы доставить тѣмъ успѣхъ превратному своему ученію. Но Меѳодій былъ не таковъ. Онъ наставлялъ ученію правому и требовалъ жизни чистой и согласной съ правилами христіанскими. Онъ обличалъ, укорялъ, наставлялъ и грозилъ. Такимъ образомъ развращенному Святополку естественно было оставаться имъ недовольну и видѣть въ немъ врага своего [46]. А вслѣдъ за своимъ повелителемъ и всѣ западные угодники его тѣмъ свободнѣе позволяли себѣ оскорблять и утѣснять Меѳодія всяческими способами. Викингъ былъ во главѣ враждовавшей партіи и ссылался на данныя ему, будто бы тайно, отъ самаго папы порученія наблюдать за Меѳодіемъ. О самомъ даже Святополкѣ Меѳодій думалъ, что онъ дѣйствуетъ противу него по тайному приказанію со стороны папы. Почему Меѳодій, къ огражденію себя отъ притѣсненій, никакого другаго средства не нашелъ, какъ обратиться къ папѣ съ письмомъ, въ которомъ объяснялъ всѣ дѣланныя на него, по исполненію имъ своей обязанности, нападенія со стороны князя, дерзкія притязанія со стороны Викинга и козни со стороны латинско-нѣмецкихъ священниковъ. Это было черезъ семь мѣсяцевъ по возвращеніи Меѳодія изъ Рима, въ 880 г., когда онъ успѣлъ побывать въ Византіи, и за отсутствіемъ своимъ, по возвращеніи, нашелъ этотъ мятежъ въ своей паствѣ. Папа не замедлилъ написать къ Меѳодію утѣшительное посланіе. Онъ похваляетъ въ немъ ревность Меѳодія, радуется, видя въ немъ мужественнаго защитника своей вѣры, и выражаетъ желаніе, чтобы Богъ, ко благу святой своей церкви, освободилъ его отъ всѣхъ противныхъ обстоятельствъ; изъявляетъ также великое сожалѣніе о немъ, по поводу разныхъ непріятныхъ случаевъ, о которыхъ онъ узналъ изъ его письма. „Это можешь ты, продолжаетъ онъ далѣе, уже и изъ того заключить, что мы убѣждали тебя, когда ты явился къ намъ, слѣ-

довать ученію римской церкви по достовѣрному преданію святыхъ отцевъ и поручили тебѣ учить и проповѣдывать символъ и истинную вѣру (не убѣждалъ ли папа Меѳодія, въ бытность его въ Римѣ, слѣдовать римскому обряду со всею точностью, дабы не возмутить ему противу себя латинскаго духовенства; а тотъ хотѣлъ строго и неуклонно держаться обряда восточной церкви, чему папа не хотѣлъ противурѣчить, считая это дѣло безразличнымъ, какъ впослѣдствіи было при уніи). Объ этомъ же писали мы и къ славному князю Святополку, въ посланіи, которое, по словамъ твоимъ, вручено ему; другаго же посланія мы къ нему не писали (Меѳодій слѣдовательно изъявлялъ въ своей жалобѣ какое-нибудь подозрѣніе на счетъ Святополка, какъ мы о томъ выразили предъ симъ свою догадку). Не поручали также ничего мы тому епископу (разумѣетъ Викинга) ни явно, ни тайно, и не приказывали тебѣ дѣлать что-либо другое; тѣмъ менѣе можно думать, чтобы мы истребовали присягу отъ того епископа, ибо мы не говорили ни слова объ этомъ дѣлѣ. По сему удали обнаруживаемое тобою сомнѣніе (или подозрѣніе), и внушай во всѣхъ вѣрныхъ православную вѣру по евангельскому и апостольскому ученію и т. д. Впрочемъ, если ты, Богу путеводствующу, явишься предъ насъ, то мы законнымъ образомъ всему несправедливо противу тебя начатому и всему, что учинилъ упомянутый епископъ несогласно съ своею должностію, — по выслушаніи обоихъ, положимъ конецъ, и не преминемъ укротить дерзкую непокорность его своимъ приговоромъ".

Но... Меѳодій больше не предпринималъ путешествія въ Римъ, презрѣвъ всѣми этими смутами и, возложивъ всю печаль свою на Бога, занялся окончательнымъ переводомъ священныхъ книгъ. Избравъ изъ учениковъ своихъ двухъ священниковъ скоропис-

цевъ, онъ поручилъ имъ переписывать приготовленные имъ труды, и такимъ образомъ въ шесть мѣсяцевъ, считая съ марта до 26 октября, переложены были съ греческаго на славянскій всѣ книги священнаго писанія, исключая Маккавей, которая, можетъ быть, и не находилась тогда въ общемъ составѣ книгъ священнаго писанія. Совершивъ же трудъ, воздалъ достойную хвалу Богу, подавшему такую благодать и помощь и, вознесши вмѣстѣ съ клиромъ своимъ святое тайное возношеніе, совершилъ память святаго Димитрія, небесному содѣйствію котораго, какъ своего соотчича, считалъ себя обязаннымъ своимъ успѣхомъ въ преложеніи книгъ священнаго писанія; ибо память сего угодника солунскаго относится къ помянутому числу. Не надобно, впрочемъ, удивляться скорости совершенія этого дѣла; ибо во 1-хъ, значительная часть книгъ, необходимыхъ при богослуженіи, переведена была прежде; во 2-хъ, надобно предполагать, что Меѳодіемъ, во время пребыванія его епископомъ въ Моравіи, остальныя переведены были исподоволь и, можетъ быть, при пособіи другихъ способныхъ и свѣдущихъ въ томъ и другомъ языкѣ учениковъ его, такъ-что въ настоящемъ случаѣ оставалось только трудиться надъ окончательною и совершеннѣйшею редакціею трудовъ, и за тѣмъ переписывать. Тогда же, прибавляетъ жизнеописатель, переведены Номоканонъ, т. е. Кормчая книга въ тогдашнемъ ея составѣ, и отеческія книги, или, такъ называемыя, Правила святыхъ отецъ.

Къ послѣднимъ годамъ жизни Меѳодія относятъ еще крещеніе богемскаго герцога Боривоя и супруги его, святой Людмиллы. О времени, мѣстѣ и способѣ сего обращенія Боривоя въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ Чехіи сообщаются такія скудныя и отчасти неправильныя свѣдѣнія, а потомство было такъ дѣятельно въ баснословномъ разцвѣченіи и распро-

страненіи этихъ сказаній [47], что весьма трудно добиться въ этомъ дѣлѣ правды. Мы выше уже сказали, что въ 845 г. значительное число чеховъ и между ними нѣсколько знаменитыхъ фамилій приняли христіанство. Герцогу не могло быть это неизвѣстно въ лѣта его молодости; конечно, и со стороны нѣмецкихъ священниковъ не могло быть недостатка въ попыткахъ подвигнуть Боривоя къ принятію крещенія. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что честь обращенія и крещенія Боривоя принадлежитъ архіепископу Меѳодію, не безъ содѣйствія, однако, Святополка [48]. Примѣру князя послѣдовала и большая часть народа. По всей вѣроятности, случилось это осенью въ 871 г., когда Святополкъ вступилъ съ богемскимъ дворомъ, посредствомъ брака, въ особенно тѣсную и постоянную связь; по крайней мѣрѣ, богемская княжна, съ которою онъ въ это время вступалъ въ бракъ, тогда должна была принять крещеніе, и очень естественно думать, что по этому случаю и весь герцогскій домъ былъ крещенъ. Гдѣ было совершено крещеніе, при дворѣ ли Святополка, какъ въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ говорится, или въ Богеміи, это должно остаться нерѣшеннымъ. — Первая построенная Боривоемъ въ Богеміи церковь, по согласному сказанію древнихъ чешскихъ лѣтописцевъ, была церковь св. Климента, находившаяся на лѣвомъ берегу Молдавы, въ полутора миляхъ къ сѣверу отъ Праги. На томъ-же мѣстѣ стоитъ и нынѣ церковь также съ именемъ св. Климента. Вторая, построенная тѣмъ-же герцогомъ, по увѣренію позднѣйшихъ лѣтописцевъ, была тоже во имя св. Климента и находилась въ Вышеградѣ. Это одно тожество названія церквей по имени святаго, котораго особенно чтилъ Меѳодій, — за недостаткомъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, само собою доказываетъ, что Меѳодій и ученики его имѣли значительное вліяніе на дѣло христіан-

ства въ Богеміи. Объ этомъ-же вліяніи свидѣтельствуетъ и введеніе, около того-же времени, въ Богеміи славянскихъ письменъ и литургіи, которой отголосокъ сохранился въ поемой и до сихъ поръ въ богемской церкви пѣсни: Господи, помилуй ны [49]. Поэтому — хотя древніе источники и молчатъ о томъ — нѣтъ сомнѣнія, что Меѳодій приходилъ въ Богемію лично, если не для крещенія св. Людмиллы, то для содѣйствія словомъ и дѣломъ такъ счастливо начатому обращенію языческихъ чеховъ. Впрочемъ, считалъ ли Меѳодій Богемію принадлежащею къ своему духовному вѣдомству, или предоставлялъ ее регенсбургскимъ епископамъ, которые приняли ее въ свое вѣдѣніе со времени крещенія четырнадцати богемскихъ леховъ, это трудно рѣшить. Только не подлежитъ сомнѣнію, что и при Боривоѣ, на ряду съ славянскою, была въ употребленіи, въ Богеміи, и латинская литургія, которая скоро и сдѣлалась господствующею, еще до распаденія моравскаго царства, — точно такъ, какъ и въ самой Моравіи въ однихъ мѣстахъ служилась славянская литургія, а въ другихъ — латинская [50].

Нѣкоторые хотятъ вести Меѳодія и въ Польшу для положенія тамъ первыхъ начатковъ христіанства; но это можно отнести только къ чешско-моравскимъ ученикамъ его, обратившимъ польскаго князя Мечислава. Впрочемъ, еще при Зимовитѣ, дѣдѣ Мечислава, были тамъ христіане [51]. Развѣ не видѣть ли въ убѣжденіи Меѳодіемъ князя, сидѣвшаго въ Вислѣхъ, къ принятію христіанства, непосредственнаго вліянія Меѳодія на обращеніе польскаго племени къ христіанству?

Наконецъ, Меѳодію надлежало выдержать еще одно искушеніе — страха. Пришелъ на страны дунайскія грубый и полудикій король угорскій, и захотѣлъ непремѣнно видѣть Меѳодія. Хотя нѣкоторые убѣждены были, что не избавиться ему

отъ него муки, тѣмъ не менѣе Меѳодій рѣшился пойдти къ нему. И сверхъ всякаго чаянія, варваръ принялъ его, какъ прилично настоящему властителю, съ отличною честію и съ веселіемъ, и побесѣдовавъ съ нимъ такъ, какъ прилично такимъ людямъ вести бесѣду, отпустилъ его съ любовію и съ великими дарами, и облобызавъ, сказалъ ему: „поминай меня, святый отче, въ твоихъ молитвахъ всегда“.

Наконецъ, послѣ безчисленныхъ трудовъ, скорбей, бореній, гоненій [52], святый подвижникъ изнемогъ и почувствовалъ, что приближается конецъ его многотруднаго поприща. Созвавши учениковъ своихъ, онъ, по примѣру Павла, увѣщавалъ ихъ и утверждалъ своею прощальною бесѣдою на томъ пути, которымъ велъ ихъ. „Возлюбленные мои, говорилъ онъ, вы знаете силу еретиковъ и какъ они, искажая слово Божіе, стараются всячески привить къ другимъ ученіе превратное и нечистое, принимая и употребляя въ пособіе два средства: убѣжденіе и строгость, первое для людей болѣе простыхъ, другое для боязливыхъ; но въ сохраненіи вашихъ душъ неприкосновенными отъ того и другаго я увѣренъ; ибо ни убѣдительностію словъ вы не увлечетесь, ни тщетною лестію не восхитетесь, потому что вы основаны на камнѣ апостольскаго исповѣданія и ученія, на которомъ созданной церкви и врата адовы не одолѣютъ, — и никакимъ страхомъ не поколеблетесь въ твердыняхъ сердецъ своихъ; ибо знаете, что говорится въ писаніи: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити* (Матѳ. X, 28). Но... подкрѣпляйте прочихъ хранить залогъ, который мы получили отъ апостоловъ и отъ отцевъ, и который они потребуютъ отъ насъ въ день воздаянія... *блюдите како опасно ходите, не яко же не мудри, но яко же премудри* (Ефес. V, 15) и со всею осмотрительностью старайтесь сохранить сердца ваши

и братій вашихъ; *яко посредъ сѣтей минуете и по забраломъ града ходить будете* (Сирах. IX, 18); ибо по смерти моей *внидутъ волци тяжци въ васъ* (Дѣян. XX, 29), не щадящіе стада, чтобы увлечь народъ вслѣдъ за собою. Вы имъ противустаньте, твердые вѣрою; Павелъ это вамъ чрезъ меня завѣщаетъ. Но сый надъ всѣми Богъ и Отецъ, и прежде вѣкъ безстрастно рожденный отъ Него, Сынъ, и Духъ Святый, отъ Отца исходящій, наставитъ васъ на всяку истину и представитъ васъ *непорочны въ похвалу мою въ день Христовъ*“ (Филипп. II, 16)[53]. Ученики его, видя его близкимъ уже къ отшествію въ вѣчный покой, спросили его: кого ты, отче и учителю честный, избираешь изъ учениковъ въ преемники твоего учительства? Онъ указалъ имъ на одного изъ нихъ, по имени Горазда. „Онъ“, говорилъ святый, „изъ вашей страны, свободный по званію мужъ, хорошо наученъ латинскимъ книгамъ, правовѣренъ; такъ да будетъ на то воля Божія, равно да согласится ваша любовь на то, какъ моя согласна“. Когда же въ цвѣтную недѣлю собрались къ нему всѣ, то онъ, вошедши въ церковь, черезъ силу выразилъ свою благодарность царю, князю, клирикамъ и всѣмъ людямъ. И потомъ сказалъ: „поберегите меня, дѣти, до третьяго дня“. Такъ и было. Разсвѣлъ третій день; сказавъ: „въ руцѣ твои Господи предаю душу мою“, держимый руками іереевъ, Меѳодій испустилъ свой духъ. Кончина его послѣдовала въ 885 г. въ 6 день мѣсяца апрѣля. Ученики почившему учителю воздали подобающую честь. Погребальную службу совершали и на греческомъ и на латинскомъ и на славянскомъ языкахъ. Народъ, собравшись въ безчисленномъ множествѣ, провождалъ святое тѣло его, плача о своемъ добромъ учителѣ и пастырѣ. Тутъ были люди всякаго званія, возраста, чина и пола; ибо святый *былъ всѣмъ вся*, да всяко

спасетъ (1 Кор. IX, 22). Преподобный погребенъ былъ въ Моравіи, въ городѣ Велеградѣ (что нынѣ Градище, Градишта) въ церкви св. Маріи [54]. Память его празднуется нашею церковію мая 11.

Благодарный славянскій родъ и память св. Меѳодія украшаетъ не меньшими хвалами, какъ брата и сподвижника его, блаженнаго Кирилла. Великій труженникъ нашего просвѣщенія и православія! Ты—скажемъ отъ лица всего славянскаго народа,—„оставивъ и отца и мать и подружіе и дѣтей, вселился въ пустыни“, дабы лучше внимать себѣ и предаваться богомыслію. Ты, „будучи старѣйшимъ братомъ, не смущался всюду слѣдовать съ покорностью за младшимъ“, дабы содѣйствовать ему въ дѣлѣ защищенія и распространенія евангельскаго слова. Ты „не усомнился послѣдовать за нимъ и въ призывавшую васъ моравскую страну, чтобы помогать брату своему“, въ дѣлѣ уясненія христіанскаго ученія, на родномъ ихъ языкѣ. Ты, раздѣлялъ и славный трудъ брата своего—изобрѣтеніе словенскихъ письменъ, какъ неразлучный его спутникъ и сотрудникъ во всемъ. Прелагая первоначально вмѣстѣ съ нимъ необходимѣйшія св. книги, по кончинѣ его, Ты совершилъ однимъ собственнымъ трудомъ, преложеніе всего св. писанія. Ты „возсіялъ въ паннонстѣй странѣ, какъ солнце мглу невѣдѣнія прогоняя и сердца всѣхъ свѣтомъ богоразумія просвѣщая, и—Богъ въ языкѣ новомъ прославлялся на всякомъ мѣстѣ. Ты день и ночь училъ ввѣренное тебѣ словесное стадо и утверждалъ его отъ силы въ силу, такъ-что тѣ самыя уста, которыя воздавали хвалу непріязни и на всякомъ мѣстѣ только хулили Бога, тѣ самыя уста приносили Богу жертву словесныя и нескверныя службы за весь міръ. Ты украсилъ церкви доброгласными пѣснями и умилительными пѣніями“. Ты честь словянскаго языка мудро

и мужественно оборонилъ противу нападенія суемудрыхъ и нечестивыхъ „треязычниковъ“. Ты огласилъ его родственными звуками своды храмовъ православныхъ къ услажденію слуха славянскаго и для облегченія принятія спасительныхъ вѣщаній религіи. Ты „заградилъ уста еретиковъ, глаголющихъ вопреки ученію евангелія, апостолъ и св. Отецъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына“. Ты „уподобилъ себя всѣмъ угодникамъ Божіимъ, нося на себѣ образъ всѣхъ, однимъ бывъ равенъ, другихъ меньше, а нѣкоторыхъ и превзошедши духовною силою и благодатію“. Словомъ: Ты совершилъ подвигъ свой, какъ добръ воинъ Іисусъ Христовъ, и праведно увязуешься вѣнцемъ нелестныхъ похвалъ на земли отъ славянскаго рода, и вѣнцемъ безсмертныя славы на небеси отъ Отца и Господа всяческихъ. Ты убо „святая и честная главо, призирая свыше на насъ, учениковъ и послѣдователей твоихъ, избавляй насъ отъ всякой напасти“, сотвори, да распадшаяся нынѣ церковь, которая при твоей земной жизни только начинала склоняться къ раздѣленію, и которую ты своимъ благоразуміемъ умѣлъ держать еще въ союзѣ,—паки соединится, ко благу и миру всего христіанскаго міра, и даждь, да измышленная тобою вмѣстѣ съ приснопамятнымъ братомъ твоимъ грамота славянская распространяется въ россійскомъ народѣ все болѣе и болѣе, да „научившеся и пожившe достойно званія нашего, станемъ вмѣстѣ съ тобою одесную страну Христа Бога нашего, пріемля отъ него жизнь вѣчную. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ“.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Пускай же западные не выставляютъ иконоборства главною причиною, по которой якобы римская церковь не могла имѣть болѣе общенія съ восточною. Это происходило, по крайней мѣрѣ, частію изъ добраго начала—изъ желанія облегчать переходъ въ христіанство магометанамъ и евреямъ, не знавшимъ иконъ, въ противоположность язычникамъ, въ религіи которыхъ образность, даже грубая, была существеннымъ элементомъ. Сами западные изъяли изъ таинства причащенія, составляющаго существеннѣйшую принадлежность христіанскаго богослуженія, употребленіе вина, для удобства обращенія язычниковъ въ разныхъ странахъ, гдѣ иногда достать вина бываетъ невозможно, и сдѣлали это совершенно въ противность словамъ Божественнаго Установителя таинства: пійте отъ нея *вси*.

[2] Въ паннонскомъ житіи Меѳодія чинъ отца его означенъ—драгарескъ (а по списку моск. дух. академіи — другарескъ) подъ стратигомъ. Въ воинскомъ уставѣ (*τακτικά*) императора Льва философа военные чины объяснены въ такой послѣдовательности: во главѣ (*κεφαλή*) *ὁ Στρατηγός*, подъ нимъ *Μεράρχαι*, потомъ *Δρουγγάριοι* (отъ латинскаго: drungus, толпа солдатъ, батальонъ), далѣе *Κόμητες*, за симъ *Κενταρχοι* (centuriones, сотники) и наконецъ *Δεκάρχοι* (decuriones, десятники). А принимая во вниманіе указаніе Ducang. Gloss. med. graecitatis, T. I, p. 333, другарій прежде значилъ то-же, что мерархъ. Слѣдовательно «другарій подъ стратигомъ» будетъ второе лице послѣ главнаго военачальника, а не «сотникъ», второй чинъ снизу, какъ обозначенъ въ печатной четьи отецъ нашихъ просвѣтителей.

[3] Нѣкоторымъ хотѣлось бы сдѣлать первоучителей нашихъ чистыми славянами. Но для подобнаго убѣжденія нѣтъ положительнаго и несомнѣннаго основанія. Если императоръ, посылая братьевъ въ Моравію, говорилъ имъ: «вы еста селунянина, да селуняне вси чисто славянски бесѣдуютъ», то это можно понимать и такъ, что они знаютъ славянскій языкъ, какъ природ-

ный, или знаютъ его какъ имѣвшіе все удобство изучить его хорошо, живя посреди славянъ. Но это собственно разницы никакой и не дѣлаетъ; ибо и будучи по рожденію греками, они могли знать славянскій языкъ въ совершенствѣ, точно такъ, какъ и живущіе среди насъ иноплеменники не рѣдко знаютъ въ такомъ-же совершенствѣ нашъ языкъ, какъ природные русскіе. А что у чеховъ, которые особенно чтутъ память ихъ, Кириллъ называется «Цргота», а Меѳодій «Страхота» и «Грознота», то это не то значитъ, чтобы Кириллъ и Меѳодій были имена переводныя съ чешскаго, какъ это извѣстно объ именахъ Юстиніана и Вигилянціи, переведенныхъ съ славянскихъ—Управды и Выгляницы; но на-оборотъ, здѣсь греческія имена обращены на славянскія: ибо по чешски Zrha значитъ Кириллъ, а «Страхота», или также «Грознота» есть переводъ «Меѳодій», только не по производству его отъ греческаго, какъ слѣдовало бы—Μέθοδος, но отъ латинскаго—«metus, страхъ», такъ-какъ западные по привычкѣ къ латинскому большею частію пишутъ «Methudius».

[4] Печатная четія-минея посылаетъ Меѳодія «въ сопридѣльныя славянамъ страны», съ замѣчаніемъ, что «сіе бысть по смотрѣнію Божію, да научится языка славянска, яко имѣвый послѣже быть учитель духовный славянъ», тогда-какъ составитель паннонскаго житія посылаетъ Меѳодія прямо на «славянское княженіе» и прибавляетъ, что императоръ такъ распорядился, «яко прозря, какъ и (его) хотяше учителя словеномъ послати, . . . дабы прооучилъ ся всѣмъ обычаемъ словеньскымъ и обыклъ я по малоу», слѣдовательно, нисколько не говоритъ о предварительномъ изученіи славянскаго языка, а только о ближайшемъ ознакомленіи на-передъ съ славянскими обычаями и заблаговременномъ освоеніи себя съ ними, совершенно въ согласность съ на-передъ принятымъ убѣжденіемъ о знаніи имъ славянскаго языка. По всей вѣроятности, слова императора: «вы еста селунянини» и проч., встрѣчаемыя въ паннонскомъ житіи Меѳодія, которое непремѣнно имѣлось въ виду у сочинителя четьи-минеи,—по существовавшему тогда складу историческихъ понятій,

были для него новы и далеко не такъ понятны, какъ для насъ, которые, при помощи другихъ розысканій, вполнѣ принимаемъ и понимаемъ это извѣстіе о знакомствѣ Кирилла и Меѳодія съ славянскимъ языкомъ съ дѣтства, и о нахожденіи, по близости, славянскихъ поселеній. — А что касается до «Церковной исторіи» Иннокентія (Отд. II, стр. 35), по которой воеводство Меѳодій отправлялъ у козаровъ, сообщавшихъ будто-бы ему свѣдѣнія въ славянскомъ языкѣ, то это основано на прежнемъ ошибочномъ представленіи, что козары были народъ славянскаго племени и суть родоначальники теперешнихъ козаковъ, переименовавшихся якобы изъ козаровъ. Напротивъ, козары вышли изъза Уральскихъ горъ, изъ глубины Азіи, единоплеменны съ турками и говорили своимъ совсѣмъ другимъ языкомъ, какъ это видно уже и изъ того, что Константину, знавшему славянскій языкъ, передъ проповѣдью у нихъ надобно было долго заниматься изученіемъ козарскаго языка. — Струмская область, населенная славянами, лежала по рѣкѣ Стримонѣ и составляла побережье Стримонскаго залива.

[5] О видѣніи Кирилломъ Софіи — премудрости намекается и въ нынѣ сохраненномъ церковію тропарѣ св. Кириллу, какъ это можно видѣть во всѣхъ пространныхъ молитвенникахъ и псалтиряхъ подъ 15 февраля.

[6] Печатная четія дѣлаетъ трехъ пѣстуновъ Михаила, именно: Мануила Доместика, Ѳеоктиста Патрикія и Логоѳета Дрома. Но это собственно суть два лица: Мануилъ Magister et scholarum domesticus, и Ѳеоктистъ, Patricius dromique Logotheta, такъ названный потому, что завѣдывалъ ристалищемъ, или ипподромомъ, къ которому, впослѣдствіи, имѣлъ такое пристрастіе Михаилъ.

[7] Этотъ Левъ, вѣроятно, былъ тотъ самый, которому императоръ Ѳеофилъ далъ престолъ Ѳессалонитской церкви и который, по возстановленіи иконопочитанія, сдѣлался начальникомъ основаннаго Вардою училища въ Константинополѣ и учителемъ философіи. Ученость его удивляла и грековъ и сарацинъ. Калифъ Аль-Мамунъ, славившійся покровительствомъ наукамъ, вызывалъ

его къ себѣ, плѣнившись математическими познаніями его учениковъ. Script. post Theoph. p. 115—119. Geschichte der bilderstürmenden Kaiser, von Schlosser, стран. 613—620. А подъ именемъ Фотія никого инаго разумѣть нельзя, какъ извѣстнаго патріарха Фотія, славнаго своею ученостію и до поступленія на патріаршескій престолъ занимавшагося преподаваніемъ философскихъ и математическихъ наукъ, какъ это видно изъ собственнаго его письма, писаннаго къ папѣ Николаю I-му, по возстановленіи его на патріаршескій престолъ—въ томъ мѣстѣ, гдѣ воспоминаетъ о первомъ блаженномъ и покойномъ періодѣ своей жизни, когда онъ занимался наставничествомъ: «Могу ли, пишетъ онъ, безъ слезъ вспомнить о прежнемъ? Когда я былъ дома, то съ величайшимъ наслажденіемъ смотрѣлъ, съ какою ревностію учились окружавшіе меня, съ какимъ вниманіемъ спрашивали меня—какъ упражняться въ разговорахъ, съ помощію которыхъ пріобрѣтается навыкъ и правильнѣе выражается мысль. Радостно было для меня видѣть, какъ одни изощряли свой умъ математическими выкладками; какъ другіе изслѣдовали истину съ помощію философскихъ методъ, а третьи, изучая св. писаніе, устремляли свой умъ къ благочестію... Такова была сфера, въ которой я постоянно занимался»... См. «Очеркъ жизни констант. патріарха Фотія», профессора А. Зернина, Москва, 1858 г., стр. 27. А другое свидѣтельство о преподаваніи Фотіемъ философіи даетъ враждебный ему константинопольскій соборъ (869 г.), который въ 9-мъ опредѣленіи, у Анастасія библіотекаря, постановляетъ такъ: De subvertendo et solvendo vinculo proprii scripti, quod Photio excogitatum et exactum est ab omnibus volentibus exteriorem discere sapientiam (т. е. Объ уничтоженіи и прекращеніи собственноручныхъ обязательствъ, выдуманныхъ и взимавшихся Фотіемъ со всѣхъ, хотѣвшихъ у него учиться философіи). А самое правило гласитъ такъ: Variam diversam malitiam in Ecclesia Constantinopolitana infelix operatus est Photius. Didicimus enim, quod et multo ante tyrannicum praesidiatum propriae manus subscriptionibus muniebat adhoerentes sibi clientes ad discendam

sapientiam (т. е. много разныхъ безпорядковъ завелъ въ константинопольской церкви окаянный Фотій. Такъ, мы узнали, что еще прежде тиранническаго предсѣдательства (не хочется лукавому собору сказать—первосвященства, или патріаршества) обязывали собственноручными подписками прилѣпляющихся къ нему поклонниковъ къ изученію философіи).

[8] Такимъ образомъ, Константинъ поступаетъ во священство, сочетавъ себя только, еще въ отрочествѣ, съ отвлеченнымъ, духовнымъ подружіемъ: Софіею—мудростію, т. е. безбрачнымъ. Изъ этого видно, что и въ его время могли поступать во священство въ безбрачномъ состояніи. Въ печатной четіи-минеи говорится, что Константинъ былъ инокомъ, но оставляется за нимъ мірское имя Константина; потомъ дается ему священническій, значитъ, іеромонашескій санъ. По первоначальнымъ и ближайшимъ ко времени событія источникамъ, Константинъ принялъ иноческое званіе уже въ Римѣ, перемѣнивъ тогда свое имя на Кирилла,—тогда какъ, по четіи-минеи, поелику онъ уже былъ монахомъ въ Греціи,—въ Римѣ постригается уже въ схиму, только перемѣняетъ имя Константина на Кирилла.

[9] Во всѣхъ житіяхъ Константина самыя пренія, только въ однихъ пространнѣе, въ другихъ сокращеннѣе, излагаются въ самомъ составѣ повѣствованія о житіи. Но поелику этимъ непріятно разрывается ходъ разсказа, вслѣдствіе длинноты споровъ, имѣющихъ, впрочемъ, большую занимательность и поучительность по причинѣ остроумія, находчивости и богатства свѣдѣній въ Константинѣ: то мы, для соблюденія непрерывной связи въ разсказѣ, почли за лучшее эти пренія изъ состава разсказа изъять и помѣстить наиболѣе замѣчательныя въ примѣчаніяхъ.

Первое преніе у Константина было, какъ мы показали, съ патріархомъ Анніемъ объ иконахъ. Оно состояло въ слѣдующемъ: патріархъ, взглянувъ на юнаго тѣломъ соперника и на всѣхъ посланныхъ съ нимъ, съ гордостію сказалъ: «всѣ вы подножія моего не стоите, и мнѣ ли съ вами стязаться?»—Константинъ отвѣчалъ: «не людскаго взгляда держись, но на уставы боже-

ственные смотри; ибо какъ ты составленъ изъ земли и души, такъ и мы всѣ; и смотря на землю, человѣче, не дерзай возноситься». Анній обратилъ рѣчь на другое: «нейдетъ, сказалъ, осенью искать цвѣтовъ, и старца Нестора гнать, какъ какого юношу, на брань». Философъ отвѣчалъ: «ты самъ на себя изрекаешь осужденіе; скажи, въ какомъ возрастѣ душа бываетъ сильнѣе тѣла?» Патріархъ отвѣчалъ: «въ старости». Философъ спросилъ: «на какую же тебя гонятъ брань: на тѣлесную, или на духовную?» Тотъ отвѣчалъ: «на духовную».—«Такъ ты выходишь теперь сильнѣе насъ, сказалъ Константинъ; слѣдовательно и нечего говорить такія притчи; не ищемъ мы безвременно цвѣтковъ, и не гонимъ тебя не подъ лѣта на войну».— Посрамился такимъ образомъ старый еретикъ и обратилъ преніе на новый предметъ. «Скажи мнѣ, юноша, какъ это бываетъ, что если крестъ разобранъ, то мы уже ему не кланяемся и не цѣлуемъ его; а если икона написана до персей, то всё-таки вы не стыдитесь воздавать ей честь?» — Философъ отвѣчалъ: «крестъ имѣетъ четыре части, а если не достаетъ одной, то онъ уже теряетъ свою форму; а сущность иконы заключается въ сходствѣ лица съ образомъ написаннаго; не львиное же и не рысье какое-нибудь лице видитъ смотрящій, а образъ представляемаго на иконѣ». Далѣе старикъ возразилъ: «какъ это, кресту кланяемся и безъ надписанія, и даже всякаго рода крестамъ; а иконѣ, если на ней не будетъ надписано именно чей онъ образъ, то не воздаете ей чести?»—Философъ отвѣчалъ: «всякій крестъ имѣетъ фигуру, похожую на крестъ Христовъ, а иконы не могутъ имѣть всѣ единъ образъ». — Старикъ продолжалъ: «Богъ сказалъ Моисею: не сотвори себѣ. . . . ни всякаго подобія; какъ же это вы творите себѣ подобія и кланяетесь имъ?»—Философъ на это замѣтилъ: «если-бы сказано было: не сотвори себѣ никакого подобія, то ты справедливо бы возражалъ; а то сказано: ни всякаго, т. е. не дѣлай недостойнаго». Старикъ не могъ болѣе продолжать спора,—замолчалъ и пошелъ со стыдомъ.

[10] По списку житія Константинова московской дух. академіи,

вызовъ послѣдовалъ «въ Амавріино владычество», по списку Шафарика, въ «Амортіино» (отд. VI въ концѣ), а по четіи-минеи, «изъ сарацынскаго града, Самара именуемаго, надъ рѣкою Евфратомъ стоящаго, отъ князя Ахмормумны». Одно ли это и то-же имя, или различныя? Послѣднія два имени довольно близко бы подходили къ имени эмира Алмамуна, который дѣйствительно властвовалъ около этого времени въ тамошнихъ мѣстахъ, и въ его владычество сильно было развито совопросничество магометанское; такъ, наприм., жаркіе шли споры о томъ: сотворенъ или не сотворенъ алкоранъ? Но по времени, съ точностію предметъ нашего разсказа не можетъ быть пріуроченъ къ владычеству Алмамуна, ибо онъ властвовалъ въ 813—825 годахъ, а вызовъ на состязаніе послѣдовалъ въ 851 году. Но былъ въ то время въ Мелитенѣ, городѣ, бывшемъ во власти сарацинъ и стоявшемъ на берегу Тигра, эмиръ, котораго имя народъ испорченно произносилъ Амвръ, какъ это видно изъ продолжателя Константина Багрянороднаго (Scriptor. post Theoph. p. 103), который пишетъ: *ὁ δὲ Μελετινὴς Ἀμερ, ὃν οὕτω πῶς συμφθείροντες τὰ ἐνιχοτα Ἄμβρον ἐκάλεσον οἱ πολλοί*, что значитъ: Мелитинскій Амеръ, котораго испорченно народъ называлъ—Амврій. Этотъ-то эмиръ и долженъ быть тотъ Амаврій, во владычество котораго былъ сдѣланъ отъ сарацинъ вызовъ на преніе.

[11] Въ Мелитенѣ, куда отправленъ былъ Константинъ для пренія, между магометанами жили и христіане, частію плѣнные, частію тамошніе старожилы, оставшіеся вѣрными Христу среди магометанскаго угнетенія. Когда вошелъ онъ съ своимъ товарищемъ въ городъ, то увидѣли они на дверяхъ нѣкоторыхъ домовъ уродливыя и отвратительныя фигуры, представлявшія бѣсовскіе образы, и тотчасъ уразумѣли, что онѣ начертаны для поруганія надъ христіанами, жившими въ тѣхъ домахъ. Сопровождавшіе Константина сарацины лукаво спросили его: можетъ ли философъ понять, что значитъ это? Константинъ сказалъ: вижу на нѣкоторыхъ дверяхъ демонскіе образы, и заключаю, что тамъ живутъ христіане, потому что бѣсы, не терпя жить со

святыми, бѣгутъ отъ нихъ вонъ, а гдѣ этого знаменія не вижу, тамъ должно быть, покойно имъ жить. Сарацины не нашлись, что сказать противу этого. Потомъ, когда Константинъ былъ у князя на обѣдѣ, то собрана была мудрая книжная «чадь», учившаяся и геометріи, и астрономіи, и прочимъ наукамъ, и стала предлагать ему вопросы о предметахъ, касающихся различія въ вѣрѣ и обычаяхъ; для примѣра приводимъ слѣдующіе два вопроса:

Сарацины заговорили: «если же Христосъ есть Богъ вамъ, то зачѣмъ вы не поступаете такъ, какъ онъ вамъ велитъ? Онъ повелѣваетъ вамъ молиться за враговъ, добро творить ненавидящимъ, или и гонящимъ васъ, обращать ланиту біющимъ; вы же не такъ, а противно сему поступаете; ибо на творящихъ вамъ подобное острите оружіе, выходите на войну и убиваете». Блаженный Константинъ отвѣчалъ на это: «если въ какомъ законѣ будутъ написаны двѣ заповѣди ко исполненію людьми, то какой человѣкъ будетъ болѣе истинный исполнитель закона: тотъ ли, который одну заповѣдь исполнитъ, или тотъ который двѣ?» Отвѣчали, что тотъ лучшій, который исполнитъ обѣ заповѣди; философъ послѣ этого сказалъ имъ: «Тотъ-же Христосъ, Богъ нашъ, который повелѣлъ намъ молиться за обижающихъ насъ и благотворить имъ, сказалъ еще и слѣдующее: больше сея никтоже можетъ имѣти любве, да аще кто душу свою положитъ за други своя (Іоан. XV, 13). Поэтому мы равнодушно переносимъ обиды, наносимыя намъ лично; но, въ общественномъ отношеніи, мы другъ друга защищаемъ, полагая даже наши души, чтобы вы, плѣня нашихъ собратій, вмѣстѣ съ тѣлами не плѣнили и ихъ душъ, склонивши ихъ къ богопротивнымъ злымъ дѣламъ.

Вновь заговорили сарацины: «вашъ Христосъ далъ однажды дань и за себя и за другихъ; вы же что не творите дѣлъ его, и не хотите давать даней? и если вы другъ друга заступаете, то давайте за вашихъ собратій дань такому великому и сильному народу, какъ исмаильскій; мы и не многаго спрашиваемъ только по одному золотому, и за то, покуда стоитъ земля, хра-

нимъ миръ съ вами, какъ никто другой». Философъ на это сказалъ: «если кто во слѣдъ учителя своего ходитъ и хочетъ ходить, а другой, встрѣтившись съ нимъ, сталъ бы его совращать, не допуская идти за учителемъ, а направляя его въ другое мѣсто, то другъ онъ ему, или врагъ?». Отвѣчали: «врагъ». Философъ сказалъ: «Когда Христосъ далъ дань, то какое тогда было царство: исмаильское или римское?» Они отвѣчали: «римское». Тутъ философъ заключилъ: «такъ мы послѣдуемъ учителю нашему, Христу Господу, и платимъ дань царю властвующему въ новомъ Римѣ, а вы, требуя отъ насъ дани, уклоняете насъ отъ слѣдованія за Христомъ, и становитесь намъ врагами». Послѣ сего предлагали и другіе многіе вопросы относительно художествъ, которыя разумѣли сами — и онъ отвѣчалъ на все удовлетворительно, такъ-что они дивились, какимъ образомъ онъ все это знаетъ. Наконецъ, показали ему все богатство своего эмира, и зданія, украшенныя золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и бисеромъ, говоря: «смотри-ка, философъ, и подивись великой силѣ и многому богатству властителя сарацинскаго!». Философъ отвѣчалъ: «не удивительно это, а вся хвала и честь принадлежитъ Богу, создавшему все это и давшему на утѣшеніе человѣкамъ, ибо все это Его, а не другаго». — Симъ споръ былъ конченъ, къ великой досадѣ и озлобленію поклонниковъ Магомета, напрасно силившихся запнуть и посрамить христіанскаго мудреца.

[12] Карамзинъ — въ своей Ист. Г. Р. Т. I, примѣч. 90 — дѣлаетъ слѣдующую выписку изъ Oriental Geography of Ebn Haukal, translated by W. Ousely: хотя въ Козаріи было много городовъ, изъ коихъ нубійскій географъ (Шерифъ-аль-Эдризи, писавшій около 1153 г.) именуетъ Куранъ, Гадранъ, Сессанъ, Самандаръ, Альбаиду, Садиль и Ферузъ-Канадъ; но многіе люди жили тамъ еще въ шатрахъ или въ кибиткахъ. Дворецъ кагановъ, на западномъ берегу Волги, былъ кирпичный; а другія жилища — всѣ мазанки. По другимъ восточнымъ извѣстіямъ, прибавляетъ историографъ, каганская столица находилась ближе къ Дербенту.

[13] Ибнъ-Фоцланъ, въ своемъ «сказаніи о козарахъ» (найденномъ академикомъ Френомъ въ географическомъ словарѣ Якута), говоритъ: Хозаръ есть названіе земли, коей столица Итилъ.. Жителей въ немъ магометанскаго закона считается болѣе десяти тысячъ; у нихъ 30 храмовъ... Царь іудейской вѣры, а подданные магометанской и христіанской; идолопоклонниковъ немного, іудеевъ еще менѣе. Идолопоклонники, привѣтствуя другъ друга, падаютъ ницъ и слѣдуютъ священнымъ обрядамъ по древнимъ обычаямъ, которые не сходствуютъ ни съ магометанскими, ни съ іудейскими, ни съ христіанскими... Магометанъ вѣдаетъ въ Итилѣ чиновникъ хаканскій ихъ вѣры, именуемый Хисме (Chismeh). Они имѣютъ въ городѣ главный храмъ съ высокою башнею, и собираются тамъ для торжественнаго богослуженія всякую пятницу. Въ 310 (922) году царь, узнавъ, что магометане разорили христіанскую церковь въ землѣ Бабундшъ, велѣлъ разрушить башню магометанскаго храма и казнить проповѣдниковъ алкорана.

Въ другомъ древнемъ восточномъ извѣстіи, найденномъ также г. Френомъ въ арабскомъ космографическомъ твореніи подъ названіемъ: «Чудеса земли и морей», говорится: «Козары живутъ на козарскомъ морѣ, которое теперь называется Курсюмъ (Кульсюмъ). Ибнъ-улъ-Азиръ пишетъ, что они грузины; но это не правда; ибо грузины суть армяне, закона христіанскаго.. Козары раздѣляются на два класса: на воиновъ, которые суть магометане, и на подданныхъ, которые суть іудеи. Прежде, равно какъ и турки, они не имѣли вѣры,—кромѣ знатныхъ... Ибнъ-улъ-Азиръ повѣствуетъ, что государь константинопольскій, во время Гарунъ-алъ-Рашида, выгналъ іудеевъ изъ земли своей; что іудеи ушли къ козарамъ и, видя въ нихъ людей добросердечныхъ, предложили имъ свою вѣру; что козары, находя ее лучше собственной, приняли оную и нѣсколько времени хранили; что войско хоросинское пришло и завоевало ихъ страну....

[14] Въ «Oriental Geography» Эбнъ-Гаукалъ, въ дополненіе къ представленнымъ выше свѣдѣніямъ, разсказываетъ на счетъ козаръ

слѣдующее: «Слышалъ я, что одинъ молодой человѣкъ сидѣлъ въ лавкѣ, торгуя бездѣлицами, и что народъ говорилъ объ немъ: «по смерти нынѣшняго кагана, онъ будетъ на престолѣ». Но этотъ человѣкъ былъ мусульманинъ, а каганъ долженъ быть іудейской вѣры, которая, по сказанію восточнаго историка Массуди, жившаго въ X вѣкѣ, принята было въ 740 году козарскимъ владѣтелемъ, Булою. Съ царемъ сидятъ девять чиновниковъ, которые могутъ быть мусульмане, евреи, христіане, идолопоклонники. Меньшая часть жителей—іудейскаго закона, а большая магометанскаго и христіанскаго... Изъ собранія этихъ свѣдѣній легко будетъ понять читателю, почему въ спорѣ Константина у болгаръ перемѣшиваются возраженія и со стороны козаръ, и со стороны іудеевъ, и со стороны мусульманъ.

[15] Юстиніанъ II, свергнутый съ престола Тиверіемъ, ушелъ къ хану козаровъ и женился на его дочери, которую послѣ и вѣнчалъ царскимъ вѣнцемъ въ Константинополѣ. Филиппики также искали ихъ защиты. Левъ Исаврянинъ, желая примирить съ собой козарскій народъ, женилъ сына своего Константина, прозваннаго впослѣдствіи Копронимомъ, на дочери козарскаго князя, нареченной въ крещеніи Ириною (не та это Ирина, которая возстановила православіе, но другая, гораздо прежде бывшая). Отъ этого брака у Копронима родился сынъ Левъ, прозванный по матери Козаринъ, или Хозарисъ. Этотъ Левъ имѣлъ также въ супружествѣ Ирину, которая, по смерти мужа своего, оставшись вдовою вмѣстѣ съ малолѣтнимъ Константиномъ, и умирила церковь, осудивъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ иконоборную ересь. Со времени брака Копронимова съ козарскою княжною, козаре, по крайней мѣрѣ по наружности, соблюдали миръ и дружбу съ греками.

[16] Въ паннонскомъ житіи св. Константина сказано о немъ: *и обрѣтъ же тоу еуаггеліе и ѱалтиръ рушкыми письмены, писано, и чловѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимь, и силу рѣчи пріемь, своей бесѣдѣ прикладае различіи писмень, гласная и сласная, и къ Богу молитвоу дрѣже, и вскорѣ начетъ*

части и сказовати. Вотъ мѣсто, составлявшее и составляющее истинную пытку для изыскателя славянской древности и письменности! Какимъ образомъ могли оказаться «русскія письмена», когда еще наша Русь и на свѣтъ не явилась, а была, такъ сказать, на-канунѣ своего рожденія? когда, какъ извѣстно, письмена изобрѣтены только Кирилломъ и Меѳодіемъ, въ настоящій моментъ, конечно, и не помышлявшими о такомъ изобрѣтеніи? Какимъ образомъ псалтирь и евангеліе являются на русскомъ языкѣ, когда надъ будущей еще Россіей простертъ густой мракъ язычества и только кое-гдѣ мелькаютъ отдѣльныя искры вѣрованія во Христа? Какимъ образомъ этотъ человѣкъ является у козаръ идолопоклонниковъ или, скорѣе, колеблемыхъ разностію убѣжденій и не вѣдущихъ, кому кланяться? И если это были письмена, выражавшія русскіе, а слѣдовательно славянскіе звуки, или слова, то какимъ образомъ Кириллъ не могъ понимать ихъ, а долженъ былъ съ особеннымъ усиліемъ, попросивъ напередъ помощь Божію, какъ на парочито трудное дѣло, изучать по буквамъ этотъ языкъ и, когда выучился, такъ-что порядочно въ состояніи былъ читать, — могъ изумить другихъ своимъ изученіемъ? Вѣдь, если онъ не былъ природный славянинъ, то, по крайней мѣрѣ, съ дѣтства зналъ славянскій языкъ. (Селуняне все чисто словенскы бесѣдуютъ). Сочинитель статьи «о Кириллѣ и Меѳодіи» въ «Москвитянинѣ» (стр. 414) подозрѣваетъ, не вставка ли — это извѣстіе, а г. Бодянскій въ своемъ сочиненіи: «О времени происхожденія слав. письменъ» (стр. 101), рѣшительно признаетъ его вставкой. Но какимъ образомъ могла произойти эта вставка, когда она была бы въ явномъ противорѣчіи съ послѣдующей XIV главой того-же житія, гдѣ разсказывается обстоятельно объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ? Вѣдь вставщику, который, конечно, былъ человѣкъ сколько-нибудь ученый и интересующійся дѣломъ, надобно было быть человѣкомъ слишкомъ простымъ и несообразительнымъ, чтобы рѣшиться на такой подлогъ и не обезпечить его отъ подозрѣнія уничтоженіемъ послѣдующаго разсказа о происхожденіи славянскихъ пись-

менъ. Посмотрите, какъ въ подобномъ случаѣ поступаетъ псковскій сочинитель отрывка изъ хронографа, помѣщеннаго у Погодина въ переводѣ «Кирилла и Меѳодія» Добровскаго (стр. 108—120). Онъ задумалъ этого «человѣка, глаголавшаго роушькою бесѣдою», употребить какъ орудіе для того, чтобы низвести нашу граммату прямо съ неба (се же боуди ведомо всеми языкы и всеми людьми, яко роусскыи языкъ ни откоудоуже пріа святыа веры сіа, и грамота роускаа никимъ же явлена, но токмо самимъ Богомъ Вседержителемъ),—и какъ онъ многоглаголивъ на счетъ его совершенствъ,—что онъ и благовѣренъ бысть, постомъ и добродѣтелію украшенъ, одушевляемый чистою вѣрою, одинъ явился изъ русскія земли среди козаръ до введенія христіанства, незнаемый ни кѣмъ и не извѣстно откуда пришедшій; а о Константинѣ едва упоминаетъ, и, кажется, радъ бы былъ вовсе о немъ молчать, если-бы то можно было. Вотъ какъ поступаютъ, когда думаютъ вставлять и фальшить! А съ другой стороны, нельзя не видѣть всей чистоты и неповрежденной цѣлости паннонскаго житія, разсказывающаго объ этихъ русскихъ письменахъ. Сочинителю не было никакого побужденія производить нашу грамоту изъ другаго таинственнаго какого-то источника, минуя Кирилла и Меѳодія. Да онъ и не русскій и не болгаринъ; ибо ни тотъ, ни другой не сказалъ бы: «и рече апостоликъ; за святыню его и любовь къ римскому обычаю, пришедь погребу и въ моемъ гробѣ». Видно, что сказаніе получило свое начало въ Панноніи, гдѣ совмѣщалось и уваженіе къ заслугамъ Константина, не вышедшимъ еще изъ памяти сочинителя, и почтеніе къ римскимъ порядкамъ, имѣвшимъ всю важность въ его глазахъ.—Другое мнѣніе есть то, что эти письмена были глаголитскія. Но дѣло извѣстное и рѣшенное, что глаголитика явилась гораздо позже кирилицы, и есть только видоизмѣненіе послѣдней. Да и что Кириллу за трудъ былъ познакомиться съ начертаніями буквъ, когда самыя слова, подъ ними заключавшіяся, были извѣстны—русскія, славянскія? Если-же, съ одной стороны, упоминаемыхъ въ «житіи Кирилла» евангелія и псалти-

ри, какъ привнесенныхъ самовольною рукою, выбросить нельзя, а съ другой—, нельзя ихъ и разумѣть написанными преждевременно, посредствомъ не существовавшихъ еще въ дѣйствительности, а только въ возможности, бывшихъ письменъ русскихъ или вообще славянскихъ, то ничего болѣе не остается, какъ искать разгадки въ ближайшихъ къ дѣлу обстоятельствахъ, и именно: въ письменахъ «рушкыхъ» видѣть письмена готскія, на которыя уже тогда переведено было епископомъ Ульфилою все священное писаніе, а въ «человѣкѣ, глаголавшемъ тою бесѣдою» — готѳянина — одного изъ тѣхъ, которые не послѣдовали вмѣстѣ съ другими за Эрманарихомъ и предпочли остаться въ Крыму, или, что ближе къ дѣлу, такъ-какъ готѳы были одинъ изъ свейскихъ народовъ, и варяго-руссы, отправлявшіеся на югъ, для исканія счастія изъ той-же Швеціи, могли легко къ нимъ заходить, по причинѣ единоплеменности, и, поселяясь среди нихъ, обращаться въ христіанство, — видѣть одного изъ таковыхъ — варяго-русса, обратившагося въ христіанство и потому имѣвшаго въ рукахъ псалтирь и евангеліе по переводу Ульфилы. А такъ-какъ готскій языкъ признается однимъ изъ нарѣчій сѣверо-германскаго языка, какимъ говорили всѣ свейскіе народы, и въ фонетическомъ отношеніи представлялъ много особенностей, именно: произношеніе словъ полнымъ ртомъ, сильныя придыханія и особенное предпочтеніе низкотонныхъ гласныхъ и двоегласныхъ буквъ, то конечно изученіе его и могло представить большое затрудненіе для Константина и заставить его прикладывать къ своему языку гласныя и согласныя новаго. Но для чего нужно было изучать Константину этотъ языкъ? Не уже ли одна праздная любознательность заставляла его бороться съ столькими трудностями для изученія его? Ни что болѣе, какъ желаніе дѣйствовать къ обращенію готѳовъ и другихъ пришельцевъ скандинавскихъ въ христіанство и православіе, къ чему особенное поле представлялъ тогда Константинополь, привлекавшій къ себѣ тысячами изъ разныхъ странъ искателей счастія. А что Константинъ и въ особенности Меѳодій должны были

знать нѣмецкій языкъ, объ этомъ надобно заключить изъ того, что они впослѣдствіи были въ извѣстныхъ сношеніяхъ съ западнымъ германскимъ духовенствомъ (съ нѣмци).

16* Въ паннонскомъ «Житіи св. Кирилла», въ заключеніи разсказа объ отысканіи въ морѣ мощей св. Климента римскаго, прибавлено: «яко же пишетъ въ обрѣтеніи его». Кто это пишетъ, писаніе котораго, какъ источникъ, имѣлъ передъ глазами жизнеописатель Кирилла? Что это за сочиненіе, и дошло ли оно до насъ? Вотъ вопросы, невольно возбуждаемые сдѣланною отъ жизнеописателя ссылкою! Дѣйствительно, извѣстно намъ одно сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента, и притомъ очевидца, и въ двухъ видахъ: въ одномъ — помѣщено въ рукописной минеѣ на генварь, принадлежащей московской духовной академіи, л. 677 и сл., а въ другомъ — въ макарьевской четіи-минеи на генварь же, и въ той и въ другой подъ 30 числомъ, когда церковь совершаетъ память священномученика Ипполита, такъ-же какъ и Климента, называемаго римскимъ, и подобно ему, въ царствованіе Клавдія, «по многихъ мукахъ вверженнаго во глубину морскую». Слѣдовательно, не по сходству ли званія и мученическаго подвига занесена и память объ обрѣтеніи мощей Климента подъ 30 генваря? Не извѣстно, почему у г. Бодянскаго въ розысканіи «О времени происх. слав. письм.» (примѣч. 71) къ 30 генваря отнесена память священномученика Климента, епископа Анкиры галатской, которая, по общепринятымъ мѣсяцесловамъ, относится къ 23 генваря. Если дѣйствительно въ вышепоказанныхъ четіяхъ память обрѣтенія мощей св. Климента пріурочена къ этому святому: то и здѣсь могло также руководить сходство, во-первыхъ въ имени, и во-вторыхъ, въ воспитательницѣ Софіи. Но какъ бы то ни было, только въ сказаніи, надписанномъ: Слово на перенесеніе мощемъ преславнаго Климента, историчьскоую имоуще бесѣду, яко Христовою помощію въ д тысуща т и ѯ и ѳ лѣтъ (ошибка писца: вмѣсто д, должно стоять ѕ, что и составитъ 6369-й отъ сотв. міра, или 861-й г. отъ Р. Хр.), изыскавшимъ его любезно и вѣрно яко изъ инѣхъ въ

Понтѣ восіа» (т. е. возсія). Повѣствователь самъ о себѣ говоритъ въ первомъ лицѣ: «не до сего же еже отвержеся утѣшитися душа *моя* стоящи желающимъ словоущаго (въ друг. сп. славнаго) Климента видѣти мощи», и потомъ, описывая явленіе самыхъ мощей: «идохомъ, говоритъ, до блаженнаго отока (острова) въсия (возсія) намъ святая и преславная глава пресловуща Климента, юже и нѣкто видѣвъ прьвоици (по др. въ провоици) иже и се есть повѣстникъ, абіе блаженнымъ гласомъ возопи», а въ заключеніи: «но себе вдавъ исключимымъ *намъ* и непотребными руками нашими изисканъ». Кто же этотъ повѣствователь, говорящій о себѣ въ первомъ лицѣ? — Съ достовѣрностію сказать этого мы не можемъ, ибо нѣтъ для того рѣшительныхъ данныхъ. Можно только гадательно указать или на самого Константина, какъ имѣвшаго особое уваженіе къ памяти Климента римскаго, и употребившаго особое стараніе на отысканіе его мощей, или на Климента, одного изъ учениковъ и спутниковъ Константина, считающагося творцемъ одного похвальнаго слова Клименту епископу римскому, и, можетъ быть, въ знакъ почтенія къ его памяти и участія въ обрѣтеніи святыхъ его останковъ, принявшаго на себя его имя, какъ это и тогда водилось и нынѣ бываетъ.

[17] Угры въ это время стояли, такъ сказать, на перепутьи своего движенія на западъ Европы, занимая въ нынѣшней южной Россіи полосу земли, Лебедіей называемую, можетъ быть, какъ догадывается Карамзинъ въ своей И. Г. Р. (Т. I, гл. V), въ харьковской губерніи, гдѣ городъ Лебединъ напоминаетъ это, — и за то помогая козарскому хану въ его войнахъ, не бывъ при томъ настоящими его подданными. А въ 983 году, потѣсненные печенѣгами, одни изъ нихъ перешли за Донъ, на границу Персіи, а другіе, прошедъ мимо Кіева, перешли чрезъ Днѣпръ и заняли нынѣшнюю Венгрію.

[18] Каспійскія ворота (Portæ Caspiæ древнихъ Plin. II, II. Suet. Ner. c. 19; claustra Caspiarum у Tacit. Histor. 1, 6 и via Caspia Ann. 6, 33) назывался узкій проходъ въ Кавказскихъ горахъ,

тянущійся по берегу Каспійскаго моря черезъ Кизляръ, Тарки, Дербентъ и оканчивающійся въ Баку. Такъ-какъ козары имѣли главное пребываніе свое по берегу Каспійскаго моря и Дербентъ служилъ оплотомъ противу ихъ вторженій въ великую Арменію и Персію, то мѣстопребываніе ихъ хана, куда направляли свое апостольское странствованіе братья-проповѣдники, и надобно полагать недалеко отъ Дербента, въ мѣстности Кизляра, богатаго виноградомъ и расположеннаго на лѣвомъ берегу Терека. Эбнъ-Гаукалъ, въ своей восточной географіи, говоритъ, что въ землѣ козарской есть городъ Асмидъ, весьма богатый садами. Дорога отъ Дербента къ Сериру вся окружена ими; тутъ родится и виноградъ. Не въ этотъ ли Сериръ или Асмидъ направляли апостольскія стопы свои два брата-проповѣдники? Во всякомъ случаѣ, путь ихъ былъ длиненъ и среди степей и безводныхъ мѣстъ затруднителенъ. Надлежало измѣрить все пространство отъ Азовскаго моря до Каспійскаго, тогда по прибрежному населенію называвшагося Козарскимъ!

[19] Предстоящее третіе преніе Константина предлагается въ «Житіи» его въ сокращенномъ видѣ, и дѣлается ссылка на болѣе обширный трактатъ, въ которомъ оно изложено пространнѣе Константиномъ въ 8-ми частяхъ, и въ этомъ видѣ переведено Меѳодіемъ на славянскій. Въ немъ, замѣчаетъ сочинитель «Житія», читатель можетъ увидѣть всю словесную силу благодати, обитавшей въ Константинѣ и попалявшей жгучимъ пламенемъ противниковъ (отъ многа оубо се мы укращьше въ малѣ положихомъ селико, памяти ради, а аже хощетъ съвръменыхъ сихъ бесѣдъ искати истыхъ, въ книгахъ его обрящетъ е, елико приложи учитель нашъ архіепископъ Меѳодіе, разодѣль е на осьмь словесь, и тоу оузритъ словесноую силу отъ Божіе благодѣти, яко и пламень горещеи на противные). Этого полнаго трактата, изъ котораго мы могли бы наилучше узнать высоту учености и силу краснорѣчія Константина, до насъ не дошло; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ нигдѣ не найдено, а сохранились только одни отрывки, которые здѣсь и предлагаемъ.

Когда Константинъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, достигнулъ мѣстопребыванія козарскаго хана, то козаре выслали противу него одного самаго лукаваго человѣка, который и открылъ споръ слѣдующимъ возраженіемъ: «вы, держа въ рукахъ книги, заимствуете изъ нихъ свои притчи; но мы не такъ — мы изъ персей нашихъ износимъ всю мудрость, не гордясь писаніями, какъ вы гордитесь, ибо имѣемъ внутри себя премудрость, какъ-бы поглощенную». Константинъ на это отвѣчалъ: «если бы ты встрѣтилъ человѣка голаго, но который бы при этомъ утверждалъ, что у него много и одежды, и золота, и имущества, повѣрилъ ли бы ты ему, видя его обнаженнымъ и ничего въ рукахъ неимѣющимъ». Козаринъ отвѣчалъ: «нѣтъ, ибо если бы что имѣлъ, то не ходилъ бы нагой». За симъ сказалъ Константинъ: «если ты дѣйствительно поглотилъ всю премудрость, какъ хвалишься, то скажи мнѣ: сколько родовъ отъ Адама до Моисея, и какой родъ и на какой части земли имѣлъ свое одержаніе?». Козаринъ не могъ отвѣчать, и молчалъ, а Константинъ ему сказалъ: «такъ и я тебѣ не вѣрю, чтобы ты проглотилъ всю мудрость и безъ книгъ можешь быть ученъ». — Послѣ сего, когда Константинъ приглашенъ былъ на обѣдъ къ кагану, то, садясь за столъ, гости спросили философа: «какое у него достоинство, чтобы они могли посадить его по чину?». Философъ отвѣчалъ: что онъ имѣлъ дѣда весьма важнаго и славнаго, стоявшаго подлѣ царя, но который, пренебрегши данною ему великою честію, былъ впослѣдствіи изгнанъ и на далекой сторонѣ обнищалъ, а я тутъ и родился; поэтому, ища возвратить себѣ дѣдовскую честь, не успѣлъ себѣ достигнуть другой почести, ибо я — Адамовъ внукъ!» Достойно и праведно ты говоришь, отвѣчали гости, и стали оказывать къ нему особенное вниманіе. (Этой бесѣды при началѣ стола не помѣщено ни въ печатной четіи-минеи, ни въ отрывкѣ изъ хронографа, помѣщенномъ г. Погодинымъ въ его переводѣ «Кир. и Меѳ.», и находится въ паннонскомъ житіи Константина). За обѣдомъ каганъ, взявъ чашу, возгласилъ: «пьемъ во имя Бога, создавшаго всю тварь», а христіанскій философъ,

то-же взявъ чашу, проговорилъ: «пью во имя Бога единаго и Слова Его, которымъ небеса утверждены, и Животворящаго Духа, которымъ содержится вся сила созданной твари». Каганъ при этомъ сказалъ: «мы одинаково признаемъ Бога, создавшаго всю тварь; разнимся только въ томъ, что вы славите Троицу, а мы славимъ единаго Бога, какъ и еврейскія книги учатъ». Философъ на это замѣтилъ: «если вы думаете познавать единаго Бога на основаніи еврейскихъ книгъ, то изъ нихъ-же научитесь и святой Троицѣ, ибо еврейскія книги, въ пророчествахъ, проповѣдуютъ и Слово, и Духа, какъ на пр. царь и пророкъ Давидъ говоритъ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Псал. XXXII, 6). Видимо, здѣсь три въ одномъ: Господь, Слово Его и Духъ; Господь есть Богъ Отецъ, Слово — Богъ Сынъ, Духъ же устъ Господнихъ есть Богъ Духъ Святый. И однако жъ не три Господа, но единъ Господь съ Словомъ Своимъ и Духомъ: такъ и въ божествѣ не три Бога почитается, но единъ Богъ. Размысли еще и такимъ образомъ: если-бы кто, воздавая тебѣ честь, не захотѣлъ бы при этомъ уважать слово твое и дорожить дыханіемъ устъ твоихъ, а имѣлъ бы и то и другое въ презрительномъ неуваженіи, а другой имѣлъ бы въ чести всѣ эти три: — тебя, и слово твое, и духъ устъ твоихъ, то который бы изъ этихъ двухъ былъ истинный почитатель твоей царской особы?» Каганъ отвѣчалъ: «безъ сомнѣнія тотъ, кто имѣетъ въ равной чести всѣ три». Философъ послѣ сего сказалъ: «слѣдовательно мы и оказываемся истиннѣйшими и лучшими почитателями Бога, чѣмъ вы, чтя равно Святую Троицу, Отца, и Сына, и Святаго Духа. А мы этому научились изъ книгъ пророческихъ; ибо пророкъ Исаія вводитъ Бога Сына такъ глаголющаго: *Послушай Мене, Іакове и Израиле, его же Азъ призывахъ: Азъ есмь первый, и Азъ есмь въ вѣкъ, и нынѣ Господь посла Мя, и Духъ Его* (Исаіи XLVIII, 12 и 16). Древніе отцы наши (Аѳанасій, Василій великій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій нисскій) такъ объяснили намъ смыслъ этого мѣста; ибо, въ самомъ дѣлѣ, кто посылаемый, какъ не Сынъ? И отъ

кого посылается, какъ не отъ Отца и отъ Святаго Духа Отча?». Между предстоявшими кагану было множество и іудеевъ, которые также не преминули обратиться къ блаженному Константину съ своими возраженіями. «Скажи намъ, христіанскій философъ, какимъ это образомъ можетъ женскій полъ вмѣстить во чревѣ своемъ Бога, на котораго и воззрѣть не возможно, не только что родить?» — Философъ, показавъ перстомъ на кагана и на перваго совѣтника, сказалъ: «если бы кто сказалъ, что этотъ первый совѣтникъ не можетъ принять въ домъ свой кагана и угостить его, а послѣдній рабъ его можетъ его принять и угостить, то какъ мнѣ назвать говорящаго такъ: безумнымъ или разумнымъ?».— «Конечно, сказали іудеи, и очень безуменъ такой». Философъ опять спросилъ ихъ: «какое изъ всѣхъ видимыхъ твореній въ поднебесной самое достойное и почтенное?». — «Человѣкъ, отвѣчали іудеи, есть высшее твореніе изъ всего видимаго міра, потому что почтенъ разумною душею, созданною по образу Божію». Тогда сказалъ философъ: «слѣдовательно, неразумны тѣ, которые считаютъ невозможнымъ дѣломъ, чтобы Богъ вмѣстился въ утробѣ человѣческаго естества,—Богъ, который, какъ извѣстно, помѣщался въ купинѣ Моисеевой. Не уже ли купина, вещь бездушная и безчувственная, выше существа чувствующаго и разумнаго, отличеннаго богоподобною душею? Вмѣщался Богъ и въ бурѣ, и въ облакѣ, и въ дымѣ и въ огнѣ, когда являлся Іову, Моисею и Иліи. Что жъ удивительнаго, если Онъ, желая явиться на землѣ и жить съ человѣками, дабы изцѣлить ихъ отъ язвы смертной, причиненной Адамовымъ грѣхомъ человѣческому роду, вмѣстился въ благороднѣйшее одушевленное твореніе? И такому высокому созданію, каковъ человѣкъ, подпавшему разрушительному дѣйствію грѣха и смерти, отъ кого другаго могло бы быть подано врачевство и обновленіе, какъ не отъ самаго Творца, отвѣчайте мнѣ. Не рекъ ли Давидъ пророчески: *посла слово свое, и исцѣли я?* Ибо Слово Отчее, Сынъ, дѣйствительно явилось и изцѣлило природу человѣческую. Какимъ же образомъ Слово Отца могло бы уврачевать человѣка, если-бы Оно,

подобно врачевству, не приложилось къ человѣку, чрезъ соединеніе съ нимъ посредствомъ воплощенія? Какой врачъ, желая излечить язвеннаго человѣка, прикладываетъ пластырь къ дереву или къ камню, а не къ болящему? Такъ и Богъ, единородное Слово Свое не къ древу, хотя видѣно было и въ древесномъ веществѣ купины, и не къ камени, хотя созерцаемо было Моисеемъ и Иліею и на каменныхъ утесахъ Синая и Хорива, но къ человѣку, объятому смертно болѣзнію грѣховною, какъ цѣлебный пластырь, приложилъ и крѣпко присоединилъ, благоизволивъ вселиться ему, дѣйствіемъ святаго Своего Духа, въ чистой дѣвической, а не просто женской утробѣ, воплотиться и родиться отъ нея, согласно предреченію Исаіи: *Се дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо съ нами Богъ* (Исаіи VII, 14). Пророкъ ясно здѣсь говоритъ, что Богъ Сынъ долженъ родиться на землѣ отъ чистой небрачной дѣвицы. А что Богу приличествовало вселиться въ нее ради нашего спасенія, то вспомните, что вашъ раввинъ Акилла говоритъ: «когда Моисей бывъ на каменной горѣ, во гласѣ трубномъ, простеръ руки свои, то произнесъ въ молитвѣ своей къ Богу слѣдующія слова: «не являйся намъ болѣе, Господи щедрый, но вселись въ наши утробы, уничтоживъ напередъ грѣхи наши». Если же Моисей молилъ Бога, чтобы онъ вселился въ утробы наши, то за-чѣмъ же вы прекословите намъ въ исповѣданіи, что Богъ вселился въ утробу женскую, и не просто женскую, но дѣвическую, чистую, непорочную, чуждую брака? Онъ вселяется и въ наши утробы, когда мы христіане пріобщаемся его въ таинственной жертвѣ, въ чемъ и получаетъ исполненіе свое приведенная древняя молитва Моисеева, какъ она написана въ вашихъ книгахъ, по свидѣтельству Акиллы, раввина вашего: «вселися въ наши утробы, отъявъ грѣхи наши».

Когда обѣдъ кончился, всѣ разошлись, назначивъ день, въ которой должны были сойтись опять для бесѣды. Когда день тотъ наступилъ, то явились и та и другая сторона спорящихъ. Каганъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ и велѣлъ христіанскимъ учи-

телямъ, Константину съ Меѳодіемъ, также сѣсти; іудеи открыли вновь споръ. «Скажите намъ, начали они, какой законъ далъ Богъ прежде, Моисеевъ, или тотъ, котораго вы, христіане, держитесь?» Константинъ противу этого также спросилъ: «Не для того ли вы спросили на счетъ закона, какой изъ нихъ первый, чтобы послѣ сказать, что тотъ есть и лучшій?» Іудеи отвѣчали: «конечно, для того; ибо всячески надлежитъ повиноваться первому закону, такъ-какъ первый есть начальный и совершеннѣйшій». Тутъ сказалъ философъ: «если вы перваго закона хотите держаться, то бросьте ваше суетное обрѣзаніе». Іудеи, пораженные этимъ, сказали: «отчего ты такъ говоришь?» Философъ отвѣчалъ: «скажите по истинѣ, когда первый законъ былъ данъ, въ обрѣзаніи, или въ необрѣзаніи?» Іудеи отвѣчали: «думаемъ, что въ обрѣзаніи». Философъ сказалъ: «не Ною ли сперва Богъ далъ законъ, до введенія обрѣзанія, послѣ заповѣди, данной Адаму въ раю и по паденіи его? Ибо Богъ заповѣдалъ Ною, чтобы не была проливаема кровь человѣческая, а кто прольетъ кровь брата своего, того самаго кровь должна быть пролита вмѣсто пролитой руками его крови; равнымъ образомъ, Богъ постановилъ завѣтъ и относительно употребленія въ пищу зелія травнаго, звѣрей, скотовъ, птицъ и рыбъ, сказавъ Ною: се Азъ поставлю завѣтъ мой вамъ, и сѣмени вашему по васъ (Быт. IX, 9)». Іудеи замѣтили на это: «но завѣтъ — не законъ; не сказалъ Богъ Ною: «законъ мой», но «завѣтъ мой вамъ поставлю», а мы держимся закона». Философъ спросилъ: «обрѣзаніе ваше какъ вы держите, какъ законъ или иначе какъ?» Іудеи отвѣчали: «конечно, какъ законъ». Философъ уловилъ ихъ на этомъ: «обрѣзанія, однако, не назвалъ Богъ закономъ», а только «завѣтомъ», ибо сказалъ Аврааму: *завѣтъ мой снабди, и сѣмя твое съ тобою въ роды, да обрѣжется всякъ мужескъ полъ, и будетъ въ знаменіе завѣта между Мною и вами* (Быт. XVII, 9 и 13), и въ другомъ мѣстѣ: *будетъ завѣтъ мой на плоти вашей въ завѣтъ вѣченъ*. Смотрите же, ни однажды не назвалъ обрѣзанія «закономъ», а все только «завѣтомъ»; слѣдовательно, вамъ надобно

бросить обрѣзаніе, какъ нѣчто незаконное. А если вы завѣтъ обрѣзанія принимаете какъ законъ, то и завѣтъ, данный Ною, должны считать закономъ и назвать его закономъ первымъ, который данъ былъ Богомъ прежде всего роду человѣческому изгнанному изъ рая и сохранившемуся послѣ водъ потопа». Іудеи упорствовали, и сказали: «нѣтъ, данный Моисею законъ есть настоящій законъ, и его-то мы держимся». Философъ не далъ извернуться имъ и здѣсь. «Если завѣтъ, данный Ною, сказалъ онъ, не есть, по вашему, законъ, а только завѣтъ, потому что Богъ не назвалъ его закономъ, а завѣтомъ: то и Моисею данный законъ не есть законъ; потому что тотъ-же Богъ у Іереміи пророка называетъ его не закономъ, а только завѣтомъ, говоря: *слышите словеса завѣта сего, сія глаголетъ Господь Богъ Израилевъ, проклятъ мужъ, иже не послушаетъ словесъ завѣта сего, его же заповѣдахъ отцемъ вашимъ въ день, въ оньже изведохъ ихъ отъ земли Египетскія* (Іерем. XI, 2, 3). Такимъ образомъ, если этотъ завѣтъ есть для васъ законъ, то и данный Ною завѣтъ есть по истинѣ законъ, и законъ первый, данный прежде обрѣзанія, котораго вамъ и теперь недлежало бы держаться, какъ перваго, не обращая вниманія на другіе бывшіе послѣ него законы, каковы Авраамовъ и Моисеевъ; потому что сами же вы вначалѣ сказали, что первый законъ есть наилучшій, и ему повиноваться надлежитъ. Іудеи, оставивъ эту сторону предмета, обратились къ другой, и сказали: «всѣ, которые держались Моисеева закона — угодили Богу, и мы, держась его, надѣемся также быть угодными Богу; а вы, изобрѣтши себѣ сами какой-то новый законъ, держитесь его, а законъ ветхій попираете». Философъ отвѣчалъ: «и хорошо такъ дѣлаемъ; ибо и Авраамъ, если-бы не принялъ обрѣзанія, а держался бы только Ноева завѣта, то не былъ бы нареченъ другъ Божій; подобнымъ образомъ и Моисей, не довольствуясь прежде принятыми законами — Ноевымъ и Авраамовымъ, написалъ, послѣ Авраама, новый законъ. По примѣру ихъ и мы поступаемъ. Впрочемъ, какъ они, другъ послѣ друга, не уничтожали прежнихъ законовъ, ибо ни Авраамъ не отвергъ

Ноева, ни Моисей не пренебрегъ и тѣмъ и другимъ, но, восполняя недостававшее въ нихъ, выразили святую волю Бога въ болѣе пространныхъ законописаніяхъ, чтобы заповѣдь Господня твердо стояла: такъ и мы изъ ветхаго завѣта, что на скрыжаляхъ написано было, не отметаемъ, но признаемъ и держимъ, каковы на пр. заповѣди: знать единаго Бога Создателя всей твари, не убивать, не красть и проч. А что на скрижаляхъ Моисеевыхъ написано не было, и что во всякомъ случаѣ должно было потерять свое приложеніе, какъ на пр. обрѣзаніе, приношеніе безсловесныхъ жертвъ и другое т. под., то все отвергаемъ, потому что все это было сѣнію и образомъ имѣвшаго вслѣдъ за-тѣмъ наступить новаго закона: и когда онъ насталъ, то старое мы и бросили; ибо какая нужда держаться тѣни и образа, когда въ рукахъ имѣемъ самую вещь?». — Іудеи сказали на это: «если-бы, какъ ты говоришь, въ нашемъ ветхомъ законѣ всѣ учрежденія и обряды были только сѣнію и прообразованіемъ, то древніе законописатели знали о вашемъ, имѣвшемъ потомъ наступить, новомъ законѣ, ибо сѣнь и образъ должны были представлять лице того, котораго могли надѣяться увидѣть; а поелику закона вашего не ожидали, то ветхозаконныя наши учрежденія и обряды не суть только образы и сѣни, но самая истина, которую и вамъ также, какъ и начертанное на скрижаляхъ Моисеевыхъ, соблюдать надобно, какъ истину». Противу этого философъ отвѣчалъ: «если-бы древніе законописатели, бывшіе въ ветхомъ завѣтѣ, и дѣйствительно не знали о томъ, что послѣ нихъ имѣетъ наступить новый законъ, и не ожидали бы того — то я сказалъ бы вамъ, допустивъ это предположеніе такъ: когда въ началѣ, какъ мы прежде сказали, далъ Богъ завѣтъ свой Ною, возвѣстилъ ли Онъ ему, что намѣренъ дать и другой и другому имѣющему по немъ быть угоднику Его, Аврааму? Безспорно, не извѣстилъ, и постановилъ бы тому первому его къ человѣку завѣту быть въ роды вѣчные. Такъ-же точно и Аврааму, давая завѣтъ, возвѣстилъ ли ему, что еще и послѣ Моисею дастъ, въ свое время, другій законъ?.. Впрочемъ, о нашемъ новомъ за-

вѣтѣ во всякомъ случаѣ возвѣщено черезъ святыхъ пророковъ: *Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Израилеву, и дому Іудину завѣтъ новъ, не по завѣту, его же завѣщахъ отцемъ ихъ, въ день, въ онь-же емшу Ми за руку ихъ, извести я отъ земли Египетскія, яко тіи не пребыша въ завѣтѣ моемъ, и Азъ не брегохъ ихъ* (Іерем. XXXI, 31 и 32). Видите, какое вѣрное пророчество о нашемъ новомъ завѣтѣ. Кромѣ Іереміи, и Исаія предрекъ о немъ, говоря отъ лица Господня: *не поминайте первыхъ и ветхихъ не помышляйте; се Азъ творю новая, яже нынѣ возсіяютъ, и увѣсть я.* (XLII, 18 и 19). Такъ-то древніе ветхозаконники вѣдали о нашемъ новоблагодатномъ законѣ, и ожидали его, прорицая о немъ. Слѣдовательно, ваши ветхозаконные порядки и учрежденія были сѣнію и образомъ ожидавшатося нашего закона, а не самою истиною, и надобно бросить ихъ, какъ ни къ чему не годные».

Іудеи, не находя что отвѣчать противу этого, склонили бесѣду на другое, говоря, что не пришло еще время явленія въ міръ Мессіи. Философъ отвѣчалъ: «чего вы еще болѣе ожидаете? время царства и владѣнія вашего, которое, по предсказанію праотца Іакова, должно было продолжаться только до пришествія Мессіи, — уже прошло; Іерусалимъ разоренъ, жертвы ваши отвержены и слава Господня переселилась отъ васъ въ другіе народы, какъ предсказалъ о томъ пророкъ Малахія: *Нѣсть воля моя въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертвы не пріиму отъ рукъ вашихъ, зане отъ востокъ сълнца и до западъ имя мое прославися во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ кѣміамъ приносится имени моему, и жертва чиста, зане веліе имя мое во языцѣхъ, глаголетъ Господь Вседержитель* (Малах. I, 10 и 11). Іудеи сказали: «говоря это, какъ видно, ты хочешь и иные народы назвать благословенными, точно такъ, какъ мы, потомки Авраама, благословенны есмы». Константинъ отвѣчалъ: «черезъ кого потомство Авраама, черезъ того и мы, принадлежащіе къ другимъ народамъ, благословимся, т. е. чрезъ Мессію, произшедшаго отъ корене Авраамова, Исаакова, Іаковля, Іессева и Давидова. Ибо

Богъ сказалъ Аврааму: *благословятся о тебѣ вся племена земная*, (Быт. XII, 3, XVIII, 18) и Исааку: *благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (XXVI, 4), также Іакову (XXVIII, 14); и Давидъ сказалъ: *благословятся въ немъ вся колѣна земная, и вси языцы ублажатъ его* (Псал. LXXI, 17); ибо какъ для Авраамова племени, такъ и для другихъ народовъ долженъ былъ придти Мессія. Вѣдь сказалъ же нѣкогда Іаковъ, благословляя Іуду: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложеная ему, и Той чаяніе языковъ* (Быт. XLIX, 10). И пророкъ Захарія, возвѣщая дщери Сіоновой, Іерусалиму, пришествіе Царя кроткаго, сѣдящаго на подъяремникѣ и жребцѣ юномъ, говоритъ: *потребитъ колесницы отъ Ефрема, и коні отъ Іерусалима и потребитъ лукъ бранный, и речетъ миръ языкомъ* (Захар. IX, ст. 10). Видите ли, что Мессія приходитъ не только для васъ, іудеевъ, но и для другихъ народовъ. Мнѣ даже думается, что Онъ пришелъ болѣе для другихъ народовъ, нежели для васъ; ибо вы не приняли, а язычники приняли Его; вы Его убили, а язычники увѣровали въ Него; вы Его отвергли, а язычники возлюбили Его: почему и Онъ васъ отвергъ, а другіе народы избралъ въ достояніе себѣ, и въ нихъ прославляется. А что дѣйствительно уже пришелъ чаянный Мессія, увѣрьтесь въ томъ изъ пророка Даніила. Сему пророку, какъ вамъ извѣстно, въ первое лѣто царствованія Дарія, явился въ Вавилонѣ ангелъ Господень Гавріилъ, и отъ времени своего явленія до пришествія въ міръ Мессіи опредѣлилъ число лѣтъ семью седминами, полагая каждую седмину въ 7 лѣтъ, что, по совокупленіи всѣхъ седминъ въ одно, составитъ 490 лѣтъ, каковое число насчитываетъ и вашъ талмудъ. Судите теперь сами, какъ уже давно эти лѣта минули. Едва ли не прошло уже болѣе 800 лѣтъ со времени истеченія седьминъ Даніиловыхъ. — Еще спрошу васъ: «какое вы царство считаете желѣзнымъ, по сдѣланному Даніиломъ толкованію на сонъ, видѣнный Навуходоносоромъ, о великомъ тѣлѣ?» Іудеи отвѣчали: «Римское царство — желѣзное». За симъ философъ ихъ вопросилъ: «а кто камень, от-

торгшійся отъ горы безъ участія человѣческой руки, который сокрушилъ то видѣнное во снѣ тѣло?» Отвѣчали: «Мессія». «Такъ не видите ли, сказалъ философъ, оправданія этого сна самимъ дѣломъ?. Римское царство, работавшее идоламъ, по пришествіи Мессіи въ міръ, уже прешло, и вмѣсто идолопоклонническаго римскаго царства возставилъ Богъ небесный иное неразрушимое царство, — царство христіанское, такъ названное новымъ именемъ, по пророчеству святаго Исаіи, къ вамъ нѣкогда глаголавшаго: *останется имя ваше въ насыщеніе избраннымъ, васъ же избіетъ Господь; работающимъ же ему прозовется имя ново, еже благословится на земли, благословятъ бо Бога истиннаго*». (Исаіи LXV, 15 и 16). «Мы — благословенное отъ Сима сѣмя, продолжали іудеи, благословены отцемъ нашимъ Ноемъ, а вы не благословены». Философъ отвѣчалъ: «благословеніе Ноемъ Сима есть нечто иное, какъ только прославленіе Бога, ибо сказано: *благословенъ Господь Богъ Симовъ* (Быт. IX, 26); слѣдовательно, Господь Богъ благословенъ устами Ноя ради добродѣтели Сима. А Іафету, отъ котораго происходимъ мы, Ной сказалъ: *да распространитъ Господь Іафеѳа, и да вселится въ селеніихъ симовыхъ* (тамъ-же, ст. 27). Сами видите, какъ, благодатію Божіею, наше христіанство распространяется, а вы все умаляетесь, и гдѣ вы нѣкогда обитали (во Іерусалимѣ), тамъ нынѣ благословляется и прославляется имя Христово». Въ печатной четіи-минеи, которую мы доселѣ преимущественно имѣли въ виду, симъ преніе Константина съ козарами оканчивается; но въ паннонскомъ житіи, оно еще продолжается въ слѣдующемъ видѣ: «и до тѣхъ поръ не переставалъ доказывать имъ на основаніи пророковъ и другихъ книгъ преимущество Іафетова племени; покуда мнѣ не сказали, что такъ есть, какъ говоритъ. Почему обратились къ одному мѣсту изъ пророка Іереміи (XVII, 5), что проклятъ тотъ человѣкъ, который надѣется на человѣка, а вы имѣете упованіе, говорили они, на человѣка, какимъ же образомъ вы можете быть благословенны?. Философъ въ отвѣтъ на это спросилъ: «проклятъ Давидъ, или благословенъ?». «Конечно;

благословенъ», отвѣчали іудеи. «Такъ и мы на того-же уповаемъ, сказалъ Константинъ, на кого и онъ, говоря въ псалмахъ (XL, 10), ибо человѣкъ мира моего, нань же азъ уповахъ. Этотъ человѣкъ есть Христосъ [1], но онъ есть вмѣстѣ и Богъ. А если кто уповаетъ на простаго человѣка, то и мы того считаемъ погрѣшающимъ противу силы первой заповѣди». Новую притчу предложили ему іудеи, говоря: «на какомъ основаніи, вы, христіане, отвергаете обрѣзаніе, тогда какъ Христосъ не отвергъ его, но исполнилъ по закону?». Константинъ отвѣчалъ: «Тотъ, кто прежде сказалъ Аврааму: да будетъ (обрѣзаніе) въ знаменіе завѣта между Мною и вами (Быт. XVII, 11), Тотъ, пришедъ на землю и совершилъ его, и до того времени и слѣдовало исполнять его; а впрочемъ, и не далъ ему изгладиться безъ всякаго слѣда, но замѣнилъ его крещеніемъ». Предложили Константину другое возраженіе, состоявшее въ томъ, какимъ образомъ христіане, кланяясь идоламъ, т. е. образамъ, могутъ воображать себѣ, что они угождаютъ Богу. Философъ отвѣчалъ имъ на это: «научитесь напередъ различать названіе идола и названіе иконы, и потомъ выступайте противу христіанъ съ возраженіями; въ вашемъ языкѣ понятіе «образъ» выражается десятью словами. Спрошу и я васъ въ

---

[1] Весьма неудачно приведено это мѣсто изъ псалма и истолковано о Христѣ, тогда-какъ весь псаломъ этотъ, по толкованію самого Спасителя (Іоан. XIII, 18), относится къ Іудѣ предателю, бывшему въ «мирныхъ» и близкихъ отношеніяхъ къ своему Учителю и воздвигшему на него измѣнически пяту свою. Нельзя не пожалѣть, что подлинныя «осмь словесъ», на которыя по славянски перевелъ Меѳодій преніе у козаръ, не дошли до насъ. Надобно полагать, что либо Константинъ, въ жару спора, не могъ вдругъ обсудить всѣхъ отношеній этого мѣста, подобно какъ Златоустъ въ извѣстномъ словѣ на Пасху, которое и теперь постановлено читать всякій разъ на утрени Христова воскресенія, въ увлеченіи радости, привелъ слова, относящіяся до царя Вавилонскаго: адъ срѣтъ тя долѣ огорчися (Ис. XIV, 9) о Христѣ, восторжествовавшемъ надъ адомъ—или же славянскіе книжники внесли здѣсь свою долю невѣдѣнія.

свою очередь. Скинія, въ которой сосредоточивалось ваше богослуженіе до сооруженія Соломономъ храма, была устроена Моисеемъ по образу, показанному ему на горѣ, и она была образомъ во всѣхъ частяхъ своихъ перв. начальнаго первообраза видѣннаго законодателемъ; то когда вы въ ней поклонялись ковчегу Завѣта съ его золотымъ вѣнцемъ, кольцами, носилами, золотымъ покровомъ и таковыми же херувимами, надъ нимъ поставленными, то кому вы воздавали честь: дереву ли этому, золоту, кольцамъ, носиламъ, столпамъ, опонамъ и пр., поставленнымъ и употребленнымъ по данному образцу, или Богу, давшему такой образъ? То-же самое сказать надобно и о Соломоновомъ храмѣ, въ которомъ находились изображенія и херувимовъ, и ангеловъ, и другаго многаго. Подобнымъ образомъ и мы, христіане, дѣлая изображенія праведниковъ угодившихъ Богу, покланяемся не имъ, но Богу, явившему въ нихъ силу благодати своей и имѣющему ихъ ходатаями о насъ предъ Собой. А идолы—это демонскіе образы, проклинаемые писаніемъ, но въ жертву которымъ вы нѣкогда приносили и сыновъ и дочерей своихъ (Псал. 105, 37). Новый упрекъ сдѣлали іудеи Константину въ томъ, что христіане употребляютъ въ пищу свинину и заячину. Константинъ на это отвѣчалъ, что по первому завѣту, данному Богомъ Ною, кромѣ зелія травнаго, предоставлено человѣкамъ въ снѣдь всякое движущееся, еже есть живо, съ запрещеніемъ только вкушать кровь (Быт. IX. 3 и 4), что для чистыхъ все чисто, а для осквернennыхъ и невѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго, потому что осквернены ихъ умъ и совѣсть (Тит. 1, 15), что всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже отметно (1 Тимоѳ. IV, 4), какъ и самъ Богъ выразилъ свое одобреніе по сотвореніи міра (Быт. 1, 31), и что если Моисей вамъ воспретилъ употребленіе нѣкоторыхъ животныхъ, то это по причинѣ вашей жадности и наклонности къ злоупотребленію, какъ напр. говорится: яде Іаковъ, и насытися и отвержеся возлюбленный (Второз. XXX, 15); въ другомъ мѣстѣ: сѣдоша людіе ясти и пити и возсташа играти» (Исх. XXXII, 6). Слыша подобныя разумныя и убѣдительныя

рѣчи Константина, начальные между козарами мужи говорили: «Богомъ самимъ посланъ ты къ намъ для нашего назиданія, всему-то ты отъ Него наученъ, все намъ разсказалъ надлежаще и въ порядкѣ, до-сыта всѣхъ усладилъ медоточными твоими словами, заимствуемыми изъ святыхъ книгъ; а мы «не книжная чадь», и вѣримъ, что ты отъ Бога еси. Но если хочешь совершенное успокоеніе доставить душамъ нашимъ, то объясни намъ, о чемъ мы будемъ тебя вопрошать,— притчами, одно за другимъ». И такимъ образомъ разошлись всѣ отдыхать.

Козары, и изъ нихъ преимущественно послѣдователи Магомета, собрались дѣйствительно на другой день и открыли споръ слѣдующаго содержанія: покажи же намъ, почтенный мужъ, въ умныхъ притчахъ, какая вѣра лучше всѣхъ. Философъ завелъ имъ такую притчу: «у одного царя были два человѣка, пользовавшіеся отъ него великою честію и любовію. Случилось же имъ обоимъ впасть въ преступленіе,—и они были изгнаны изъ страны. Живъ много лѣтъ на чужбинѣ, истратили все свое имущество, и дѣтей сотворили въ нищетѣ. Тѣснимые бѣдствіемъ, они часто собирались на совѣтъ между собою, какимъ бы путемъ имъ воротить прежнее достоинство отцовъ. И одинъ говорилъ такой совѣтъ, другой совѣтовалъ иначе, а третій и еще иначе. Какой же совѣтъ надобно было принять? не лучшій ли?». — «Къ чему ты это говоришь, возразили спорившіе. Всякій считаетъ свою думу лучшею,—сарацины свою, а другіе свою. Ты скажи намъ, въ какомъ совѣтѣ былъ лучшій разумъ?». Философъ отвѣчалъ на это: «огонь искушаетъ золото и серебро, а человѣкъ умомъ отдѣляетъ ложь отъ истины». (Очевидно, что заведенная притча неокончена и сведена ни на что; разумный читатель можетъ самъ развить ее своею мыслію, примѣняя ее къ существу христіанской и магометанской вѣры, а мы сами договаривать не хотѣли, во избѣжаніе упрека въ поддѣлкѣ). «Скажите же вы мнѣ: отчего произошло первое паденіе? Не отъ видѣнія ли красиваго плода, желанія вкусить его сладости и помышленія сдѣлаться Богомъ?». Спорившіе подтвердили; философъ послѣ сего ска-

залъ: «если кому сдѣлается вредъ отъ излишняго употребленія меду, или питья холодной воды, а пришелъ бы какой-нибудь къ нему врачъ и сказалъ — тому, что ѣлъ много меду: «ѣшь еще больше меду, и выздоровѣешь», а тому, что пилъ много воды: «напейся еще холодной воды, да стань голый на морозѣ, и исцѣлѣешь» (пожалуй, нынѣшніе гомеопаты и одобрили бы подобныя средства, на основаніи: similia similibus curantur); но явился бы и другой врачъ, который не такъ бы сталъ говорить, а предписалъ врачевства противоположныя, именно — объѣвшемуся меда велѣлъ бы пить горькое и поститься, а опившемуся холодной воды велѣлъ бы пить горячее: то который изъ нихъ лѣчилъ бы умнѣе?». Отвѣчали всѣ: «тотъ, *иже противная врачьвства заповѣдаетъ*» (торжество аллопатіи). — «Хорошо вы сказали, отозвался философъ. Такъ и въ настоящей жизни, сладость похотную надобно одолѣвать горечью скорбей и лишеній, возношенія гордости осаждать добродѣтелію смиренія — противное какъ-бы противнымъ врачуя. Въ такомъ разумѣ и Христосъ принесъ намъ законъ, требуя, чтобы мы древнему сластолюбію Адама и увлеченію его мечтою гордости противопоставляли строгое воздержаніе и смиренную покорность и чрезъ то исправляли испорченное грѣхомъ прародителя естество наше, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ вѣчныхъ очищенному такимъ образомъ человѣку обѣщая стократное вознагражденіе, подобно тому, какъ и вы говорите въ притчѣ, что дерево, производящее сперва терніе, приноситъ наконецъ сладкій плодъ». (Объясненіе притчи развито нами согласно ея смыслу и первоначальному направленію). Одинъ изъ споривших, знавшій хорошо сарацинскую злобу, спросилъ философа: «скажи мнѣ, гость, какъ это вы не принимаете Магомета? А онъ Христа очень похвалилъ въ своихъ книгахъ, говоря, что Онъ и родился отъ дѣвы, сестры Моисеевой, и былъ великій пророкъ, воскрешавшій мертвыхъ и изцѣлявшій всякую болѣзнь великою силою». Философъ отвѣчалъ: «пускай судитъ насъ каганъ!—Ну, скажи, если Магометъ—пророкъ, то какъ намъ вѣрить ему? Даніилъ сказалъ, что до Христа всякое видѣніе и про-

рочество престанетъ (Дан. IX, 24); слѣдовательно, Магометъ, явившійся послѣ Христа, какимъ образомъ можетъ быть пророкъ? Если признаемъ его пророкомъ, то надобно Даніила отвергнуть». Тутъ многіе изъ стоявшихъ сказали: «да, Даніилъ что говорилъ, то говорилъ духомъ Божіимъ; а Магометъ, всѣ мы знаемъ, есть лжецъ и губитель спасенія для всѣхъ; онъ умѣлъ только своими бреднями наилучше подвигнуть людей на злобу и студодѣяніе». И вслѣдъ за симъ, первый совѣтникъ кагановъ сказалъ пріятелямъ изъ сарацинъ: «Божіею помощію нашъ гость всю гордыню жидовскую на землю низвергъ, а вашу вѣру, какъ скверность какую, на ту сторону рѣки перевергъ» (забросилъ). И обратившись ко всему собранію, сказалъ, что «какъ Богъ далъ христіанскому царю власть надъ всѣми народами и мудрость совершенную, такъ и вѣра его есть наилучшая, и внѣ ея никто не можетъ имѣть жизни вѣчной. Богу же слава во вѣки». — Тутъ Константинъ, обратившись ко всѣмъ, со слезами сказалъ: «братія, отцы, други и чада, Богъ далъ мнѣ разумъ отвѣтить удовлетворительно на всякій вашъ вопросъ; если кто и еще имѣетъ что возразить, пускай выйдетъ—и убѣдитъ, или симъ убѣдится. А кто сердцемъ внялъ моимъ словомъ, тотъ пускай крестится во имя святой Троицы; а кто не хочетъ, то я чистъ отъ грѣха, а онъ узритъ въ день судный, когда сядетъ Ветхій деньми судити всѣмъ племенамъ и языкамъ яко Богъ». Козары отвѣчали: «не враги мы себѣ, но пускай по малу крестятся съ сего дня всѣ, кому возможно и угодно. А кто изъ васъ, христіанъ, будетъ кланяться на западъ или творить жидовскія молитвы, или держаться сарацинской вѣры, тотъ накажется отъ насъ смертію». И такимъ образомъ разошлись всѣ съ радостію.

[20] Впрочемъ, обращеніе козаръ въ христіанство было далеко не всеобщее и не прочное. Ибны-улъ-Азиръ разсказываетъ, что козары въ 254 (868) году приняли магометовъ законъ; что они въ войнѣ съ турками просили вспоможенія у хореземскихъ жителей, но тѣ отвѣчали имъ: «вы невѣрные: если сдѣлаетесь мусульманами, то поможемъ вамъ». Козары, за исключеніемъ царя,

приняли тогда вѣру магометову. Хореземцы сдержали слово, заставивъ турковъ удалиться. Послѣ чего и царь козарскій обратился въ правовѣріе. А Ибнъ-Фоцланъ, въ 921-мъ году, видѣлъ между козарами и христіанъ, и іудеевъ, и магометанъ, и даже язычниковъ. (См. Френъ въ Memoires d l' Academie de sciences de St.-Petersburg. T. VIII 1822 г.).

[21] Мих. Лёкенъ (Oriens Christ. 1, 1229, Paris, 1740), упомянувши объ епархіи фульской, сознается: ubinam vero Phulla existat, mihi, fateor, incompertum esse. То-же говоритъ и г. Кеппенъ въ «Крым. Сборникѣ» стр. 132. Но то несомнѣнно, что подобный городъ существовалъ въ Крыму, и недалеко еще отъ Судака, древняго Сугдая; ибо въ уставѣ императора Андроника Палеолога (1283—1328) объ епархіяхъ, подвластныхъ константинопольскому патріарху, подъ 99-мъ числомъ читаемъ: Sugdaea simul et Phulla; каковаго соединенія не могло бы быть, еслибы Фулла не была близко Судака, см. «Истор. христіан. въ Россіи до Владиміра» архимандрита (нынѣ архіепископа) Макарія, стр. 85.

[22] Полихронскій монастырь находился на Азіатскомъ берегу Мраморнаго моря недалеко отъ города Кизика, на горѣ, такъ называемой, Сигріонской. Въ немъ постриженъ былъ Ѳеофанъ, извѣстный писатель Хронографа. См. «О врем. происх. слав. пис.» г. Бодянскаго, примѣч. 37.

[23] Въ подлинномъ паннонскомъ «житіи» Константина загадочныя надписи гласятъ такъ: въ первой грани: прорицай дондеже сице звѣзда, (въ другихъ спискахъ, съ повторительнымъ и однократнымъ воззваніемъ: чаша моя! и безъ «сице») вьпиво боуди (въ другихъ прибавлено: ми) господи (ни въ одномъ: «господеви») првѣньцъ (въ нѣкоторыхъ: первенцу) бдещу ношію. Въ другой грани: на вькоушеніе господне сътворена дрьва иного піи и оупіи се веселіемъ и вьзпіи аллилоуіа (во всѣхъ спискахъ такъ). Въ третьей грани; се кнезь, и узритъ вьсь сьньмъ славу его (во всѣхъ такъ, только въ макар. четьи-минеи пропущены слова: весь сонмъ). Мы сдѣлали въ текстѣ нашей статьи дословный переводъ этихъ надписей; но едва ли тѣмъ

помогли сколько-нибудь къ уразумѣнію ихъ. Къ сожалѣнію, при всемъ богатствѣ и разнообразіи литературы о Кириллѣ и Меѳодіи, нигдѣ не довелось встрѣтить намъ какое-нибудь объясненіе на нихъ. Попытаемся проникнуть въ ихъ туманный смыслъ, какой, правда, и приличествуетъ пророчествамъ вообще. Конечно, нельзя думать, чтобы эта чаша была, дѣйствительно, изъ тѣхъ многочисленныхъ златыхъ сосудовъ (3 Цар. VII, 31, X, 21), которыя имѣлъ великолѣпный Соломонъ; ибо какимъ образомъ она могла уцѣлѣть до построенія Софійскаго храма Юстиніаномъ, при тѣхъ разграбленіяхъ и опустошеніяхъ, которымъ подвергалась Іудея съ своимъ храмомъ (см. Іерем. Ь II, 17—20; 4 Цар. XXV, 13—17; 2 Парал. XXXVI, 6, 10, 18 и 19), когда и самый ковчегъ завѣта не извѣстно куда дѣлся (см. Начертаніе церк.-библ. исторіи, изд. II-е, С. П. Б. 1819, стр. 489, прим. подъ буквою б); тѣмъ менѣе пророчественныя надписанія на нихъ на языкѣ еврейскомъ и самаританскомъ могутъ принадлежать Соломону, когда послѣдній сталъ образовываться только вслѣдствіе раздѣленія еврейскаго царства на Іудейское и Израильское, происшедшаго, какъ извѣстно, по смерти Соломона. Слѣд. какъ сама чаша, такъ и надписи на ней имѣли происхожденіе другое. Но какое же, и къ какому отнести его времени и случаю?—Извѣстно, что Юстиніанъ, возъимѣвъ мысль построить храмъ во имя Софіи, Ипостасной премудрости Божіей, хотѣлъ воспроизвести тотъ домъ, который, по представляемому Соломономъ начертанію, сама себѣ создала Премудрость, съ семью столпами, съ олтаремъ для жертвоприношеній, съ чашею, наполненною вина, и уготованною для всѣхъ трапезою (Прит. IX, 1—4), и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ въ великолѣпіи постройки сравниться съ Соломономъ, построившимъ храмъ іерусалимскій (что видно изъ восклицанія Юстиніанова по освященіи церкви: теперь побѣдилъ я тебя, Соломонъ!) Естественно, когда такимъ образомъ и церковь строилась въ совокупное подражаніе и дѣйствительному храму Соломона и умоначертанному имъ дому премудрости, и посвящалась имъ имени Премудрости,—естественно было желать, что-

бы и утварь церковная, хотя отчасти, происходила отъ Соломона. Что жъ удивительнаго, если какой-нибудь ревнитель славы новой церкви, имѣвъ у себя какой-нибудь драгоцѣнный сосудъ, можетъ быть, и дѣйствительно древней работы, вздумалъ положить на ней знаменія происхожденія отъ Соломона, начертаніемъ на ней письменъ его времени, и послѣ того, какъ сосудъ отъ мудрѣйшаго царя, принести въ даръ Софіи — премудрости Божіей? Что же теперь могутъ означать эти загадочныя надписи, прочитанныя и разобранныя Константиномъ? Естественно думать и ожидать, что тотъ, кто предназначалъ чашу для богослужебнаго употребленія въ церкви св. Софіи, долженъ былъ и надписи, въ пророчественномъ тонѣ, приспособить къ условіямъ этого употребленія. Первое же употребленіе чаши во время литургіи имѣетъ мѣсто при совершеніи проскомидіи, когда приготовляется вещество для таинства Евхаристіи, съ воспоминаніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ рожденіе І. Христа, именно, пришествія волхвовъ и явленія пастырей для поклоненія Рождшемуся и съ приведеніемъ самыхъ словъ евангелиста Матѳея о звѣздѣ «ставшей верху вертепа, идѣже бѣ Отроча» (Матѳ. II, 9). Не кстати ли будутъ эти слова, начертанныя на предсказательной чашѣ, въ виду дѣйствительной чаши, и при воспоминаніи о явльшейся звѣздѣ: чаша моя! чаша моя! прорицай дондеже сице звѣзда! т. е. пока не родится Спаситель міра, съ явленіемъ коего запечатлѣвается всякое пророчество и видѣніе (Дан. IX, 24; сн. Матѳ. XI, 13), потому что наступаетъ самая истина и дѣйствительность; и въ виду вліяннаго въ чашу вина, долженствующаго претвориться въ кровь при совершеніи таинства — слова: *въ питіе будь мнѣ, Господи, первенцу* отъ языкъ (такъ могъ говорить о себѣ каждый изъ волхвовъ, первыхъ изъ язычества познавшихъ Христа), *бдѣвшему* столько ночей, дабы пользоваться указаніемъ звѣзды, являвшейся нощію и нынѣ остановившейся надъ вертепомъ, въ которомъ возлежитъ божественное Отроча, и мнѣ, *первенцу* отъ іудей (такъ могъ сказать о себѣ каждый изъ пастырей, первыхъ изъ іудей поклонившихся Спа-

сителю), которому «*бдящему и стрегущему стражу нощную*» явился свѣтоносный Ангелъ и благовѣствовалъ о рожденіи Спаса міру (Лук. II, 3—11). Слова второй грани: «на вкушеніе Господне, сътворена древа иного; пій», и проч., имѣютъ отношеніе къ той части литургіи, когда чаша является на престолѣ и совершается самое таинство причащенія съ произношеніемъ словъ Спасителя: *піите отъ нея* (чаши) *вси, сія бо есть кровь Моя, новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ* (Матѳ. XXVI, 28). Почему слова: «на вкушеніе Господне» не приходится разумѣть такъ, какъ-бы Господу надлежало вкусить отъ чаши, хотя въ этомъ смыслѣ и шла бы геѳсиманская чаша, но въ смыслѣ вкушенія самого Господа вѣрующими, въ какомъ поется церковію причастенъ: вкусите и видите, яко благъ Господь, или—чаще: чашу спасенія пріиму и имя Господне призову, и тотъ и другой, въ сопровожденіи припѣва: аллилуіа, или для соединенія этихъ словъ съ послѣдующими: «сътворена древа иного» на вкушеніе Господне «вина», состоящаго изъ истинной крови Христовой,—того плода лознаго, о которомъ Спаситель говорилъ на тайной вечери (Матѳ. XXVI, 29), того вина, которое пророчественно растворяетъ въ чашѣ своей Премудрость, призывая всѣхъ къ питію его,—того вина, которое «добыто отъ древа иного», древа новаго, крестнаго и по самому вещественному составу своему особеннаго. — Слова третьей грани: се князь, и весь сонмъ узритъ славу его и пр., относятся къ тому моменту въ ходѣ литургіи, когда священнослужитель возноситъ чашу, по совершеніи причащенія, предъ сонмомъ стоящихъ вѣрующихъ, съ словами: всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, и означая тѣмъ вознесеніе Господа нашего І. Христа, или паче, превознесеніе его Богомъ Отцемъ въ возмездіе за претерпѣнное имъ истощеніе и крестную смерть надъ всѣми небесными, земными и преисподними, да всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь І. Христосъ въ славу Бога Отца (Фил. II, 7—11). Въ какой мѣрѣ удачно подобное, предлагаемое нами,

толкованіе надписей чаши софійской, предоставляемъ судить болѣе насъ разумѣющимъ въ этомъ дѣлѣ.

[24] Нѣкоторые думаютъ, что этотъ Меѳодій есть тотъ самый, о которомъ мы разсказываемъ. Conveniunt, говоритъ Ассемани, tempora, nomen Methodii, locus praedicationis, historici denique, qui illum primo Bulgaris, deinde Moravis praedicasse scribunt. Но трудно на это согласиться, во первыхъ потому, что объ этомъ происшествіи не говоритъ ни паннонскій жизнеописатель, довольно подробно излагающій жизнь Меѳодія, ни жизнеописатель Климента, который (Климентъ), какъ говорится въ XXII главѣ его жизни, зналъ всю жизнь Меѳодія, какъ никто другой, потому что, съ раннихъ лѣтъ послѣдовавши за нимъ, видѣлъ все своими глазами, что дѣлалъ его учитель, и со словъ котораго, конечно, писатель его жизни разсказывалъ о Меѳодіи. Жизнеописатель только замѣчаетъ (въ IV гл.), что великій Меѳодій еще прежде болгарскаго князя Бориса, сдѣлавши чадомъ своимъ и плѣнивши его отечественнымъ своимъ (греческимъ) языкомъ, во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ, непрестанно осыпалъ благодѣтельными дарами словесъ и поученій. Вотъ чѣмъ дѣйствовалъ на душу Богориса Меѳодій: красотами греческаго языка, съ которымъ хотѣлъ познакомить болгарскаго государя, дабы открыть ему въ немъ сокровище просвѣщенія и назиданія, — да словомъ и поученіемъ. А о живописаніи нѣтъ ни помину на всемъ пространствѣ многословнаго и широкою кистію писаннаго житія, а между тѣмъ жизнеописатель Климента не чуждъ былъ вкуса къ живописи, какъ это видно изъ одного мѣста вышеприведенной XXII гл., гдѣ онъ о Климентѣ замѣчаетъ, что онъ «дѣянія и жизнь Меѳодія, какъ-бы нѣкоторую картину искуснаго въ живописи художника, взявши за образецъ своей жизни, тщательно старался по немъ изобразить себя» (*δίου τινα πίνακα σοφοῦ τὴν τέχνην ζωγράφον τὸν ἐκείνου βίον καὶ τὰς πράξεις τῆς οἰκείας ἀγωγῆς προστησάμενος ἑαυτὸν ἐξογράφει πρὸς τοῦτον ἐπψελῶς*). Равно и всѣ прочіе повѣствователи о Кириллѣ и Меѳодіѣ, и между ними и нашъ Несторъ, которые водятъ ихъ изъ Константинополя въ Болгарію,

изъ Болгаріи въ Моравію, и изъ Моравіи опять въ Болгарію,—всѣ молчатъ о написаніи Меѳодіемъ для Богориса картины страшнаго суда, а какъ-бы, казалось, обо этомъ имъ не упомянуть? Это такъ хорошо ложится подъ ихъ благочестивое перо. Какъ напр. прекрасно нашъ Несторъ развертываетъ въ своей лѣтописи передъ Владиміромъ картину страшнаго суда... Во вторыхъ, на чемъ же основывается, отрицаемое нами, утвержденіе, что нашъ Меѳодій написалъ для Богориса картину страшнаго суда, когда объ этомъ случаѣ не говоритъ ни одинъ изъ жизнеописателей двухъ братьевъ? На довольно позднемъ свидѣтельствѣ Кедрина, упоминающаго, въ своемъ разсказѣ объ обращеніи Булгаріи, Μεθόδιον τίνα μονάχον Ῥωμαῖον τὸ γένος, ζωγράφον τὴν τέχνην, и Константина, говорящаго о немъ почти въ такихъ же выраженіяхъ: μονάχου τινὸς τῶν καθ'ἡμᾶς Ῥωμαῖον ζωγράφον, Μεθόδιος ὄνομα τῷ ἄνδρι. Не очевидно ли, что здѣсь говорится о Меѳодіи, монахѣ, родомъ изъ Рима? а нашъ былъ изъ города Ѳессалоникъ, въ Македоніи, которая искони, со временъ Александра Македонскаго, ближайшимъ образомъ составляла часть Греціи. Ассемани говоритъ, что romani seu romaei appellabantur quotquot romano suberant imperio, id est, Constantinopolitano. Несправедливо! Византійскіе историки называли свою имперію византійскою, восточною или греческою; новымъ же Римомъ называли Константинополь только по особеннымъ какимъ-нибудь случаямъ и нарочито кстати. Дѣлаемое Константиномъ прибавленіе τῶν καθ'ἡμᾶς указываетъ только на римлянина, поселившагося въ Греціи. Во всякомъ случаѣ странно допустить, чтобы греческій историкъ Меѳодія, Селунскаго урожденца, природнаго греческаго подданнаго, жившаго въ Константинополѣ и поставленнаго нѣкогда отъ императора правителемъ цѣлой области въ Греціи, назвалъ Μεθόδιον τίνα, μονάχον τίνα, τῶν καθ'ἡμᾶς Ῥωμαῖον. И наконецъ, въ третьихъ, по хронологіи трудно свести нашего Меѳодія съ Богорисомъ въ моментъ его обращенія въ христіанство; это сближеніе всегда прійдется либо раньше, либо позже обращенія.— Но мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы нашъ Меѳодій другимъ

какимъ-нибудь образомъ не содѣйствовалъ Богорису въ принятіи христіанства или утвержденію новой вѣры въ немъ и его подданныхъ.

25 Если полагать, что Богорисъ, бывшій незадолго передъ тѣмъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ византійскимъ императоромъ, и теперь, по принятіи крещенія, думалъ поддерживать прежнее военно-враждебное расположеніе, то этому, кромѣ внутреннихъ духовныхъ основаній, претитъ вѣрить свидѣтельство неизвѣстнаго Ѳеофанова продолжателя, который говоритъ, что Богорисъ, принявъ истинную вѣру и благочестіе, послалъ къ императрицѣ (Ѳеодорѣ) письмо, въ которомъ просилъ у нея прибавки земли, за тѣснотою пространства, занимавшагося его Болгарами. И посылая письмо, онъ питалъ совершенную увѣренность въ успѣхѣ просьбы, на томъ основаніи, что, со времени крещенія, и онъ и императрица, связанные неразрывными узами вѣры и дружбы, сблизились другъ съ другомъ и перестали быть чуждыми между собою. Кромѣ того Богорисъ далъ обѣщаніе быть въ подданствѣ у императрицы и хранить вѣчный міръ. Дѣйствительно, просьба князя не была отринута Ѳеодорою, и Болгарамъ отведена была, бывшая свободною дотолѣ, пограничная земля отъ Сидиры до Дивелта, получившая съ того времени названіе Загоры. — Если предположить, что Богорису хотѣлось учредить новое патріаршество, какъ это видно изъ отвѣтнаго посланія папы Адріана, и онъ не надѣялся достигнуть этого у константинопольскаго патріарха, то подобнаго же неуспѣха онъ могъ ожидать отъ властолюбія западнаго іерарха, какъ послѣдствіе и доказало. Поэтому надобно, кажется, допустить, что причиною обращенія Богориса къ римскому священноначальнику было недостаточное вниманіе со стороны константинопольскаго престола къ новой паствѣ, какъ это видно изъ жалобъ, которыя, между прочимъ, излагалъ онъ во 106 вопросахъ, препровожденныхъ имъ къ папѣ для разрѣшенія. Такъ напр. между греческими проповѣдниками явилось много непосвященныхъ и недостойныхъ, изъ которыхъ одному Богорисъ и велѣлъ отрубить носъ и уши, и которато потомъ велѣлъ выгнать

изъ своей земли. Вмѣстѣ съ подобными самозванцами, являлось много проповѣдниковъ армянскихъ, еврейскихъ и латинскихъ, которые своими разными ученіями и толками колебали неутвержденную еще совѣсть новообращеннаго народа и производили раздраженіе въ слабыхъ умахъ, не находившихъ для себя нигдѣ надежной точки опоры.

[26] См. Очеркъ жизни константинопол. патріарха Фотія, соч. А. П. Зернина. Москва 1858 г. стр. 41 — 44, 51 — 68.

[27] Fr. Palacky, Geschichte von Böhmen B. 1 Prag. 1844. Cap. IV.

[28] Такимъ образомъ Константинъ, отказавшись отъ предложеннаго папою ему епископства, скончался простымъ священникомъ. Такъ надобно думать потому, что ни въ одномъ изъ первоначальныхъ и древнѣйшихъ жизнеописаній Кирилла и Меѳодія не говорится о посвященіи перваго въ епископы, напротивъ, въ нѣкоторыхъ даже положительно сказывается, что онъ отказался отъ этой чести. Такъ, въ паннонскомъ житіи, послѣ того какъ о Меѳодіи сказано, что «апостоликъ Никола святи Меѳодія на поповьство», о Константинѣ только замѣчено, что онъ уже готовился «на судъ» т. е. на смерть. Жизнеописатель Климента, сказавши, что «Меѳодія римскій первосвященникъ украшаетъ епископскимъ достоинствомъ», о Кириллѣ, въ фигуральномъ смыслѣ, говоритъ, что «Великій Архіерей призываетъ его во святая святыхъ, да тамо совершаетъ служеніе внутри скиніи истинной», т. е. по просту — что, тогда какъ Меѳодій былъ посвященъ папою въ епископы, Кириллъ, не имѣя этого званія на землѣ, призываемъ былъ къ почести вышней на небо. Равно и въ западной моравской легендѣ замѣчено о Кириллѣ: episcopatui renuncians, habitum induit monachalem. Откуда же усвоеніе ему титла епископа? Замѣчательно, что это оказывается только въ позднѣйшихъ мѣсяцесловахъ, такъ напр. въ слѣдованной Псалтыри, напечатанной въ кіевопечерской Лаврѣ въ 1756 году и въ молитвословѣ, напечатанномъ въ Москвѣ 1761 гогу Кириллъ названъ епископомъ. Но въ памятникахъ, ближайшихъ ко времени его жизни, когда, слѣдовательно, преданіе было вѣрнѣе, Кириллъ именуется просто «преподобнымъ». Такъ, въ приложенномъ къ Остромирову евангелію, 1056 года, мѣсяцесловѣ, подъ 14 февраля, за чудотворцемъ Авксентіемъ, поставлено: «преподобнаго отца нашего Константина философа, нареченнаго въ чрьньчьствѣ именьмь Курила». На второй каппоніевой дскѣ живописнаго сербскаго мѣсяцеслова, также подъ 14 февраля, Кириллъ изображенъ, передъ Авксен-

тіемъ, и надъ нимъ явственно написано: п. Кирилъ, т. е. преподобный Кириллъ. Въ древней славянской Ассеманіевой рукописи, глаголическими буквами переписанной съ болгарскаго, подъ 14 февраля, упоминается одинъ Кириллъ: S. P. N. Cyrilli Philosophi (см. Добровскаго, Кириллъ и Меѳодій, въ рус. пер., стр. 57 и сл.). Откуда же взялся для него вдругъ титулъ епископа? Онъ явился прежде всего въ прологахъ русскаго сочиненія, и наши книжники не могли вообразить себѣ въ званіи простаго священника такое лице, которое съ качествами апостольскими дѣйствовало на просвѣщеніе и христіанское устроеніе цѣлыхъ странъ и потому сочли не только приличнымъ, но даже необходимымъ возвеличить его титломъ, по крайней мѣрѣ, епископа. Но сего мало. Здѣсь представляется еще новая загадка. Кириллъ называется епископомъ — катанскимъ!! Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ названъ въ приведенныхъ мною выше двухъ пространныхъ мѣсяцесловахъ, напечатанныхъ около ½ прошлаго столѣтія. Вѣдь не былъ же онъ епископомъ въ Катанѣ, извѣстномъ городѣ Сициліи, находящемся при подошвѣ Этны, отъ котораго называется напр. Левъ, епископъ катанскій. Загадку эту удачно разрѣшилъ, при помощи знакомства своего съ древлеславянскою письменностью, г. Бодянскій, въ своемъ сочиненіи «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», Москва. 1855 г., стр. 66—70. Въ одномъ проложномъ житіи Кирилла, напечатанномъ въ прологѣ, подъ 14 февраля, и сверхъ того, при сочиненіи Добровскаго, въ русскомъ переводѣ: «Кириллъ и Меѳодій», въ приложеніи 1-мъ, по двумъ рукописнымъ прологамъ: пергаменному, въ листъ, 1432 году, принадлежащему И. публичной библіотекѣ, и на бумагѣ, въ листъ же, XVI вѣка, въ Румянцовскомъ музеѣ, слѣдовательно по сводному тексту, г. Бодянскій нашелъ извѣстіе: «И молиша и да наоучить я книгамъ своимъ языкомъ. Онъ же постився м̃ дній къ Богу моляся и написа имъ л̃ словъ и й̃, итако наоучи я книгамъ словеньскимъ языкомъ, сего ради словеньскыи оучитель наречеся, и тако поживъ чудеса сътворь, въ старости добрѣ къ Господу отыде, и

погребенъ бысть въ *Канаонѣ градѣ*». (Въ прологѣ XV вѣка — въ градѣ *Каинѣ*, а въ нѣкоторыхъ — *Каонѣ*). Что же это за городъ? Не называлась ли Канаономъ, или Каономъ, или другимъ похожимъ на это именемъ столица князя Коцела, которую нѣмцы назвали Мозбургъ? Но лѣтописи на это не даютъ намъ никакого отвѣта. Г. Бодянскій, сверхъ чаянія, нашелъ въ двухъ хронографныхъ сказаніяхъ: «О преложеніи книгъ отъ греческаго языка на славянскій» имя этого города въ такой формѣ, въ которой оно ближе подходитъ къ Катану: «по семъ же иде въ болгары, проповѣдая Христа, тако же и въ словены пришедъ, и вся грады по Дунаву наоучи вѣровати Христови (или во Христа). И поставленъ бысть епископомъ *въ Катаонѣ градѣ*; и молишася ему, да наоучитъ ихъ книгамъ своимъ ихъ языкомъ. Онъ же постися м̃ дній, моляся Богу, и написа имъ по ихъ языку. л̃и словъ, и тако наоучи ихъ книгамъ словеньскымъ языкомъ и сего ради нареченъ бысть словеньскій оучитель. И тако поживъ, и многи труды и подвиги подъемъ о вѣрѣ Христовѣ, и чудеса многа сотворивъ, во старости добрѣ ко Господу отиде, и погребенъ бысть въ *въ Катаонѣ градѣ*»; а въ другомъ: «погребенъ бысть въ Катаенѣ градѣ. Мы же словенскій и болгарскій языкъ да глаголемъ святому отцу нашему и оучителю Кирилу философу вѣчная память». Такимъ образомъ отыскалось начало происхожденія названія Кирилла Катанскимъ. Но здѣсь опять раждается вопросъ: отчего же назвали ето Катаонскимъ или Катанскимъ, когда такого города въ сферѣ дѣйствія Константина вовсе не существуетъ? Можно бы на это отвѣчать: по смѣшенію съ другимъ Кирилломъ, епископомъ Катанскимъ, ученикомъ апостола Петра, показаннымъ въ нашей четьи-минеи и во всѣхъ мѣсяцесловахъ подъ 21 числомъ марта, тѣмъ болѣе, что и этотъ Кириллъ, какъ и нашъ, «невѣрныя къ вѣрѣ Христовой приводилъ» и подобно ему, «горесть воды преложилъ въ сладость». Но г. Бодянскій на этомъ не остановился, а пошелъ въ догадкахъ своихъ далѣе. На разграньи Булгаріи, Ѳракіи и Македоніи, не далеко отъ верховьевъ рѣки Мысты (древнихъ Nestus)

и Марицы, тянется горный хребетъ Kastagna, упоминаемый старинными путешественниками (XV и XVI стол.), по-турецки Костендже, а по-славянски Костеница или Костаница. Тутъ родился другой Константинъ, жившій при сербскомъ деспотѣ, Стефанѣ, сынѣ Лазаря, погибшаго на Косовомъ полѣ въ битвѣ съ турецкимъ султаномъ, Мурадомъ (1389 г.). Кромѣ описанія жизни этого деспота (1389—1427), онъ извѣстенъ еще и филологическимъ сочиненіемъ о славянскомъ языкѣ, изъ коего дошло до насъ только извлеченіе, въ которомъ онъ названъ прямо *Константиномъ философомъ Костенскимъ и учителемъ Сербскимъ*. Всего этого довольно было, чтобы перемѣшать между собою трехъ Константиновъ, столько сходствующихъ между собою чертами жизни. Константинъ Костенскій или Костанскій принадлежалъ, по рожденію, одной и той-же странѣ; колыбель одного была не въ дальнемъ разстояніи отъ колыбели другаго. Кромѣ сего, оба занимались словянскимъ языкомъ и назывались философами — наименованіемъ, которое, кажется, охотно давалось у насъ въ старину людямъ, отличавшимся особеннымъ умомъ, большею ученостью и начитанностью. Вотъ вѣроятнѣйшее объясненіе происхожденія наименованія Кирилла епископомъ Катанскимъ! И такъ, напрасно заботятся украшать его имя непринадлежащимъ ему титломъ. Для его славы довольно и того безсмертнаго подвига, который совершилъ онъ въ пользу нашего просвѣщенія и вѣрованія, изобрѣтши славянскія письмена и переведши библію на славянскій языкъ. Довольно для него непомрачимой чести, если онъ и просто будетъ являться съ именемъ «преподобнаго Отца нашего», подобно какъ то дѣлалось въ древнѣйшихъ, ближайшихъ къ дѣйствительности и слѣдовательно къ истинѣ, мѣсяцесловахъ.

[29] Собратія наши, западные и южные славяне съ давнихъ временъ установили праздновать память преподобнаго Кирилла. Такъ въ сербскомъ мѣсяцесловѣ, на ряду съ Авксентіемъ, онъ поставленъ во святыхъ, съ именемъ преподобнаго Кирилла. У болгаръ, какъ видно изъ вышеприведенной древней славянской

Ассеманіевой рукописи, чествуется онъ, подъ 14 февраля, подъ именемъ Святаго отца Кирилла философа. У самыхъ глаголитовъ (славянскихъ священниковъ по римскому обряду) въ Далмаціи, Кириллъ и Меѳодій праздновались, вмѣстѣ съ Валентиномъ, 14 февраля, какъ то показываютъ ихъ древніе требники. Какимъ образомъ является съ двумя братьями и Валентинъ, какъ третій братъ, воспоминаемый нашею церковію отдѣльно, 24 апрѣля, — это можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ по происхожденію своему былъ близокъ къ мѣсту родины Кирилла и Меѳодія; онъ былъ родомъ изъ Доростова (нынѣшней Силистріи), города Мизіи, а нынѣ Болгаріи. — Но ранѣе всѣхъ, по извѣстію Гайка, почтили память двухъ славянскихъ учителей богемцы. Онъ даже говоритъ, что герцогъ Вратиславъ въ 895 г. соорудилъ во имя ихъ церковь въ Болеславлѣ (Бунцлау); но это утвержденіе признается неосновательнымъ. Въ XIV стол., Карлъ IV соорудилъ, дѣйствительно, въ честь Кирилла и Меѳодія монастырь, въ предмѣстіи Праги, для далматскихъ бенедиктинцевъ, совершавшихъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, по римскому обряду: ad honorem Dei — Jeronimi præfati, Cirullique, Methudii etc. и въ граматѣ о сооруженіи двукратно назвалъ ихъ святыми, которыхъ проклятіе навлечетъ на себя тотъ, кто будетъ порицать дѣлаемое имъ учрежденіе. Послѣ этого, имена двухъ братьевъ внесены уже были въ мѣсяцесловы служебниковъ и требниковъ, и при томъ, на 9 марта, согласно сдѣланному, въ 1380 г., епископомъ ольмюцскимъ въ своей округѣ, постановленію (Statuimus, ut totus clerus et populus nostræ dicœcesis ipsorum festum et diem debeant solemniter VII Idus martii una nobiscum digna veneratione, per divinorum officiorum celebrationem solemnem devotis mentibus obsequi lætabundi. Въ предисловіи называются они: beatissimi et gloriosissimi confessores Cristi et Episcopi, Cyrillus et Methudius, Patres, Apostoli et Patroni nostri præcipui). См. Добровскаго, Кир. и Меѳ., по пер., стр. 58 и сл.

Въ Россіи, съ самаго начала принятія христіанства, Константинъ философъ подъ наименованіемъ «преподобнаго отца» чество-

ванъ былъ между святыми. Безъ сомнѣнія, празднованіе памяти его мы приняли, вмѣстѣ съ другими обрядами и установленіями, изъ Болгаріи, которая тогда, послѣ Греціи, была намъ ближайшею пособницею въ устроеніи церковномъ. Въ Россіи извѣстна была и составленая въ честь ихъ, по крайней мѣрѣ, въ концѣ X стол., въ Болгаріи, «служба». Она въ этомъ году издана въ ученыхъ запискахъ казанскаго университета и напечатана отдѣльной брошюрой г. профессоромъ славянскихъ нарѣчій, В. И. Григоровичемъ, подъ заглавіемъ: «Древне-славянскій памятникъ, дополняющій житіе славянскихъ апостоловъ, святыхъ Кирилла и Меѳодія; посвящено памяти П. І. Шафарика». Казань. 1862 г. Упоминаемая г. Бодянскимъ въ его сочиненіи: «О времени происхожд. слав. письменности» (стр. 82) служба св. Меѳодію, судя по сдѣланному въ немъ извлеченію одного мѣста, есть та самая, которая издана г. Григоровичемъ. Введена ли она была когда въ наши служебныя минеи, или 14 февраля и 11 мая всегда были въ нихъ праздны отъ чествованія нашихъ незабвенныхъ учителей, за неимѣніемъ подъ рукою памятниковъ, сказать положительно не можемъ. Только «тропарь» и «кондакъ» въ честь св. Кирилла, печатаемые нынѣ въ пространныхъ мѣсяцесловахъ, взяты изъ той древней службы, — разумѣется съ поновленіемъ въ языкѣ, и, слѣдовательно, самая служба была, вѣроятно, въ употребленіи въ нашей церкви.

30 Такъ называемая у Добровскаго и у г. Бодянскаго «Вторая моравская легенда» разсказываетъ, что Меѳодій, не могши выпросить у папы позволенія взять тѣло брата съ собою въ Моравію, пошелъ тайно ночью въ церковь св. Климента и унесъ оное съ собой; что дорогой, когда онъ остановился, черезъ нѣсколько дней, для отдохновенія въ нѣкоторомъ пріятномъ мѣстѣ, тѣло Кириллово не могло быть сдвинуто съ мѣста; что Меѳодій обратился тогда съ молитвою къ Богу, да откроетъ ему, куда отнести тѣло святаго, и — усопшій, поднявъ руку, указалъ, чтобы его несли обратно въ Римъ, и что папа и римскій народъ, поспѣшивъ на встрѣчу святому тѣлу, снова погребли оное съ

честію тамъ, гдѣ лежало прежде въ церкви св. Климента. Ни на чемъ не основанная басня, но выдуманная единственно для того, чтобы Кирилла усвоить Риму и собственною его волею, чудеснымъ указаніемъ руки выраженною!

[31] Идучи отъ Колизея къ латеранской церкви, на лѣвой рукѣ, въ Римѣ, вы входите въ небольшую церковь, перистиль которой и расположеніе на три части доказываетъ древность ея построенія. Это-то и есть церковь св. Климента, гдѣ покоются нетлѣнныя останки незабвеннаго изобрѣтателя нашей грамоты. Любезные соотчичи! замѣтьте это дѣлаемое нами указаніе, и при посѣщеніи Рима, не забудьте зайдти въ церковь св. Климента, чтобы поклониться мощамъ св. нашего первоучителя, Кирилла.

[32] Одинъ русскій ученый, передъ праздникомъ юбилея московскаго университета, бывши въ Прагѣ, обратился съ усильною просьбою къ настоятелю тамошняго бенедиктинскаго монастыря, построеннаго въ честь Кирилла и Меѳодія и въ коемъ хранится десница Кирилла, по ходатайству Карла IV, дарованная оному монастырю папою, чтобы отдѣлили ему частицу отъ этой руки для принесенія въ даръ московскому университету, ко дню столѣтняго его торжества. Просьба была уважена, подлинность дара утверждена подписью настоятеля церкви и свидѣтельствомъ Ганки, Шафарика, Юнгмана и другихъ. И такимъ образомъ первое мѣсто просвѣщенія въ Россіи прилично владѣетъ частицею благодатной десницы первоначальника нашего просвѣщенія.

[33] Franz Palacky, Geschichte von Böhmen, Band I, стр. 124 и слѣд.

[34] Посланія сего между подлинными буллами на латинскомъ не находится; но тѣмъ не менѣе, оно заслуживаетъ полной вѣры и въ томъ видѣ, въ какомъ передаетъ его паннонское житіе Меѳодія; ибо оно совершенно согласно и съ формою, принятою для буллъ.

[35] Мѣсто нахожденія этого Мосбурга или Морбурга (отъ Moos, мохъ, или Moor, трясина, болотное мѣсто, слѣд. болотный городъ) долго оставалось неизвѣстнымъ. Канонику Іос. Коллару первому

принадлежитъ честь его открытія. На юго-западномъ краю Блатенскаго озера, очень близко отъ него, у рѣки Салы, впадающей въ него съ сѣвера, есть монастырь, называемый Сальскимъ аббатствомъ (Szala apathi), а еще южнѣе и ближе къ озеру — деревня Салава́ръ, что значитъ по-мадъярски Сальскій замокъ, городъ, крѣпость. Тутъ-то нашелъ Колларъ замокъ Коцела и Привинны, который зальцбургскій безъименецъ называетъ: «Privinæ civitas, munimen, castrum in nemore et palude Salæ». Мѣсто, гдѣ стоялъ за́мокъ, искусственно поднято въ видѣ острова, онъ составлялъ продолговатый четвероугольникъ, окруженный рвомъ, котораго слѣды видны и до сихъ поръ. По всему замѣтить можно, что онъ былъ построенъ въ византійскомъ вкусѣ, тогда общелюбимомъ въ Европѣ. Развалины и земля кругомъ заросли бурьяномъ и лозою. Отъ озера Блатенскаго отстоятъ онѣ на 3,235 саженъ, отъ Салы въ 160 саженяхъ. Длина за́мка отъ с. къ ю. — 35, а ширина отъ в. къ з. — 24 сажени. Кое-гдѣ остатки стѣнъ еще видны, а кое-гдѣ скрываются въ землѣ. Въ сѣверо-восточномъ углу стоялъ храмъ: на разваленныхъ стѣнахъ святилища уцѣлѣла еще живопись, какъ и въ храмѣ Пятикостельскомъ (Fünfkirchen), современномъ съ этимъ. Вѣроятно, это работа однихъ и тѣхъ же мастеровъ, о которыхъ безъименецъ зальцбурскій пишетъ: «roganti Privinno misit Liutpramus archiepiscopus magistros de Salzburg muratores et *pictores*, qui intra civitatem Privinnæ honorabilem ecclesiam construxerunt». Къ западной стѣнѣ, снаружи было придѣлано крыльце, а по четыремъ угламъ возвышались круглыя башни. Замѣчательно, что этотъ городъ былъ воздвигнутъ на сваяхъ глубоко вбитыхъ въ землю, и теперь уже отчасти окаменѣвшихъ. На нихъ утверждалось основаніе изъ тесаныхъ камней. Стѣны клались изъ песчаника, перемѣшаннаго съ кирпичемъ.... Зданіе такъ разнесено, что нѣтъ возможности представить себѣ, какъ оно было устроено. Отсюда брали камень для салова́рской приходской церкви и приходскаго дома и для разныхъ другихъ строеній и для монастыря Салоопатовскаго, и для мостовъ и для дорогъ окольныхъ; — даже во время посѣще-

нія мѣстности Колларомъ, стояло около 70 саженъ наломаннаго камня и кирпичу, приготовленнаго для мощенія дороги. Въ южной сторонѣ внутренняго замка было гробовище, въ родѣ четвероугольнаго домика. Между прочимъ найденъ тутъ мраморный или кремнистый камень съ изображеніемъ св. Георгія (патрона греческой церкви, которой богослуженіе ввелъ здѣсь Меѳодій), какъ рыцаря на конѣ..... Въ библіотекѣ Сальскаго аббатства Колларъ нашелъ, между прочимъ, и краткую лѣтопись монастыря отъ самыхъ древнихъ временъ. Изъ священниковъ храма Садовáрскаго отъ 845—885 г. упоминаются пять: Доминикъ, Свернагалъ, Альтеррилъ, Рихбальдъ и Меѳодій. Кто былъ послѣ Меѳодія, неизвѣстно. Вторженіе мадьяровъ, 900—907, осквернило это святилище христіанства, однако не совершенно: хоть и въ тайнѣ, оно оставалось (см. письмо Piligrini Zaureacensis, къ папѣ Бенедикту VII. Hansiz Germ. Sacra 1.211). Послѣ, король Стефанъ, или Войкъ, основалъ тутъ, въ 1017 г. монастырь бенедиктинскій и далъ ему латинскаго аббата (ordinavimus abbatem latinum), изъ чего видно, что славянское богослуженіе продолжалось тутъ до этого времени. Славянщина господствовала тогда во всей Панноніи и въ Угрáхъ. См. Cestopis obsahryící cestu do horni Italie a odtred přes Tyrolsko a Baworsko, se zwláštnim ohledem na slawjanské žiwby, roku 1841 konanau a sepsanau ad Jana Kollára. W. Pešti. 1843.

[35] Подлинное паннонское житіе въ такомъ видѣ передаетъ преніе его съ латинско-нѣмецкими священниками: рѣша епископы: яко на нашеи области оучиши. Онъ же отвѣща; и азъ, аще быхъ вѣдалъ, яко ваша есть, кромѣ быхъ ходилъ, на святаго Петра есть да правдою, аще ли вы рвенія ради лакомьства на старыя предѣлы настоупаете чресъ каноны, възбраняюще оученія Божія, блюдете ся, егда како хотяще желѣзноу городу костянымъ тѣменемъ пробити мозгъ вашь излѣете. Рѣша же емоу, яро глаголя: зла добоудеши. Отвѣща онъ: истину глаголю предъ цари, и нестыжю ся. А вы творите волю вашю на мнѣ, нѣсмь бо ноучьши тѣхъ иже соуть правдоу глаголюще многами моуками

житія сего избыли. Многамъ же рѣчемъ прогоненамъ и немогоущемъ емоу противоу отвѣщати, рече король из ница: нетроужайте моего Меѳодія, оуже бо ся яко и при пещи оупотілъ. Рече онъ: ей, владыко, философа потна иногда срѣтше людіе, рѣша емоу: что ся потиши? дѣтъ онъ: съ гроубою ся чадію прѣхъ о томъ же словеси съпрѣвше ся разидоша, а онаго зиславше въ свабы, дръжааша пол третіа лѣта.

[37] Это замѣчаніе жизнеописателя хорошо согласуется и съ церковною исторіею тогдашняго времени. Конечно, онъ разумѣетъ здѣсь зальцбургскаго архіепископа съ подвѣдомственными ему епископами. Въ округѣ зальцбургскаго архіепископа въ IX стол. были епископы: регенсбургскій, фрейзингенскій, пассавскій и бриксійскій. — Дѣйствительно, архіепископъ зальцбургскій, Адальбертъ, померъ въ 875 г., фрейзингенскій Ганно — въ томъ же году; пассавскій Германрикъ — въ 874. — Списокъ бриксійскихъ епископовъ въ концѣ IX ст. не полонъ. (См. статью о Кириллѣ и Меѳодіѣ въ VI книжкѣ Москвитянина 1843 г. прим. 30).

[38] Этихъ посланій нѣтъ, ни у Ассемани, ни у Добнера, но они отысканы Добровскимъ въ Sam. Timon imago ant. Hungariæ. B. II, c. XVI, и Steph. Salagii de statu eccl. Pannon. B. IV, p. 439 и B. VI, cap. V, подъ заглавіемъ: Jus patriarchicum a rom. Pontificibus in Pannonia exercitum. Вотъ подлинныя слова изъ буллъ: — къ королю Людвигу: multis ac variis manifestisque prudentia tua poterat indiciis deprehendere Pannonicam dioecesim ab olim apostolicæ sedis privilegiis deputatam; — къ Карломану: reddito et restituto nobis Pannoniensium Episcopatu, liceat prædicte fratri nostro Methodio, qui illic a sede apostolica ordinatus est secundum priscam consuetudinem libere, quæ sunt episcopi, gerere; — къ Монтемеру: admonemus te, ut progenitorum tuorum secutus morem, quantum potes, ad Pannoniensium reverti studeas dicœcesim. Et quia illic jam, Deo gratias, a sede b. Petri Apostoli episcopus ordinatus est, ad ipsius pastoralem recurras sollicitudinem (см. Добровскаго, Кир. и Меѳ. въ пер. стр. 68 и сл.).

[39] Западные славяне и до сихъ поръ воспоминаютъ о пребы-

ваніи Меѳодія у Святополка въ Нитрѣ, въ одной глубоко тоскливой пѣсни, которую поетъ и моравлянинъ, и чехъ, и въ особенности словакъ, живущій среди мадьяровъ. Пѣснь эта есть слѣдующая:

Нитра мила, Нитра, ты высока Нитра!
Кдѣ же су тѣ часы, въ ктóрыхъ си ты квитла?
Нитра мила, Нитра, ты словенска мати!
Цо позремъ на теба, мусимъ заплакаты,
Ты си бола нѣкды вшецкихъ краинъ глава,
Въ ктóрыхъ тече Дунай, Висла и Морава;
Ту ся бола быдло краля Святоплука,
Кеч' ту пановала его мощна рука;
Ты си бола сваte мѣсто Методова,
Кеч' ту нашимъ отцамъ казавъ Божье слово,
Вчилекъ твоя слава въ туони скрыта лежи:
Такъ са часъ меня, такъ тенъто свѣтъ бежи.

т. е.

Нитра милая, Нитра, ты высокая Нитра! Гдѣ же тѣ времена, когда ты процвѣтала; Нитра милая, Нитра, ты мать славянская! Что ни взглянемъ на тебя, должны мы заплакать. Ты была нѣкогда главою всѣхъ земель, гдѣ текутъ Дунай, Висла и Морава. Ты была столицей короля Святополка, когда тамъ господствовала мощная рука его; ты была святою обителью Меѳодія, когда онъ нашихъ отцевъ училъ Божью слову. Теперь твоя слава лежитъ сокрытая втунѣ: такъ-то мѣняется время, такъ-то бѣжитъ этотъ міръ.

[40] Вотъ въ подлинникѣ извѣстіе неизвѣстнаго сочинителя записки de conversione Baioariorum: Qui multum ibi demoratus est, exercens suum potestatiue officium, sicut illi iniunxit archiepiscopus suus: usque dum quidam græcus, Methodius nomine, nouiter inuentis Slauinis literis, linguam latinam, doctrinam romanam, atque literas auctorabiles latinas philosophice superducens, vilescere fecit cuncto populo ex parte Missas et Euangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc latine celebrauerunt. Quod ille ferre non

valens, sedem repetiuit Junauensem. Tempore ergo, quo dato et præcepto domini caroli imperatoris, orientalis Pannoniæ populus Junauensibus regi cœpit præsulibus usque in præsens tempus, sunt anni 75, quod nullus episcopus alicubi veniens potestatem habuit ecclesiasticam in illo confinio, nisi salzburgenses rectores; neque presbyter aliunde veniens plus tribus mensibus ibi suum ausus est colere officium, priusquam suam dimissoriam episcopo præsentauerit epistolam. Hoc enim ibi observatum fuit, usque dum noua orta est doctrina Methodii philosophi.

[41] Любопытно прочитать этотъ грозный позывъ папы въ полномъ и подлинномъ его видѣ: Reverendissimo Methudio, archiepiscopo pannoniensis ecclesiæ. Prædicationis tuae doctrinis populum Domini, tibi quasi spirituali pastori commissum, salvare instruereque eum debeas: audiuimus, quod non ea, quae s. romana ecclesia ab ipso apostolorum principe didicit, et quotidie praedicat, tu docendo doceas, et ipsum populum in errorem mittas. Unde his apostolatus nostri literis tibi jubemus, ut omni occasione post posita ad nos de praesenti venire procures, ut ex ore tuo audiamus et cognoscamus, utrum sic teneas et sic praedices, sicut verbis et literis te s. Romanae ecclesiae credere promisisti, aut non, ut veraciter cognoscamus doctrinam tuam. Audimus etiam, quod Missas cuntes barbara, hoc est slavina lingua; unde jam literis nostris, per Paulum episcopum Anconitanum tibi directis, prohibuimus, ne in ea lingua sacra Missarum solemnia celebrares, sed vel in latina vel in graeca lingua, sicut ecclesia toto terrarum orbe diffusa, et in omnibus gentibus dilatata cantat. Praedicare vero, aut sermonem populo facere, tibi licet, quoniam Psalmista *omnes*, admonet, *Dominum gentes laudare*, et apostolus: *omnis*, inquit, *lingua confitentur, quia Dominus Jesus in gloria est Dei patris.* Data XVIII kil. julli, indict. XII.

[42] Въ имени Земисиснъ Добровскій слышитъ славянское слово земи - жизнь отъ zemia земля и zizn плодоносіе. Стредовскому слышалось здѣсь zamysl.

[43] Это видно изъ одного мѣста въ сочиненіяхъ Фотія, въ ко-

торомъ говорится, что папа Іоаннъ на соборѣ 879 г. «не иначе, какъ православная церковь и его предшественники, первосвященники, принимая символъ вѣры, и мыслями и священными руками благочестивыхъ легатовъ (Павла, Евгенія и Петра), подписалъ и запечатлѣлъ его». Да, въ римской церкви еще долго не прибавляли къ символу filioque. Паги думаетъ, что уже послѣ 1040 г. пѣлся первоначально символъ вѣры съ filioque; и даже гораздо позднѣе, на соборѣ ліонскомъ, 1274 г., позволено было грекамъ, присоединявшимся къ латинской церкви, пѣть символъ въ первоначальномъ его видѣ, безъ filioque. (См. Добровскаго, Кир. и Меѳ. въ пер. стр. 72.

[44] Въ подлинникѣ — litteras denique slavonicas a Constantino *quodam* philosopho repertas и пр. Какимъ образомъ смѣлъ папа Іоаннъ VIII, спустя не болѣе двѣнадцати лѣтъ, послѣ почетнаго и великолѣпнаго погребенія Кирилла въ Римѣ, выразиться о немъ такимъ недостойнымъ и грубымъ образомъ: a Constantino quodam philosopho!? Западные сами устыдились этой грубости своего папы и хотѣли поправить ее, читая вмѣсто quodam (нѣкіимъ) quondam (нѣкогда); но и этимъ мало поправляется непростительная забывчивость папы о тѣхъ торжествахъ, съ какими освящали въ Римѣ изобрѣтенную Константиномъ славянскую грамоту. Думали еще поправить ошибку или невѣжество папы другимъ оборотомъ, именно, что въ средніе вѣка слово quidam употреблялось вмѣсто certus. Но это сомнительно, ибо папа старается писать въ это время свои буллы чистымъ и исправнымъ латинскимъ языкомъ. Не употреблено ли, можетъ быть, здѣсь quidam вмѣсто: sic dictus, ибо, конечно, Константинъ назывался философомъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это наименованіе было употребляемо у древнихъ, а въ смыслѣ особенномъ, — ученаго.

[45] Эти любопытныя буллы, которыми папа подтверждаетъ Меѳодія въ его архіепископскомъ санѣ и одобряетъ славянскій языкъ для богослужебнаго употребленія, у Добнера стр. 190 и въ Шлецеровомъ Несторѣ, по перев. стр. 818 и сл. — Паннонскому жизнеописателю Меѳодія извѣстна была эта булла,

но не въ томъ видѣ. Вотъ ея извлеченіе въ житіи. «Мы же трегоубоу радость пріимше, оумыслихомъ испытавши послати Меѳодія, свящьше и съ оученикы, сына же нашего, на страны ваша, мужа же съвершена разоумомъ и правовѣрна, да вы наоучитъ, якоже есте просили, сказая книгы въ языкъ вашь, по всемоу церковномоу чиноу испольнь, и съ святою мьшею, рекше съ слоужбою, и крещеніемъ. Якоже есть философъ Констяньтинъ началъ Божіею благодатію, и за святаго Климента молитвы: тако же аще имъ кто възможетъ достойно и правовѣрно сказати, свято и благословенно Богомъ и нами и всею кафоликіею и апостольскою церковью боуди, да бысте оудобь заповѣди Божіа навыкли. Сей же единъ храните обычай, да на мши прьвое чтоутъ апостолъ и евангеліе рімскы, таче словеньски, да ся исполнитъ слово книжное: яко вьсхвалятъ господа вси языци, и дроугоици: вси взглаголютъ языкы различны величіа Божіа, якоже дасть имъ Доухъ Святыи отвѣщевати. Аще же кто отъ васъ събранныхъ вамъ оучитель и слышащихъ слоухи и отъ истинны отвращающихъ на блѧди, начнетъ дрѣзнувъ инако развращати вы, гадя книгы языка вашего, да боудетъ отлоученъ, но токмо въ соудѣ даны церкви, дондеже ся исправитъ, ти бо соуть волъци, а не овца, яже достоинъ отъ плодъ ихъ знати и хранити ся ихъ. Вы же, чада възлюбленная, послоушати оученія Божіа, и не отринете казанія церковнаго; да ся обрящете истинніи поклонници Божіи, отцоу нашемоу небесномоу, съ всѣми святыми, аминь.

[46] Жизнеописатель Климента такъ изображаетъ отношенія Святополка къ Меѳодію: «Святополкъ, будучи развращенъ латино-нѣмецкими священниками, которые все ему позволяли, весьма мало обращалъ вниманія на то, что говорилъ ему Меѳодій, напротивъ, онъ обращался съ нимъ какъ съ своимъ врагомъ; ибо мерзость грѣшнику богочестіе, какъ говорится въ писаніи (Сирах. гл. I и XXV). Чего онъ не говорилъ для смягченія его и чего не представлялъ въ угрозу ему? То, на основаніи божественнаго писанія, вводилъ онъ правоту ученія и убѣждалъ

внимать ему, какъ источнику спасенія, то устрашалъ его тѣмъ, что если онъ присоединится къ еретикамъ, то погубитъ и себя и всѣхъ подданныхъ, сдѣлавшись удободоступнымъ и удобопобѣждаемымъ для враговъ (гл. V). А изъ западныхъ, Христаннъ такъ говоритъ о непокорствѣ Святополка къ ученію и увѣщаніямъ архіепископа: Dehinc Svatopluc, tyrannide suscepta, fastu arrogantiae inflammatus, cum sibi militantibus sodalibus pontificis Methodii praedicationem mellifluum quasi respuit, monitaque sacratissima non pleniter recepit. Quapropter a Pontifice b. memoriae supra notato pagus ejus et rus cum habitantibus incolis anathemate percussa. Это-же самое, въ болѣе пространномъ видѣ, говоритъ сочинитель моравской легенды *n.* 10 и 15. Въ Августиновомъ каталогѣ ольмюцскихъ епископовъ гонитель Меѳодіевъ называется младшимъ Святополкомъ, подъ которымъ можно разумѣть настоящаго Святополка, такъ-какъ герцогъ Ростиславъ иногда называется первымъ Святополкомъ.

[47] О обращеніи богемскаго герцога Боривоя такъ разсказываетъ новѣйшая легенда, найденная въ бывшемъ бенедиктинскомъ блаубейернскомъ монастырѣ, въ виртембергскомъ владѣніи (въ Actis Ss. стр. 22). Случилось, что король Святополкъ на одномъ пиршествѣ посадилъ богемскаго герцога именемъ Ворсивоя (Worsiwoi) подъ столъ, изъ омерзенія къ его невѣрію, утверждая, что неприлично язычнику ясти съ христіанами. Св. Меѳодій обратилъ его въ каѳолическую вѣру, предсказывая ему пророческими устами, что если онъ крестится, то и сами его потомки сдѣлаются сильнѣйшими всѣхъ князей и царей. Герцогъ Ворсивой, согласясь на это, просилъ крестить его съ тридцатью подданными. Послѣ чего, взявъ съ собою священниковъ, возвратился въ Богемію и окрестилъ супругу свою Людмиллу съ множествомъ богемскаго народа и, поживъ въ вѣрѣ во Христа, послѣ долговременной жизни, вручили ему свои души, оставя по себѣ потомкамъ святые примѣры даже до сего дня въ хвалу и славу Всемогущаго Бога.

Согласно съ этимъ и Далимилъ, чешскій писатель, въ своей

«Хроникѣ чешской», разсказывая въ стихахъ о крещеніи Боривоя, говоритъ, что онъ, не бывъ допущенъ Святополкомъ къ столу, какъ язычникъ, тотчасъ:

«Prosi krsta ot Swatopluka morawského,
a ot Methodieie arcibiscupa velehradského,
ten archibiscup rusin (въ др. rusenin, rusky) biéše,
mšu swu słovansky służieše.
U welehradie krsti Čecha prvého,
Bořiwoie knieze českého,
leta ot norozenie božieho
Po osmi set po devietidsát čtvrtého».

Басня впослѣдствіи изобрѣтенная и не заслуживающая вѣроятія, какъ то доказалъ Добровскій въ своихъ Kritische Versuche: 1 Borivois Taufe. Prag. 1803 г., стр. 85, 89.

[48] Если позднѣйшія легенды и хронографы не всѣ согласны въ томъ, что Боривой крещенъ былъ Меѳодіемъ, то слова Козьмы пражскаго должны поставить этотъ фактъ внѣ всякаго сомнѣнія. Козьма имѣлъ передъ собою древнѣйшія письменныя сказанія, и потому ограничился краткимъ замѣчаніемъ, что Боривой крещенъ былъ Меѳодіемъ: Qualiter dux Borivoi adeptus sit sacramentum baptismi—maluimus praetermittere, quam fastidium legentibus ingerere, quia jam ab aliis scripta legimus. Выставленный имъ 894 годъ крещенія есть конечно невѣренъ, потому что тогда ни Боривоя, ни Меѳодія въ живыхъ уже не было (Franz Palazky, Geschichte von Böhmen, Band I, стр. 136).

[49] Дѣйствительная форма глагола: «помилуй ны» есть вовсе не чешская, но чисто принадлежитъ Кирилловскому языку; ибо по-чешски, равно какъ и по-польски, надлежало бы сказать: «смилуйся надъ нами». Поэтому и приписывать введеніе этой пѣсни такъ называемому святому Адальберту, проповѣднику католицизма и врагу всего восточно-славянскаго,—неосновательно, тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству Козьмы пражскаго, пѣснь эта употреблялась въ народѣ еще до его появленія въ Богеміи

(см. Добровскаго Gesch. der böhm. Sprache und ältern Literatur, Prag. 1818, s. 76—79).

[50] Дитмаръ Chronicon lib. 4. 359 (Scrip. rer. Brunsv. T. 1) и Мартынъ Галлъ Chronicon lib. 1, c. 5, (ed. Bandtke, Varsav. 1824.

[51] См. о польской церкви въ журн. мин. нар. просв. 1824 (статья покойнаго преосвященнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго). Friese, Kirchengesch. Polens. Breslau. 1786 г.

[52] Паннонскій жизнеописатель Меѳодія такъ изображаетъ бѣдствія, испытанныя имъ въ жизни по различнымъ случаямъ: на всѣхъ же поутехъ въ многы напасти впадаше отъ непріязни по поустынямъ в разбойникы, по морю въ вълны вѣтрены, по рѣкамъ въ сирти незапны. Яко ся скончати на немъ апостольскомоу словеси: бѣды отъ разбойникъ, бѣды въ мори, бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ лжебратія, въ троудѣхъ и подвиженіихъ, въ забвеніи множицею, въ алканіи и жажди и прочихъ печалѣхъ, яже апостолъ поминаетъ.

[53] Житіе Климента, отд. 6.

[54] Западные писатели, и вмѣстѣ съ ними Добровскій (Кир. и Мео. пер. стр. 91), заставляютъ Меѳодія въ третій разъ отправляться въ Римъ и тамъ оставляютъ его умирать. Но всѣ ближайшіе ко времени событія источники противорѣчатъ этому. Такъ, паннонское житіе представляетъ кончину его на мѣстѣ его служенія, бывшаго въ Велеградѣ, и говоритъ, что «положиша его въ соборнѣй церкви». Въ житіи Климента, хотя прямо не говорится о погребеніи Меѳодія, но не говорится и о томъ, чтобы онъ отправлялся въ Римъ и тамъ скончался, а по тону разсказа видно, что предсмертныя сцены и самая кончина происходитъ на мѣстѣ его житія и служенія т. е. въ Велеградѣ, столичномъ городѣ Святополка. Въ старинной службѣ преподобному Меѳодію, напечатанной г. Григоровичемъ, подъ 9-ю пѣснію, въ ирмосѣ 1-мъ (36-мъ), говорится: «тя блжене псѣть земѣ моравьскаа. Честно твое тѣло имящи и паноньскаа стлю просвѣщена тобо и людиѥ его съшедшеся праздоуѫтъ твоя память». Но еще об-

стоятельнѣе о погребеніи Меѳодія говорится «въ сказаніи о Кириллѣ и Меѳодіи», находящемся въ одномъ харатейномъ прологѣ, писанномъ не позже XIII вѣка, по замѣчанію Калайдовича, можетъ быть, сербомъ, въ хиландарскомъ монастырѣ, на Аѳонѣ; именно въ немъ сказывается: «лежить же (Меѳодій) вь велицѣи церкви Моравстѣи, отъ лѣвоую страноу вь стѣнѣ за алтаремь светые Богородице». Добровскій называетъ это извѣстіе страннымъ (sonderbare Nachricht), спрашивая, гдѣ эта «великая церковь моравская». Что-же была бы за трудность отвѣтить ему самому себѣ на этотъ вопросъ, что эта «великая» или, что, конечно, одно и то-же, какъ называетъ паннонское житіе, «соборная церковь» находилась въ Велеградѣ (онъ-же и Девинъ) столицѣ моравскаго государства, въ послѣдствіи (907 г.) разрушенной уграми и нынѣ извѣстной подъ именемъ Градишты или Городища, основаннаго въ 1257 г.

56. Похвала Меѳодію составлена нами на основаніи сдѣланнаго Шаффарикомъ прибавленія, со львовской рукописи, къ житію св. Константина, и древней службы ему, напечатанной г. Григоровичемъ. Отдѣльнаго же похвальнаго слова Меѳодію, подобно, какъ Кириллу, въ древне-славянской письменности доселѣ неотыскано.

Гос. Историч. Музей. Б-ка НКП РСФСР Инвент. № 193 г.

ПОПРАВКИ.

Въ примѣчаніяхъ къ этой статьѣ, на стр. 11, вкрались ошибки:

Въ строкѣ 11 напечатано «въ спорѣ Константина у болгаръ перемѣшиваются возраженія и со стороны козаръ» вмѣсто — «въ спорѣ Константина у козаръ перемѣшиваются возраженія и со стороны самихъ козаръ».

Въ строкѣ 14 напечатано «свергнутый съ престола Тиверіемъ» вмѣсто «свергнутый съ престола Леонтіемъ».

Въ стр. 16 напечатано «Филиппики также искали» вмѣсто «Филиппикъ также искалъ».

Б.